

Управление

Федерального казначейства

по Нижегородской области

Редакционная коллегия:

Е.Б. Мазина
(председатель)

С.В. Моисеева
(заместитель председателя)

Д.И. Зудин

Управление Федерального казначейства
по Нижегородской области

А.П. Ефимкин, Е.Б. Мазина

«Крепко государство казною...»

Нижегородские страницы истории Казначейства России

1779–2007

Нижний Новгород
2007

УДК 94 (470.341)
ББК 63.3 (2Рос-4Ниж)-2
Е91

Авторы:

А.П. Ефимкин,
старший инспектор-делопроизводитель административного отдела Управления Федерального казначейства по Нижегородской области, кандидат экономических наук;

Е.Б. Мазина,
руководитель Управления Федерального казначейства по Нижегородской области, государственный советник Российской Федерации III класса, заслуженный экономист России, кандидат экономических наук, доцент

Ефимкин А.П., Мазина Е.Б.
Е91 «Крепко государство казною...»:
Нижегородские страницы истории Казначейства России. 1779–2007 /
Управление Федерального казначейства по Нижегородской области:
А.П. Ефимкин, Е.Б. Мазина. – Нижний Новгород, 2007. – 208 с.: ил.

В книге документальных очерков и воспоминаний рассказывается об истории организации исполнения государственного бюджета на Нижегородчине более чем за два века.

Использованы как ранее опубликованные материалы, так и документы из фондов Российского государственного исторического архива, Центрального архива Нижегородской области, Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, музея банковской истории Главного управления Банка России по Нижегородской области.

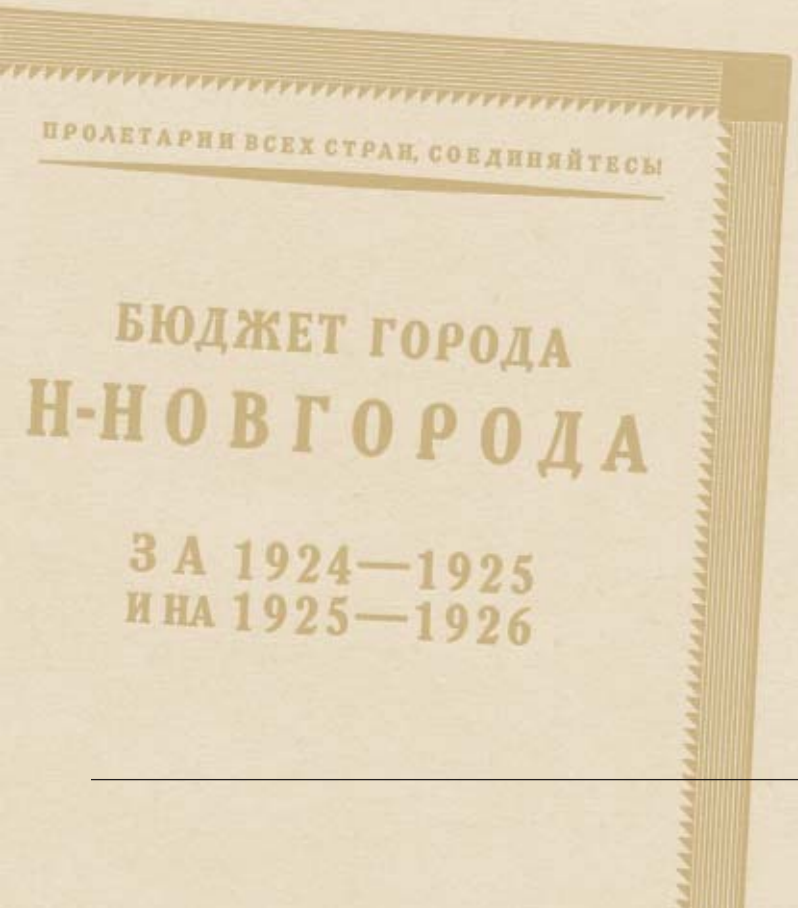
Для историков, экономистов, краеведов и широкого круга читателей, интересующихся историей нижегородских финансов.

УДК 94 (470.341)
ББК 63.3 (2Рос-4Ниж)-2

© Управление Федерального казначейства по Нижегородской области, 2007
© А.П. Ефимкин, Е.Б. Мазина, текст, 2007
© А.А. Звездин, макет, оформление, 2007

Нижегородским хранителям
казны государства Российского
посвящается

От Нижгубфинотдела.

Постановлением ВЦИК и СНК от 5 декабря с. г. срок приема к обмену расчетных знаков и обязательств, утрачивающих свою платежную силу с 1-го января, продлен до 31-го января 1923 г. включительно.

Зав. Губфинотделом П. Иванов.

Дорогие друзья!

Впервые мысль о том, что необходимо издание об истории и развитии казначейства в Нижегородской области, родилась еще 10 лет назад, когда я приступила к исполнению обязанностей руководителя Управления Федерального казначейства по Нижегородской области.

Первоначально нам удалось найти сведения об образовании Нижегородской казенной палаты, которые уместились всего на одной странице. С каждым годом мы выявляли новые и новые эпизоды из жизни наших коллег дореволюционной России. За этот период нами изучены сотни архивных документов. Активное участие в работе приняли многие сотрудники органов Федерального казначейства по Нижегородской области. Их воспоминания также представлены в нашей книге.

Это издание выходит в юбилейный для нас 2007 год – год 15-летия возрождения Казначейства России. О том, как проходило его становление, о преданной службе нижегородцев казначейству мы и рассказываем.

Добро пожаловать в мир нижегородских казначеев – со времен Екатерины II до наших дней!

Е.Б. Мазина

Предисловие

В финансовой системе нашей страны важное место занимает Федеральное казначейство. Возникновение казначейства связано с началом процесса формирования Российского централизованного государства в XV веке.

На современном этапе развития страны задачи органов Федерального казначейства в целом совпадают с задачами, поставленными предшественниками: учет доходов и расходов по всем бюджетам бюджетной системы Российской Федерации.

15-летие Казначейства России закономерно вызвало повышенный интерес к истории казначейской системы как последнего времени, так и дореволюционного периода.

В советскую эпоху все царское в экономическом устройстве России считалось реакционным, плохим, какого-либо внимания и уважения потомков явно недостойным. Между тем казначейская система Российской империи была очень продуманной и отлично «вписанной» в реалии досоветского периода.

Начавшаяся с образования Казенного приказа при Иване III и сформированная в единую сеть казенных палат при Екатерине II, казначейская система способствовала укреплению державы, созданию единого экономического пространства.

Перед Первой мировой войной по темпам промышленного развития Россия занимала одно из ведущих мест в мире. Разумеется, этому немало помогала существовавшая система исполнения бюджета.

Казначейства всегда были сугубо кассовыми учреждениями. Распорядительные же функции принадлежали казенным палатам. Поэтому интереснейшая история дореволюционной нижегородской казначейской системы – это история единого ведомства: Казенной палаты и подотчетных ей казначейств.

Естественно, быть «безлюдной» она не может: ее делали конкретные люди. Еще в 1904 году главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества Канцелярией А.С. Танеев указал начальствующим над правительственными и общественными учреждениями: «Добрая же слава чествуемого установления и оказанная им польза создаются действиями лиц, входивших в его состав за все время его существования, а не одного лишь наличного по времени наступления юбилея служебного персонала»...

В советскую эпоху реалии экономической действительности стали уже совершенно иными. Именно они вкупе с доктринальными установками большевистского руководства и потребовали отказа от казначейства, хотя переход к новой системе после октябрьского переворота совершился отнюдь не сразу. Да и самого бюджета (в «старом» понимании) у государства в годы «военного коммунизма» фактически не было.

Казначей – профессия не только важная, но и убедительно доказавшая свою необходимость за долгие годы. Вот

уже 15 лет как она снова существует в нашем государстве. Сотрудники Федерального казначейства – «государевы люди» – ежедневно стоят на страже казны, обеспечивая бюджетную стабильность и укрепляя финансовую мощь России.

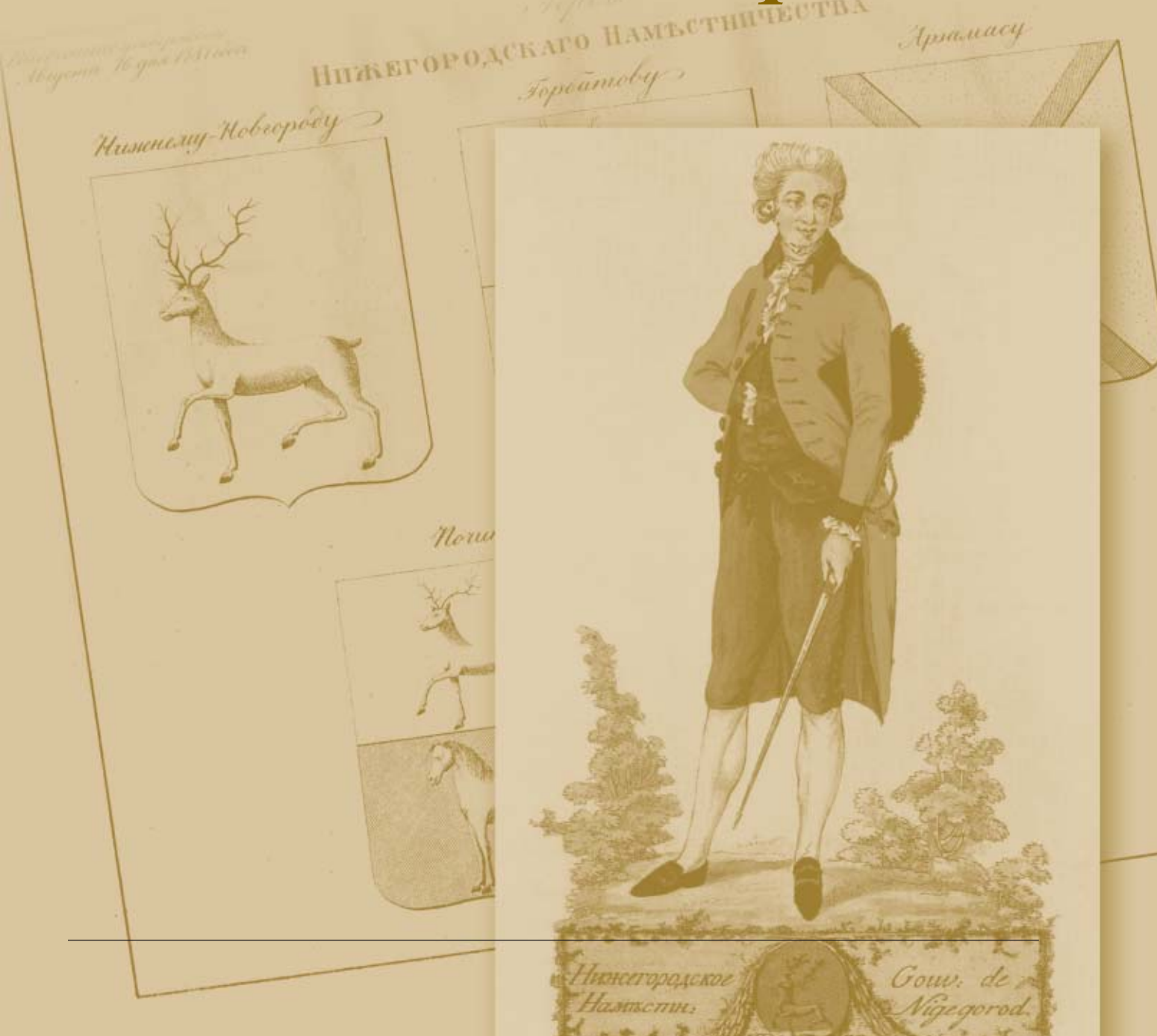
Книга адресована не только самим нижегородским казначеям – она для всех, кто хочет узнать новое о казначействе Нижегородской области (губернии), ее истории и людях.

Неоценимую помощь в работе над книгой на протяжении многих лет оказывали директор Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) заслуженный работник культуры Российской Федерации В.А. Харламов, заведующая читальным залом ЦАНО Г.А. Деминова, директор Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО) заслуженный работник культуры Российской Федерации В.В. Смирнов, служащие Главного управления Банка России по Нижегородской области С.И. Крупинова и М.А. Хахулина, сотрудники Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, кандидат исторических наук А.А. Шунин, известный нижегородский краевед И.А. Макаров.

В книге использованы многочисленные архивные и опубликованные источники. Это преимущественно документы Канцелярии Министерства финансов Российской империи, Департамента Государственного казначейства (Российский государственный исторический архив), Нижегородской казенной палаты и отдела финансов Нижгубисполкома (ЦАНО), партийной организации отдела финансов Нижгубисполкома (ГОПАНО). Стиль, орфография и пунктуация документов сохранены. Большую ценность представляют воспоминания служащих современной системы органов Федерального казначейства по Нижегородской области: это они в постсоветской России стояли у истоков возрождения данной федеральной службы.

Ведомство Нижегородской казенной палаты: начало истории

Денежная казна как атрибут государства Российского существовала во все периоды ее истории. Организация хранения *казенных денег*, поступления государственных доходов и их расходования за тысячелетие получала различное устройство. Но единой системы в этом первостепенном для государства деле долгое время не было.

Обе столицы, в которых находились центральные правительственные учреждения, охватывали лишь мизерную долю населения и территории России. На периферии же, вдали от монаршего ока, существовавшие порядки оставляли желать много лучшего. Разумеется, от «неустройства» власти на местах страдали и доходы казны государства Российского. Далеко не случайно взошедшая на престол Екатерина II в данном ею 21 апреля 1764 года губернаторам «Наставлении» прямо указала:

«Все целое не может быть отнюдь совершенно, если части его в непорядке и неустройстве пребудут. Главные же части, составляющие целое отечество Наше, суть губернии, и оне самые те, которые более всего исправления требуют».

Естественно, нуждалась в переустройстве и организация на местах всей системы «охранения казенного интереса»...

В ходе начатой Екатериной II реформы (1763) Правительствующий сенат был разделен на шесть департаментов. Четыре из них находились в Санкт-Петербурге и два – в Москве. Важнейшими государственными делами империи (в том числе – финансовыми) ведал Первый департамент во главе с назначенным в 1764 году генерал-прокурором князем А.А. Вяземским.

С 1719 года Нижегородская губерния состояла из трех провинций: Нижегородской (в нее входили Нижегородский, Балахнинский и Юрьевецкий уезды), Арзамасской (Арзамасский уезд и часть Муромского уезда), Алатырской (уезды Алатырский, Курмышский и Ядринский).

20 мая 1767 года совершавшая путешествие по Волге императрица Высочайше соблаговолила прибыть в губернский город Нижний Новгород. Впоследствии именно ее и генерал-прокурора Правительствующего сената Российской империи князя Вяземского усилиями была законодательно разработана и внедрена в практику *казначейская система* с соответствующими учреждениями и едиными для всех концов державы четкими правилами. Сегодня она и люди, ей служившие, закономерно вызывают к себе интерес: современные российские казначеи хотят и должны знать историю своей службы.

В 1773 году при Первом департаменте Правительствующего сената была учреждена Особая экспедиция о государственных доходах—предшественница Департамента Государственного казначейства.

В 1779 году при Сенатской экспедиции государственных доходов императрица учредить повелела особую Экспедицию для ревизии государственных счетов. На следующий год в Санкт-Петербурге и Москве открылись казначейства для штатных и остаточных в государстве сумм.

7 ноября 1775 года Екатерина II Высочайше конфирмовать соблаговолила исключительно важный документ, определивший будущее устройство и механизм управления в губерниях: «Благочестивейшая Самодержавнейшая Великия Государыни Императрицы Екатерины Вторая Учреждения для управления Губерний Всероссийския Империи». Именно с него начинается история всей российской казначейской системы и ее составной части—ведомства Нижегородской казенной палаты. В том обширном документе констатировалось:

«...Нашли Мы во первых: что по великой обширности некоторых Губерний, оныя недостаточно снабдены, как Правительствами, так и надобными для управления людьми: что в одном и том же месте, где ведомо правление Губернии, и казенные доходы и счеты, вообще с благочинием или Полициею, и сверх того еще уголовные дела и Гражданские Суды определяются, а таковым же неудобствам тех же Губерний в Провинциях и уездах Правления не меньше подвержены; ибо в одной Воеводской Канцелярии совокуплены находятся дела всякого рода и звания.

Происходящее от того неудобство весьма ощутительно, с одной стороны медленность, упущении и волокита суть естественные следствия такого неудобного и недостаточного положения, где дело одно другое останавливает; и где опять невозможность исправить на единую Воеводскую Канцелярию множество различного существа возможных дел, служить может иногда и долгою отговоркою, и покрывает неисправление должности, и быть поводом страстному производству».

Для всех губерний и наместничеств утверждался «примерный штат» должностных лиц и учреждений. Наместничества, губернии и области разделялись на уезды (округа).

В губернском городе учреждалась «Палата для домостроительных дел и управления казенных доходов Императорского Величества» (Казенная палата). Это был очень важный финансово-хозяйственный орган в системе административных учреждений губернии:

«Казенная Палата не что иное есть, как соединенный Департамент Камер и Ревизион-Коллегии, которому поручаются в смотрение домостроительные и казенные дела той Губернии, как-то: ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведения о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные всякие права, казенные и публичные строения и их содержание в той Губернии, с

такою против Камер-Коллегии отменою, что Казенная Палата никого не судит, но производит требования свои о делах, о которых противоречия или спора быть не может в Губернском Правлении... О прочих же делах, кои не бесспорны или сомнению подлежат, приносит свои жалобы в Судебных местах чрез Губернского Стряпчего казенных дел».

Были подробно прописаны все задачи и функции каждого из вновь учреждаемых присутственных мест. Особое внимание уделялось главному финансово-хозяйственному учреждению губернии (наместничества):

«Казенная палата в разсуждении доходов Императорского Величества старается 1, дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были, 2, дабы доходы, куда надлежит, доставлены были, и 3, дабы доходы в целости сохранены были...

Казенная палата сочиняет погодно верный реэстр о доходах каждого уезда той Губернии, и старается, дабы сии реэстры были исправны и точны, и доставляет все сведения о доходах и расходах той Губернии Государственному Казначею».

Правда, самой должности государственного казначея при Екатерине II, несмотря на ее неоднократные обещания, учреждено так и не было. Всеми финансовыми вопросами ведал генерал-прокурор действительный тайный советник князь Вяземский. Как показало время, это был очень умный и грамотный финансист. Императрица умела замечать и выдвигать толковых людей на ответственные должности в государственных властных структурах.

До введения в Российской империи принципа единства кассы оставалось еще очень долго: каждая казенная структура финансировалась из *специально для сего* заранее определенных доходов. Поэтому предписывалось:

«Запрещается всем местам производить собою расходы без ассигнаций тех мест, которым какие доходы принадлежат, или без Именных и Сенатских указов, давая однако же знать о всех таковых на сверх-штатные выдачи полученных указах и ассигнациях немедленно по получении оных Государственному Казначею».

Председательствовал в Казенной палате вице-губернатор (поручик правителя). Ему подчинялись экономии директор, советник, два асессора, губернский казначей и четыре присяжных из отставных гвардейских унтер-офицеров. Все дела решались общим присутствием Палаты коллегиально:

«Каждый из членов объявляет мнение свое свободно и явственно по прямому своему разумению и чистой совести, не смотря на лица и не уважая ни посторонних предложений, ни частных лиц, хотя бы они были от первейших особ в Государстве, поступая во всем так, чтобы мог ответ в том дать перед Императорским Величеством и перед Самим Богом. Поэтому никто не должен оставаться при своем мнении из одного лишь упрямства или личных видов, но каждый, усмотрев в мнении другого твердое основание, обязан оному следовать».

Первым свое мнение высказывал младший по классу должности член общего присутствия Казенной палаты. Вице-губернатор подавал свой голос за либо против последним.

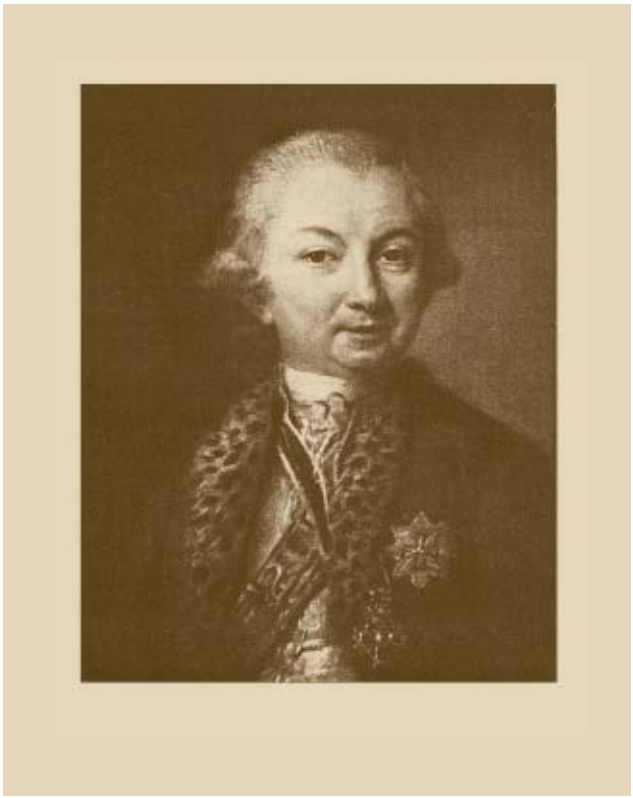
Императрица Екатерина II

Поручик правителя определялся к должности самой императрицей. Советник и асессоры – Правительствующим сенатом. Экономии директор и губернский казначей по представлению наместнического (губернского) правления определились к должностям «из достойных людей» тоже Правительствующим сенатом.

В уездах учреждались уездные казначейства – каждое во главе с уездным казначеем, определяемым к должности на трехлетний срок государственным казначеем по представлению Казенной палаты. Ей непосредственно уездный казначей и подчинялся по своей очень нелегкой и ответственной службе.

«В разсуждении доходов и расходов» каждого уезда Казенная палата получала от уездных казначеев ведомости: «1) все ли казенные доходы собраны; или 2) за чем доход не собран; 3) куда доходы употреблены; 4) если за штатным расходом остаток; 5) Где те остатки, и 6) Все ли налицо и таковою ли монетою, каковою в приход вступили».

Именно эти вопросы относились к ведению уездных казначеев: «Уездный Казначей не имеет власти сам собирать, ни распоряжать казенными доходами;

Генерал-прокурор Правительствующего сената
князь Александр Алексеевич Вяземский

но он есть хранитель тех денег, кои в казну приносятся, и ведет порядочные приходные и расходные книги...

Все казенные доходы того уезда, какого бы звания ни были, не исключая никаких, должны вступать в прием и под сохранение Уездного Казначея».

Наличную казну императорского величества предписывалось хранить только в каменных кладовых, от краж и огня безопасных. «Кладовые и в них денежную казну содержать везде за замками и печатью». Входить в кладовую «для вынимания и поклажи денег и отправления» денежной казны присяжные могли исключительно втроем:

«Когда в кладовую пойдут, то осмотреть, все ли мешки или бочки, сколько быть надлежит, налицо, и целы ли они?..

При вынимании денежной казны смотреть, чтоб вместо медных не было вынуто серебряных, или же золотых денег...

Запрещается нигде больших сумм не накоплять, но что за расходы на жалованье и за штатным употреблением денег останется, при всяком удобном случае доставлять в те места, куда который доход отпустить велено, или куда от тех мест ассигнован переводом или натурою...

Запрещается всем местам производить собою расходы без ассигнаций тех мест, которым какие доходы принадлежат, или без Именных и Сенатских указов, давая однако же знать о всех таковых на сверх-штатные выдачи полученных указах и ассигнациях немедленно по получении оных Государственного Казначею...

Запрещается одну сумму с другою смешивать, и чинить заимообразные выдачи; производить же всякую законную выдачу из той суммы, из которой ассигновано».

При каждой денежной кладовой полагается содержать дневную кладовую записку «и в оной записывать не токмо в какой день, месяц и год, сколько денег положено и вынуто, и при ком именно, но и когда, кто и за чем в кладовую входил».

В конце месяца денежная казна подлежала обязательному освидетельствованию по приходным и расходным книгам, реестру и дневной кладовой записке. «Казначеи же рапортовать имеют в Губернскую Казенную Палату, все ли деньги на лицо в кладовой, или буде чего не достает, то по каким обстоятельствам».

По окончании каждого полугодия уездный казначей обязан был присылать в Казенную палату своей губернии счета для ревизования. Губернатор же имел право в любое время самолично либо через уполномоченного освидетельствовать денежную казну «в Губернии, ему вверенной».

Печать и ключи от денежной кладовой находились в руках уездного казначея. При казне императорского величества в каждом уезде определялись по четыре отставных гвардии унтер-офицера, «людей доброго и исправного состояния и испытанной верности, из коих двум должно быть при том, когда деньги вносятся и вынимаются из кладовой, и без них да не войдет никто в кладовую, ибо... им вверяется хранение кладовой...».

Переустройство губерний, число коих с прежних 20 увеличивалось до 49, растянулось на несколько лет. Уже вскоре выяснилось, что должности казначеев требуется учредить незамедлительно. Поэтому 18 февраля 1776 года по Высочайше утвержденному докладу Правительствующего сената последовал Сенатский Указ «О поступлении в хранении денежной казны во всех Губерниях, Провинциях и городах по силе XI и III глав Учреждений о Губерниях».

С подачи генерал-прокурора князя Вяземского Екатерине II было благоугодно повелеть:

«До того времени, пока в Губернии учредятся на новом основании, определить ныне, в силу оных учреждений, в Губерниях Губернских, а в Провинциях и городах, исключая одни пригородки, уездных Казначеев, и по четыре человека присяжных из Гвардии унтер-офицеров, и быть им только у хранения денежной казны и у содержания приходных и расходных книг на том основании, как в новом учреждении узаконено; а прием и выдачу чинить по указам [Губернской] канцелярии, равномерно и ведомости всякие о денежной казне посылать вообще с Канцеляриями; для чего, Казначеям по сим делам и присутствовать в Канцеляриях; выбор же Казначеев препоручать где есть Генерал-Губернаторы, им, а где Генерал-Губернаторов нет Губернаторам с апробации Сената, а унтер-офицеров из отставных от Гвардии, сколько когда случится, дабы, хотя не вдруг наполнить ими все требующееся число; что же надлежит до канцелярских служителей Казначеев, то оных определять из числа тех, кои ныне состоят по Канцеляриям у денежных дел; пригородки же оставить на прежнем основании, но только подтвердить, и дабы и тамо никаких денежных сумм не накопляли, но сколь скоро в сборе будут, доставляли б в ближайшее города, чего накрепко смотреть и начальствующим над ним местам».

До тех пор, пока не будут учреждены казенные палаты и должность государственного казначея, всем «новоопределенным» казначеям предписывалось отчетность направлять («репортовать») в губернскую канцелярию и Правительствующий сенат: «Рапорты и ведомости всякие о денежной казне посылать те же самые, какие и куда доныне учреждены, и посылать оные Казначеям вообще с Канцеляриями...».

Так еще до учреждения Казенной палаты в Нижегородской губернии появились губернский и уездные казначеи. Первый их них состоял при губернской канцелярии, остальные – при провинциальных воеводских канцеляриях. Уездные казначеи были определены к должностям Указом Правительствующего сената в октябре 1779 года.

Казначеем губернского города (губернским казначеем) указом Правительствующего сената Российской империи был назначен коллежский асессор В.Ф. Набрежнов. Казначеем Балахнинской воеводской канцелярии стал коллежский асессор М.И. Протопопов.

5 сентября 1779 года Екатерина II подписала Указ «Об открытии Нижегородского наместничества и составлении оного из тринадцати уездов». На следующий день императрица конфирмовала штаты Нижегородского наместничества. После проведения подготовительной работы 15 и 22 декабря состоялось торжественное открытие присутственных мест вверенного генерал-поручику А.А. Ступишину наместничества, одного из первых в Российской империи.

22 декабря в присутствии генерал-губернатора А.А. Ступишина, правителя наместничества Ф.В. Обухова и всех членов Казенной палаты епископ Нижегородский и Алатырский Антоний освятил новое учреждение.

Секунд-майор Володимеров принял губернскую казну от своего предшественника Набрежнова.

Вскоре праздновать открытие своих присутственных мест стало чиновничество уездов: Арзамасского, Княгининского, Макарьевского (28 декабря), Горбатовского (29 декабря), Ардатовского, Балахнинского, Васильского, Перевозского (30 декабря), Семеновского, Сергачского (31 декабря), Лукояновского (2 января) и Починковского (4 января).

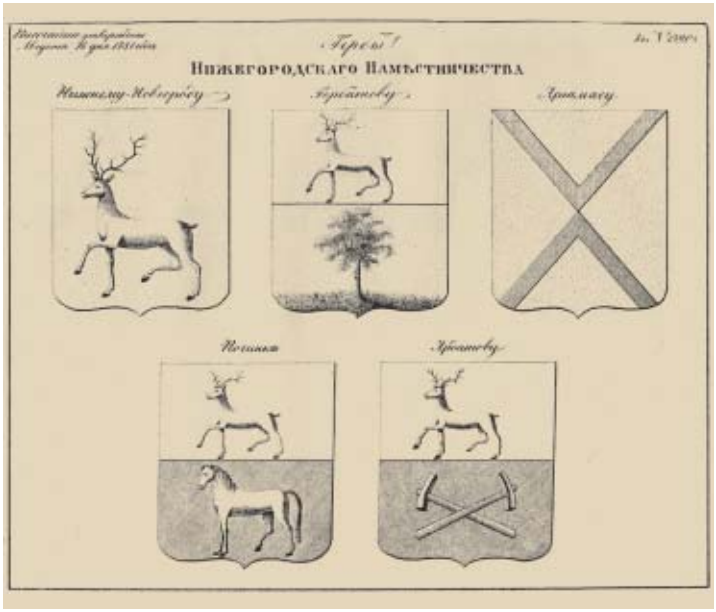
К открытию Казенной палаты для исполнения своих должностей в нее были присланы 23 приказных служителя и протоколист титулярный советник В.С. Акимов.

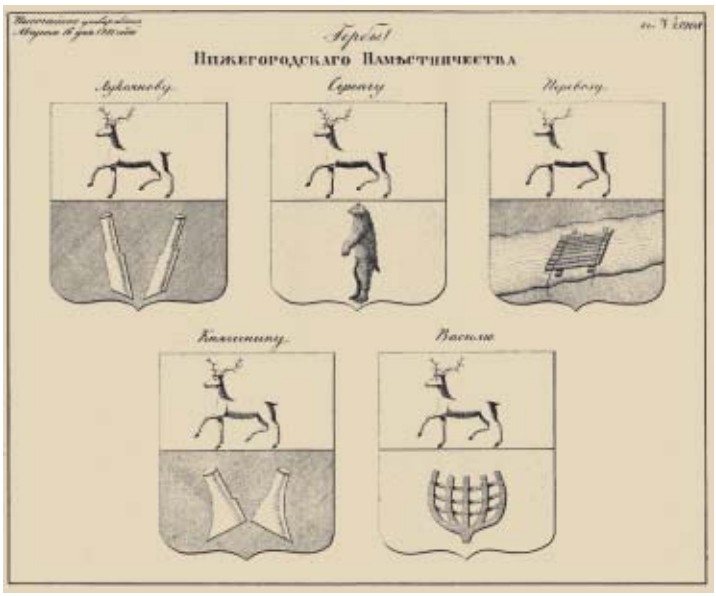
Как и в наместнической столице, в уездах появились все предусмотренные «Учреждениями для управления губернией Всероссийской империи» новые административно-хозяйственные структуры. Функционировать же все они официально начали с 1 января 1780 года.

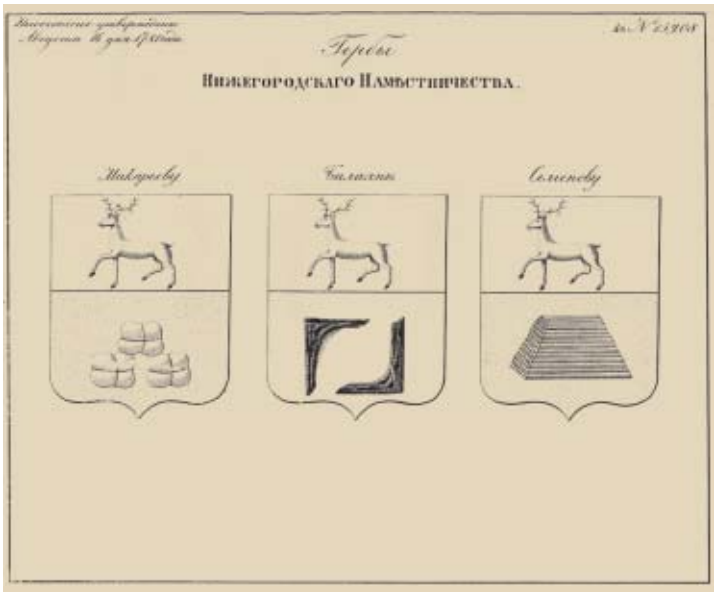
Всем городовым казначеям Казенная палата предложила сдать остававшуюся у них денежную казну вновь определенным казначеям.

2 января 1780 года впервые была освидетельствована вся денежная наличность Нижегородской казенной палаты. Она составила 94 316 рублей 36 ¼ копейки.

Общее присутствие Нижегородской казенной палаты под председательством первого ее руководителя вице-губернатора коллежского советника В.У. Запольского составили директор экономии надворный

Гербы всех городов Нижегородского наместничества. Высочайше утверждены 16 августа 1781 года

советник П.В. Елагин, советник полковник А.Г. Толстой, асессоры флота капитан-лейтенант И.Д. Дуров и коллежский асессор А.М. Ушаков, губернский казначей секунд-майор И.П. Володимеров.

Запольский (сам Василий Устинович писал свою фамилию Запольской) еще до учреждения наместничества с 1775 года служил в Нижнем Новгороде губернаторским товарищем – заместителем нижегородского губернатора. Именно он тогда курировал в губернии финансовые вопросы.

Теперь же руководство финансово-хозяйственными делами стало для него главной служебной обязанностью. В журнале Нижегородской казенной палаты от 22 февраля 1780 года о должности Запольского сказано так: «...Сего Наместничества вице-губернатор и Казенной палаты президент...».

Елагин, двоюродный брат активного масонского деятеля, с октября 1774 года замещал должность руководителя Нижегородской дворцовой канцелярии (конторы): Петр Васильевич ведал дворцовыми крестьянами.

Толстой приехал в Нижний из Астрахани, где состоял губернаторским товарищем. На новом месте Александр Григорьевич прослужил чуть более года. Занимался в том числе сборами с лавок торгующих на Макарьевской ярмарке.

Уездные казначеи Нижегородской губернии (начало 1780 года)

Уездное казначейство	Казначей	Классный чин
Ардатовское	М.Д. Гуляев	Поручик
Арзамасское	Ф.С. Панютин	Капитан
Балахнинское	П. Карнеев	Секунд-майор
Васильское	И. Мукосеев	»
Горбатовское	А.Д. Худобин	Поручик
Княгининское	Г.П. Русинов	Прапорщик
Лукояновское	В.А. Повалишин	Капитан
Макарьевское	Я.А. Федоров	Губернский секретарь
Нижегородское	М.И. Протопопов	Коллежский асессор
Перевозское	Митров	Капитан
Починковское	А.Г. Добрынин	»
Семеновское	С.Д. Замятнин	Коллежский секретарь
Сергачское	И.Ф. Перфильев	Поручик

Кем прежде являлись остальные члены первого общего присутствия Нижегородской казенной палаты, достоверно еще не известно.

Был полностью укомплектован и штат уездных казначеев. Ими служили преимущественно отставные военные. В чины гражданские они «переименованы» не были.

Дольше всех из них уездным казначеем прослужил С.Д. Замятнин. В 1803 году Сергей Дмитриевич, к тому времени уже надворный советник и кавалер ордена Святого равноапостольного князя Владимира IV степени, возглавлял Балахнинское уездное казначейство...

По закону уездный казначей определялся к своей многотрудной должности на три года. При этом он обязан был предварительно представить вносимый в депозит казны крупный залог (4 тысячи рублей) наличными деньгами либо государственными ценными бумагами. Вместо залога видным местным дворянам и управляющему Казенной палатой дозволялось делать поручительство за «успешность» исправления казначеем его должности. По окончании трехлетнего периода уездный казначей (при отсутствии к нему претензий властей) мог определяться и на последующий срок.

Определение уездных казначеев к должности входило первоначально в компетенцию генерал-прокурора Правительствующего сената. Позже – государственного казначея. В 1805 году определение уездных казначеев на второй и следующий сроки стало прерогативой Казенной палаты.

В уездах кладовые для хранения казенных денег являли собой жалкое зрелище. 10 сентября 1780 года Нижегородская казенная палата слушала рапорт сергачского уездного казначея поручика И.Ф. Перфильева о состоянии вверенной ему денежной кладовой:

«...Запущенной в землю из чрезвычайно ветхих разного лесу пластин и досок беспотолку и кроме положенной вместо оного очень редко слегов засыпанного сверх землею здерном... из оных слегов некоторые за ветхостью чрезвычайно надломились и подперты извнутри подставкою...».

Служба шла своим чередом: деньги казны принимались, хранились, выдавались, отсылались куда следует. 23 ноября 1780 года Нижегородская казенная палата направила указы всем уездным казначеям наместничества:

«...Как сея вторая сего году половина приходит к окончанию то все собранные вами дворцовых и других доходов денги прислать вам в сию палату как наискорее, да и впредь присылать ненакапливая больших сумм»...

В январе 1781 года первый нижегородский губернский казначей отставной секунд-майор Володимеров «за болезнями» попросился на пенсию. Иван Петрович подал в Нижегородское наместническое правление на Высочайшее имя челобитную об увольнении от службы государевой. Генерал-губернатор Ступишин отправил ее в Санкт-Петербург на рассмотрение в Правительствующий сенат.

Общее присутствие Нижегородской казенной палаты нашло: поскольку Володимиров «подлинно находится в слабости и зрением весьма недостаточен, то ему должность губернского казначея, требующая труда,

исправлять более невозможно, и дабы за тою ево невозможностью в правлении оной должности не последовало какого либо упущения и казне убытку». *Исправлять должность* нижегородского губернского казначея стал отставной поручик И.Ф. Харитонов.

Самым слабым звеном ведомства Нижегородской казенной палаты первое время оставались кадры. Заполнить вакансии грамотными канцелярскими служителями оказалось очень непросто. Особенно – в уездах.

В феврале 1781 года горбатовский уездный казначей поручик Анисим Худобин рапортом донес наместническому правлению, что вместо положенных по штату *четырех* канцеляристов у него со дня открытия казначейства налицо состоит лишь *один копиист* Сперанский. К тому же он «не только чтоб книги или другие по казначейству дела мог исправлять, но и с черного на белое три, четыре раза переписывает и то с крайнею нуждою»...

Такую же нужду в канцеляристах испытывало *все ведомство Нижегородской казенной палаты*. В ответ на покорнейшую просьбу о помощи наместническое правление постановило «о произведении публик, особливо в казенных селениях, не сыщутся ли желающие из бывших прежде открытия здешнего Наместничества при экономических, дворцовых и казенных управлениях из крестьян писцов или земских».

Набранные из случайных людей, многие канцеляристы уездных казначейств пьянствовали, буйствовали, не почитали начальство, выказывали «неприлежание к должности». В общем, вели себя на службе «весьма дурно»...

24 марта 1781 года Екатерина II своим Указом утвердила разработанное служившим тогда еще обер-секретарем Экспедиции по части казны Правительствующего сената статским советником А.И. Васильевым «Наставление для производства дел в казенных палатах». Отныне сим учреждениям Высочайше повелевалось состоять из *экспедиций*.

Первой (Экспедиции директора экономии) предписывалось решать широкой круг вопросов:

«...Сведение об однодворцах, всяких прежних служеб служилых людях, Государственных крестьянах, Государевых крестьянах, приписанных к каким ни есть заводам ямщикам, экономических и Дворцовых крестьянах, и прочих временно в коронном управлении состоящих: словом, о всех, кои судом ведомы в Нижней и Верхней Расправах; а также присмотр за казенными фабриками, магазинами, лавками, землями, лесами, рыбными ловлями, мельницами и прочими угодьями, кои в оброк отдаются».

В городе Макарьеве уже давно ежегодно проводилось некогда знаменитое торжище, куда свозились товары со всего мира. С образованием Нижегородской казенной палаты Макарьевская ярмарка была передана в ее ведение. Именно Экспедиции директора экономии предписывалось «особливое примечание за ярмарочными местами»:

«...Чтобы оныя приносили настоящую свою цену, и для того где нужно иметь для умножения доходу гостинные дворы, сараи и тому подобное, представлять Казенной Палате со всеми потребными объяснениями».

Граф Алексей Иванович Васильев

Второй экспедиции поручались все таможенные дела и «за оными надзирание». В нее подавали ведомости и счета о приходе и расходе таможенные служители. Освидетельствовав их, Экспедиция направляла эти документы в Казенную палату для «формальной ревизии».

Третьей экспедиции вверялись все казенные и партикулярные заводы не территории губернии, «какого бы рода они ни были».

Все заводы, озера и соляные варницы, казенные запечные склады («магазины») соли ведала Четвертая (Соляная) экспедиция.

Пятая экспедиция вела ревизионные книги: «О числе душ, рекрутской набор, перевод людей помещичьих по желаниям последних из Губернии в Губернию, винной откуп и подряд, также соляной подряд на продовольствие Губернии и продажа оной по казенным лавкам».

Губернский казначей Казенной палаты возглавлял Шестую (Казначейскую) экспедицию. Ей поручались «сведение о приходах и расходах, ревизия счетов и отправление всяких по сей части ведомостей». Губернский казначей сам каких-либо кассовых операций не производил (этим непосредственно занимались казначеи уездные). Он должен был наблюдать:

«...Дабы все доходы сполна и в настоящее время собраны были, чтобы оные ни где понапрасну не лежали, но так как в росписаниях последних из Экспедиции о Государственных доходах предписано, куда надлежит, всякой месяц доставляемы были; где же доходы не в срок собраны будут, или собраны, да не отправлены, куда следует, представлять Казенной Палате».

В «Наставлении...» впервые были четко разграничены взаимоотношения между губернским казначеем и уездным казначеем губернского города:

«Деньги вступаемые в Казенную Палату Губернский Казначей отдает в кладовые под присмотр того города уездного Казначея, но счет оным производит помесячно, и из оных выписки подает в Казенную Палату сам Губернский Казначей».

В ведении этой экспедиции («под нею») состояли все уездные казначеи губернии.

Седьмую (Асессорскую) экспедицию возглавлял не советник, а первый асессор. Эту экспедицию называли также Строительной («Строевой»). Ей поручались дела по содержащимся казной мостам и перевозам, всем казенным и публичным строениям в городах:

«Наблюдать, дабы мосты и перевозы содержаны были в исправности, ежели же где либо придут в ветхость, то стараться оныя исправлять, и для того делая сметы, во что починка стоить будет, представлять Казенной Палате и требовать на то суммы».

Асессорская экспедиция осуществляла предварительный контроль за расходованием казенных средств при проведении капитального строительства любых объектов:

«Когда вновь что построить велено, и сумма на то определена будет, то наблюдать, чтобы сумма сия ни на что иное употреблена была, и чтобы все по смете и договору направлено, и для того вести оному счет и представлять Казенной Палате».

Второй асессор какой-либо экспедиции не возглавлял. Его первейшая обязанность состояла в свидетельствовании казны, счетов бухгалтерских и учетных книг. Поэтому он по роду своих обязанностей являлся помощником губернского казначея.

Сами руководители экспедиций (экспедиторы) дела не решали: они лишь составляли необходимые справки и объяснения, которые через вице-губернатора и передавали на рассмотрение общего присутствия Казенной палаты.

Вице-губернатору как старшему из всех членов общего присутствия и председательствующему в Казенной палате никакой конкретной экспедиции не поручалось:

«...А иметь ему главное управление над всеми чинами и делами в Казенной Палате, по силе Генерального Регламента: следовательно за все он отвечает».

В непосредственном ведении вице-губернатора состояли палатские секретарь, бухгалтер и архивариус со своими канцелярскими служителями.

После получения «Наставления...» с 1 мая 1781 года Нижегородская казенная палата была разделена на соответствующие экспедиции. В ее структуре отсутствовала лишь Вторая (Таможенная) экспедиция, которая полагалась не всем казенным палатам.

Первым секретарем Нижегородской казенной палаты стал титулярный советник В.С. Акимов. К тому времени Василий Семенович служил уже давно, постоянно повышаясь в чинах и должностях. В 1785 году он был назначен балахнинским уездным казначеем.

Губернского (в отличие от *уездного*) казначейства как самостоятельного учреждения не существовало: губернский казначей был членом общего присутствия Казенной палаты. Весь его немногочисленный аппарат тоже числился по ведомству Казенной палаты.

Первое время *губернское казначейство Нижегородской казенной палаты* имело *собственные денежные кладовые*. Поэтому-то и считалось, что хранившиеся в них деньги поступали *в саму Казенную палату*.

26 августа 1781 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты слушало вопрос о губернском казначее в соответствии с «Наставлением...». В итоге «приказали»:

«Имеющуюся сей Палаты в кладовой в ведомстве губернского казначея денежную казну всю каких она зборов есть по ведомости отдать в точное смотрение нижегородскому уездному казначею Ключареву, о чем сему дать указы в коих предписать первому чтобы он впредь присылаемую денежную казну как здешнего наместничества от уездных казначеев так равно представляемую и от протчих мест по точной силе прописанного в Высочайше опробованном Наставлении параграфе и по сходстве присланного в сию палату от Его Высокопревосходительства Господина Генерал порутчика Сенатора и Ковалера Алексея Алексеевича Ступишина в копии письма его сиятельства вышеупомянутого г-дна действительного тайного советника генерал-прокурора и разных орденов ковалера в коем между прочим сказано что губернскому казначею при других на него возложенных должностях времени нет вской раз кладовую запирать и печатать и в нее входить для внесения и выемки денежной казны, отдав под смотрение объявленного казначея Ключарева за щетом щетчиков и за препровождением присяжных состоящих в сей палате...».

Практика функционирования новой системы управления губерниями и самих казенных палат уже вскоре потребовала внесения очередных корректив. 24 декабря 1781 года Екатерина II дала Правительствующему сенату Российской империи Указ «Об учреждении при казенных палатах особой Экспедиции для свидетельства счетов»:

«Для поспешества Казенным Палатам, по Губерниям установленным, в производстве дел, званию их принадлежащих, повелеваем до издания Устава о всем казенном управлении прибавить в оных по одной Экспедиции для свидетельства счетов, составя сию Экспедицию в одном Советнике шестого класса, в одном Асессоре осьмого класса, в одном Секретаре одиннадцатого класса, с жалованием по штатам губернским, а на содержание Канцелярских служителей и на расход в дополнение к общей сумме отпускать по триста рублей в год».

Как и все прочие, Счетная экспедиция являлась частью Казенной палаты. После получения такого указа из Правительствующего сената общее присутствие Нижегородской казенной палаты своим указом организовало «Щетную экспедицию» во главе с отлично проявившим себя по службе коллежским асессором Михаилом Протопоповым. Экспедиционным асессором был определен переведенный в Палату из Нижегородского наместнического правления коллежский секретарь Степан Львов.

Каждый чин вновь учрежденной экспедиции устно принес, а затем подписал засвидетельствованное священником «Клятвенное обещание» – без этого он к должности не определялся.

3 января 1782 года императрица дала Правительствующему сенату еще один Указ: «Об учреждении при Казенных Палатах и Губернских канцеляриях Экспедиций по винной и соляной части». Они образовывались «для удобнейшего исполнения Казенным Палатам, относящегося к их обязанности по предписанию в изданных от Нас Уставах о вине и о соли... до будущего постановления Нашего о всем казенном управлении...».

Новую экспедицию казенным палатам предписывалось полностью устроить до 1 июля того же года. В ней полагалось иметь шесть «столов» (отделов) во главе со столоначальниками.

Вскоре Екатерина II конфирмовала предоставленное ей генерал-прокурором князем Вяземским обстоятельнейшее «Наставление уездным казначеям». В сей инструкции среди прочего говорилось:

«...Уездному Казначею быть попечительну, расторопну и осмотрительну, чтобы ничего не запускать, упражняться во всегдашнее время с утра до полудни в перечете приеме и отпуске денег... полагать труды свои после полудня в поверке по книгам самого себя, в составлении, просматривании и отправлении и рапортов или представлении также ведомостей и сообщений, и в составлении ж счетов, не откладывая ничего от одного к другому дню, словом, стремиться, что бы день дня очищал, наблюдая сего и над всеми в Казначействе чинами; ибо за всякую неисправность собственно собою отвечает по законам».

Именно уездные казначеи стали главными должностными лицами, осуществляющими кассовые операции. При этом им также предписывалось:

«Уездный Казначей... обязан наиточнейше наблюдать, дабы по окружному его ведомству все доходы, как окладные, так и неокладные сполна и в настоящее время вступали; и для того должен содержать всегда в твердой памяти, какие казенные доходы, когда и от кого и откуда в казну вступают...».

Балахнинское уездное казначейство со своей денежной кладовой размещалось в здании бывшей воеводской канцелярии. Там казна хранилась и прежде.

Арзамасское уездное казначейство занимало построенное еще в 1759 году каменное здание, в котором раньше находились архив и подушная палата.

Для Макарьевского уездного казначейства была отведена одна из башен Святотроицкого мужского монастыря.

В Ардатове, Горбатове, Княгинине, Лыскове и Семенове здания присутственных мест были деревянными.

Весной 1782 года наместническое правление предписало выслать всем городничим (кроме макарьевского) копии с Высочайше конфирмованных планов городов и образцовых фасадов казенных зданий в них: «...А особливо арзамасскому, балахнинскому, горбатовскому и васильскому, поелику в них казенные каменные строения прежде других его высокопревосходительством [А.А. Ступишиным] начать положено»...

Регулярной отсылке накопленной денежной казны в первопрестольную способствовало учреждение (август 1782 года) почтового сообщения между Нижним Новгородом и Москвой. Московская почта («когда бывает хорошая погода») приходила в столицу наместничества по понедельникам. Назад же почтовые тройки отправлялись каждую субботу. В следующем году еженедельная почта была устроена также между всеми уездными центрами и Нижним Новгородом.

Чиновник в мундире Нижегородского наместничества. 1784 год

Пересылка крупных казенных и партикулярных сумм (ограничений их не было) сразу же вызвала пристальное внимание «воровских людей», шайки которых нередко подстерегали почту на большой дороге...

Сама Казенная палата налогов и сборов не собирала, недоимок не взыскивала: она лишь следила за их исправным поступлением в кладовые казначейств. Сведения ей предоставляли уездные казначеи через губернского казначея. С недоимками боролось наместническое правление.

21 октября 1782 года Екатерина II дала Правительствующему сенату Именной Указ:

«...Находящегося в должности порутчика правителя Нижегородского наместничества статского советника Василия Запольского по прошении Его Всемилостивейше увольняем от дел, до излечения болезни повелеваем производить Ему половинное жалованье».

Теперь Василий Устинович получал из Казенной палаты пенсию в 600 рублей за вычетом 6 рублей «на гошпиталь». Вскоре Запольский стал предводителем нижегородского губернского дворянства*.

Новым вице-губернатором был назначен Елагин. В августе 1783 года Петр Васильевич донес наместническому правлению, что подушные деньги с нижегородских мещан за вторую половину прошлого и первую половину текущего года получены не все.

Дабы деньги сполна в казну поступили, наместническое правление распорядилось послать в городской магистрат соответствующий указ и велеть взыскать с мещан недоимку «в самоскорейшем времени», а доколе она взыскана и в казначейство сдана не будет, магистратских судей держать без выпуску, о чем губернской роты унтер-офицеру дан приказ, повелевая «магистрату той команде... производить ежедневную двойную порцию на счет неисправных плательщиков до тех пор, покуда не будет выплачена в казну недоимка».

Общее присутствие Нижегородской казенной палаты под председательством вице-губернатора Петра Елагина составляли директор экономии Петр Прокудин, советники Михаил Протопопов, Петр Кромин, Алексей Кочунов, губернский казначей Иван Харитонов, асессоры Павел Карнеев, Степан Протопопов, Степан Львов и Андрей Яковлев. Начальником палатского стола служил будущий губернский казначей Егор Аверкиев.

В борьбе за пополнение денежной казны государства Российского местные власти средствами достижения цели не стеснялись. Однажды правящий должность нижегородского генерал-губернатора И.М. фон Ребиндер предписал Казенной палате прекратить высылку жалования членам присутствий уездных и нижних земских судов, «доколе не откажут они усердия в решении дел и взыскании недоимок»...

Январская треть 1784 года закончилась. Как и полагалось по закону, 1 мая общее присутствие освидетельствовало всю имевшуюся наличность, подлинные документы денежной кладовой, палатский настольный реестр, приходные и расходные книги за апрель. В журнале Казенной палаты ее секретарь записал:

«[У нижегородского уездного казначея] по свидетельству оказалось самое то число чему и быть должно налицо, у губернского казначея пять сот сорок две тысячи сорок четыре рубля пятьдесят восемь копеек с половиною [и] у нижегородского уездного казначея тритдцать одна тысяча сто пятнадцать рублей девяноста две копейки с четью...».

По итогам освидетельствования общее присутствие Палаты приказало:

«О том в Правительствующий Сенат в 1 Департамент отрапортовать, и какой збор и какою манетою та наличная денежная казна состоит приложить по форме ведомость».

Нижегородский губернский казначей Харитонов, к тому времени из поручика «переименованный» в титулярного советника, весной 1784 года по болезни отказался от своей многотрудной должности. Вместо Ивана Федоровича из Нижегородского наместнического правления был прислан «к правлению сей должности просящийся» отставной секунд-майор Н.И. Протопопов. 1 мая 1784 года общее присутствие Казенной палаты приказало:

«...Майору Протопопову от него Харитонова все принадлежащее до казначейской должности принять...».

Пока бумага из Нижнего добралась до столицы и неспешно ходила по сенатским департаментам, формально Харитонов по-прежнему числился губернским казначеем, Протопопов же лишь *исправлял эту должность*.

9 августа 1784 года общее присутствие Казенной палаты слушало полученный из Правительствующего сената Указ: нижегородскому губернскому казначею титулярному советнику Харитонову «за добропорядочное должности исправление» пожалован чин коллежского асессора. Вскоре из Сената пришел еще один Указ: нижегородский губернский казначей коллежский асессор Харитонов от должности сей увольняется. На его место определялся отставной секунд-майор Протопопов. Тем самым Николай Иванович перестал *исправлять должность* и превратился в полноправного, к должности «на законных основаниях точно» определенного губернского казначея...

Тогда же формально ушел в отставку «за старостью и слабостью здоровья» и нижегородский уездный казначей губернский секретарь Яков Ключарев. Вместо него Правительствующим сенатом был назначен отставной секунд-майор Трофим Попов, правивший должность еще с весны того же года...

Нижегородская казенная палата и уездное казначейство губернского города первое время *собственных* помещений не имели. Палата оставалась в деревянном здании бывшей губернской канцелярии. Неподалеку от него находилась и кладовая Нижегородского уездного казначейства.

Денежные кладовые губернского и Нижегородского уездного казначейств состояли «под точным ведением» уездного казначея секунд-майора Попова. 21 июня 1784 года общее присутствие Казенной палаты слушало его рапорт:

«...В бываемые дожжи сквозь своды в кладовой палаты вода протекает и льется на мешки, которые оттого уже иные чрез короткое время немалое число погнили...».

Секунд-майор Попов просил покрыть кладовую кровлей и тем самым хоть как-то защитить от порчи казенные ценности. Общее присутствие приказало:

«Оной рапорт отдать в строевую экспедицию, и призвав в палату губернского архитектора велеть ему обсмотреть, и что надлежит в том зделать способ».

Прежде губернская казна хранилась в склепе под собором Богоматери Всех Скорбящих Радости. Затем – в склепе под теплой церковью Спасо-Преображенского собора в Нижегородском кремле. Деньги регулярно вносились в склеп и покидали его для использования по предуказанным назначениям.

За весь 1784 год в Нижегородскую казенную палату и подведомственные ей уездные казначейства поступило разных сборов на общую сумму 558 618 рублей 71 с четвертью копейка. По предписаниям Экспедиции

* *Через 6 лет он скончался. 13 сентября 1798 года Павел I пожаловал его вдове такую же пенсию – 600 рублей в год.*

Здание присутственных мест в кремле. В его правом крыле размещались Нижегородская казенная палата и губернское казначейство

о государственных доходах в том году было «отложено и действительно доставлено» в Санкт-Петербургское казначейство для остаточных сумм 93 тысячи рублей. Еще 25 тысяч рублей получило Адмиралтейство, вдвое больше – Главный кригс-комиссариат.

169 167 рублей 90 с половиной копеек перекочевали в кладовые Московского казначейства для остаточных сумм. Москвичам предписывалось получить от ведомства Нижегородской казенной палаты на 64 282 рубля 84 копейки больше. Однако «за невступлением всех разделных доходов в том 784 году» им пришлось довольствоваться меньшей суммой.

219 450 рублей 80 $^{3}/_{4}$ копейки было издержано на расходы по самому Нижегородскому наместничеству. Из них много денег ушло на возведение в кремле корпуса присутственных мест.

В 1781 году начались подготовительные работы к строительству по проекту нижегородского наместнического архитектора коллежского асессора Я.А. Ананьина двухэтажного каменного Г-образного здания присутственных мест и находящегося напротив него дома-дворца нижегородского вице-губернатора. Возведение корпуса присутственных мест обошлось казне в более чем 77 тысяч рублей.

Для укрепления денежных кладовых понадобилось 200 пудов полосового железа.

Каменные работы на строительстве в кремле квартала присутственных мест выполнили артели, которыми руководили Василий Иванов сын Кашин и Иван Васильев сын Антропов. Оба подрядчика были крепостными крестьянами села Вершилова Балахнинского уезда.

На строительство было употреблено 2 млн кирпича, который поставили купцы Вологдин, Трескины и балахнинский мещанин Яков Кожохин. Другие потребные строителям материалы поставили нижегородские купцы Иван Пузанов и Степан Олисов.

На кровлю ушли 4200 пудов листового железа, поставленного с Выксунского завода дворян братьев Баташевых.

Строительство корпуса присутственных мест приближалось к завершению. 25 июля 1784 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты слушало рапорт уездного казначея Попова:

«...Находящаяся доныне в кладовой под соборною церковью денежная казна вся без остатка оттуда выбрана и в казенные кладовые перевезена».

Присутствовавшие во главе с вице-губернатором Елагиным по сему рапорту секунд-майора Попова приказали:

«О неимении болше нужды содержания там караула дать знать наместническому правлению, а о построенной караулке Строевой Экспедиции разсмотреть не надобно ли оную куда перенести, а инде не надобно, то постараться продать и зделать о том публикацию и прибить билеты где надлежит, и желающих купить записывая докладывать палате, а о приеме оных выходов [из кладовой под собором] сообщить в Духовную консисторию...».

В линию с северным крылом 162-метрового (по фасаду) корпуса губернских присутственных мест тогда же по проекту Ананьина начало строиться двухэтажное каменное П-образное здание Нижегородской конторы для вымена ассигнаций (Променной конторы). Эта контора была учреждена по именному Указу Екатерины II от 28 декабря 1773 года. Через восемь лет старое деревянное здание пострадало от пожара.

Высочайшим Указом от 3 мая 1783 года Екатерина II повелела главному банков директору тайному советнику графу А.П. Шувалову выделить средства на строительство в Нижнем Новгороде каменного здания для тамошней конторы Государственного ассигнационного банка. Необходимые деньги (9 тысяч 542 рубля 22 копейки) были присланы в Нижегородскую казенную палату из Московского для остаточных в государстве сумм казначейства.

18 октября 1784 года в 8 часов пополудни стоявшие рядом старые деревянные здания присутственных мест Нижегородского наместничества охватил пожар. Он случился из-за неосторожности сторожа, ходившего со свечой «по своей надобности» через комнаты Палаты уголовного суда.

«Все без остатку» сгорели помещения наместнического правления, совестного суда, Казенной палаты, палат уголовного и гражданского судов.

В журнале общего присутствия Нижегородской казенной палаты от следующего числа записано:

«...Денежная же казна нетолько Государственных зборов как оные в каменных кладовых хранились особо, но и расходная винной Экспедиции сумма более осми сот рублей, которая послучаю ежечасных расходов находилась в Экспедиции и повержена была огнем, но быв вынесена вовремя пожара в кладовые вся ныне состоит в наличности...».

Секретари, столоначальники и приказные служители Нижегородской казенной палаты успели выкинуть в окна также все дела и документы своего учреждения.

Помещение Нижегородского уездного казначейства не пострадало. В нем теперь и обосновалось общее присутствие Нижегородской казенной палаты.

О случившемся было доложено в столицу генерал-прокурору князю Вяземскому. Вскоре Екатерина II дала Указ исправлявшему должность нижегородского наместника И.Ф. фон Ребиндеру:

«...По случаю пожара в Нижнем Нов городе присутственные места Мы находим нужду поспешить каменным строением во отвращение подобных произшествий а как на публичные здания в этом наместничестве уже пять лет отпускается положенная сумма то считаю что на оную немало уже построено; желаем между тем получить отпись уведомление какие именно наозначенные денги произведены строения и сколько еще потребно для окончания самых нужных зданий дабы Мы могли в том подать всевозможное пособие».

К концу 1784 года в нижнем этаже строящегося каменного корпуса присутственных мест были отделаны три кладовые для хранения денежной казны, столько же – для губернского и уездного казначейств.

Весной 1785 года Нижегородская казенная палата после проведенных торгов заключила контракт на постройку дома для банковой конторы с подрядчиком – крепостным крестьянином знаменитого своими каменных дел мастерами села Вершилова Балахнинского уезда Петром Михайловым сыном Халезовым. Он руководил артелью из 60 человек.

Кирпич для будущего здания со своих заводов поставили нерехтские купцы Андрей и его сын Николай Трескины. В июне 1785 года весь привезенный в кремль кирпич освидетельствовал наместнический архитектор Ананьин. Яков Ананьевич тут же отрапортовал Казенной палате, что оный «оказался во употребление казенного строения годным».

Так начало возводиться здание, в котором 210 лет спустя разместится Управление Федерального казначейства по Нижегородской области...

Госпоже Истории было благоугодно, чтобы три спроектированных Яковом Ананьевичем здания на территории Нижегородского кремля оказались непосредственно связанными с казначейской системой дореволюционной и современной России...

21 ноября 1785 года по случаю окончания строительства епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин отслужил торжественный молебен с водосвятием. После этого три с половиной сотни душ чиновников разошлись по канцеляриям и присутствиям.

Нижегородская казенная палата и уездное казначейство разместились в северном (ближе к Волге) крыле корпуса. 1 июля 1785 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты, как это и предписывалось ей законами, провело очередное освидетельствование наличности. В журнале записано:

«...Оставшаяся за расходом сего года от июня к июлю м[ася]цу разных зборов денежная казна против настольных реестров приходной и расходной книг и подлинных документов в кладовой губернского казначейства свидетельствована а по свидетельству оказалось самое то число чему и быть должно налицо двести девяноста три тысячи пять сот шесдесят семь рублей тритцать копеек три чети, а по Нижегородскому уездному казначейству осмнадцать тысяч восемь сот восемьдесят шесть рублей пятдесят девять копеек с половиною...».

Это были очень крупные по тем временам суммы: завершившееся через три года строительство вице-губернаторского дома-дворца обошлось казне в 26 тысяч рублей.

Летом 1787 года «для обозрения по присутственным местам канцелярского порядка» в Нижний Новгород прибыли сенатор граф А.Р. Воронцов (будущий знаменитый министр иностранных дел Российской империи, действительный тайный советник I класса) и тайный советник А.В. Нарышкин. Они констатировали весьма отрадную картину:

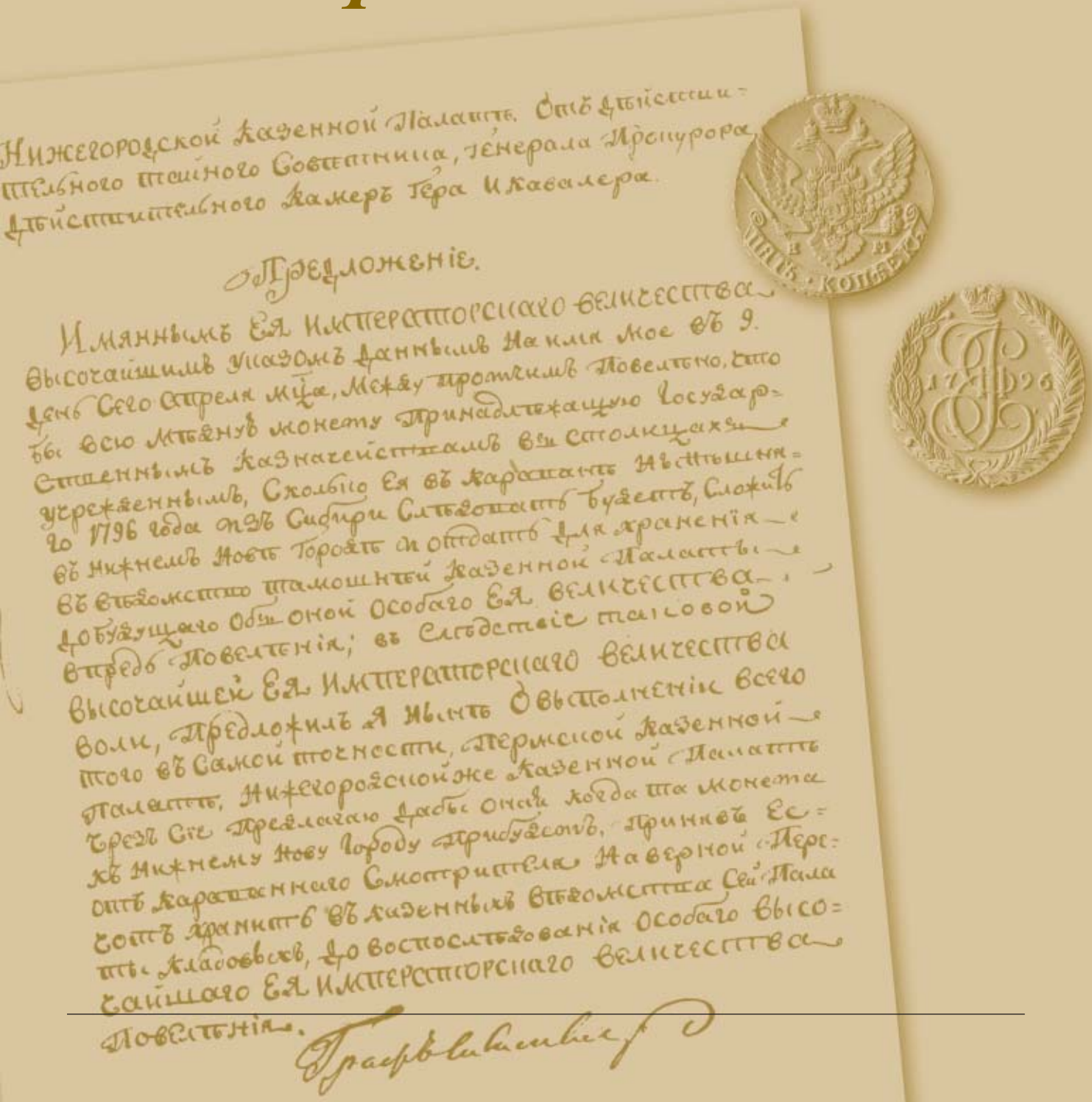
«Установленные на основании о управлении губерний учреждения присутственные места, ныне существующие, присутствующими и секретарями почти все наполнены и канцелярскими служителями довольно снабдены...».

Все присутственные места Нижнего Новгорода, Арзамаса, Лукоянова и Починок были найдены высокопоставленными ревизорами в полном порядке и «прямо соответствующими Высочайшим учреждениям». Казенная палата, правда, удостоилась Воронцовым и Нарышкиным некоторых замечаний.

Так завершился этап становления структуры ведомства Нижегородской казенной палаты.

«Операция в медной монете»: хроника

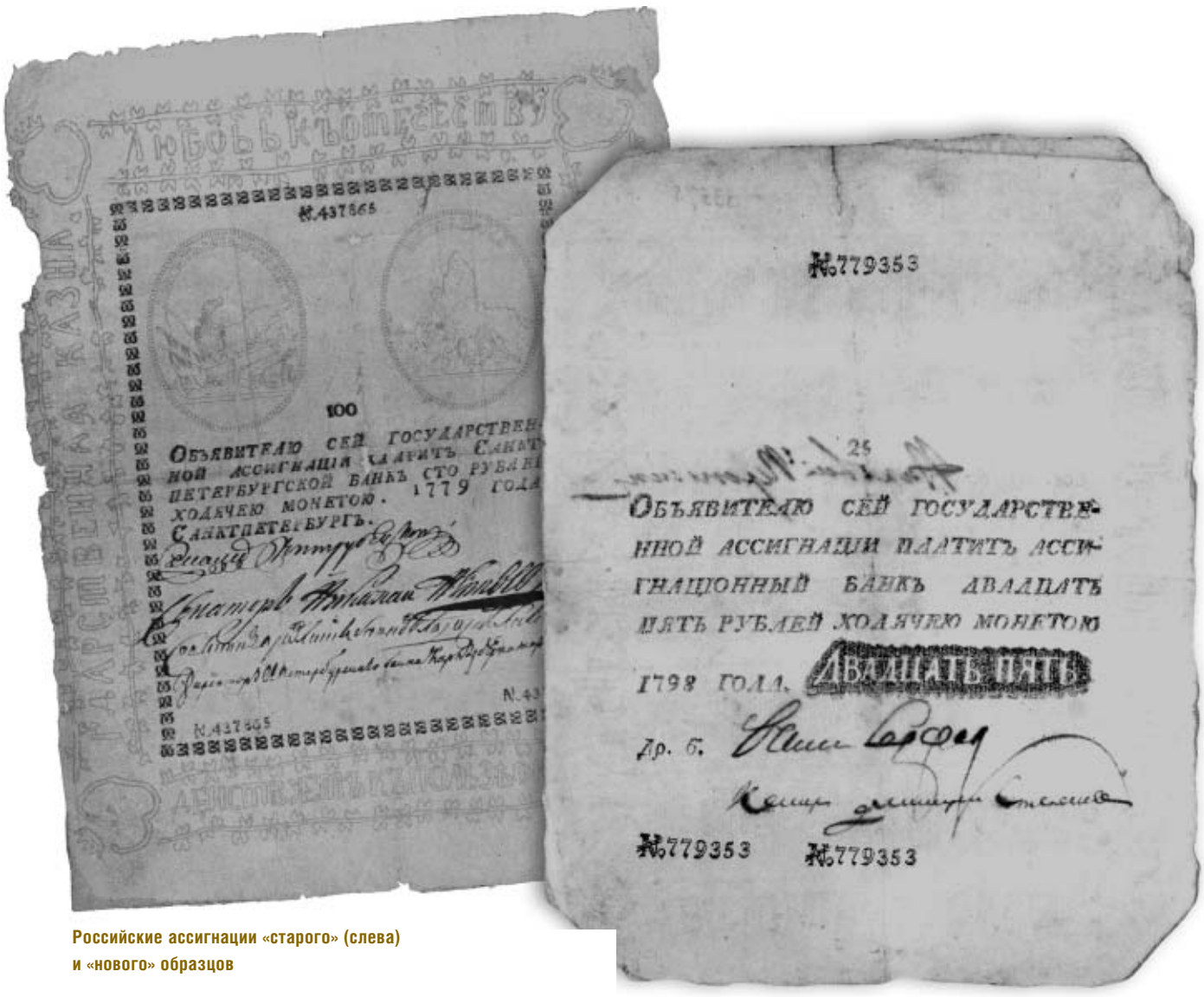
К концу екатерининской эпохи чрезмерная эмиссия ассигнаций привела денежную систему Российской империи в «совершенное расстройство». Упадку бумажных денег способствовали и фальшивомонетчики, успешно наладившие изготовление очень плохо защищенных от подделки купюр.

16 марта 1786 года Екатерина II подписала данный Правительствующему сенату Именной Указ «О печатании Государственных ассигнаций по новому образцу». На них и повелевалось обменять все старые ассигнации. Последние же после их «перечернения» в столице представить Сенату «для совершенного истребления».

Обмен предписывалось начать 1 сентября 1786 года и завершить в течение шести месяцев. Однако уложиться в отведенные сроки не удалось. Поэтому их дважды пришлось пролонгировать.

Для окончания обмена старых ассигнаций на новые согласно Именному Указу императрицы от 21 декабря 1786 года в Нижний Новгород было отправлено полмиллиона рублей. Их доставили посланные правлением Государственного ассигнационного банка лейб-гвардии унтер-офицеры. После пересчета ассигнации заняли свое место в кладовых губернского казначейства Нижегородской казенной палаты.

Медная монета, чеканившаяся по 16-рублевой стопе (16 рублей монет любых номиналов из одного пуда меди), оставалась основой находившейся в обращении денежной массы. Медь как металл вздорожала: ее пуд на рынке стоил *больше* 16 рублей. Вполне естественно медная монета начала исчезать из оборота. Теперь ее оказалось выгодным продавать на вес либо переплавлять и кустарно делать из этого металла

Российские ассигнации «старого» (слева) и «нового» образцов

Рисунки штемпелей для чекана медной монеты утверждались лично Екатериной II

какие-либо фабрикаты. На медную монету появился лаж: рубль медью ценился выше, чем рубль ассигнациями. Чеканка медяков приносила казне уже не прибыль (монетный доход), а убытки.

В марте 1788 года правивший должность нижегородского генерал-губернатора генерал-поручик И.М. фон Ребиндер уведомил Нижегородское наместническое правление о ставшем ему известном факте:

«...Уездные казначеи и соляные приставы, принимая в казну деньги медною монетою, променивают их на ассигнации, получая в свою пользу лаж».

Начальник наместничества предложил правлению «сделать распоряжение, чтобы пристава и казначеи вносили в казну деньги тою же монетою, какою их принимают». Для исполнения своего предложения Иван Михайлович строго наказал:

«А чтоб оное не могло иногда укрыться, предписать городничим и уездным стряпчим о всегдашнем за казначеями и приставами наблюдении».

Вскоре Ребиндер сделал наместническому правлению очередное начальственное предложение по сему ставшему очень актуальным вопросу:

«...Объявить через исправников и городничих всем обирщикам податей, чтобы они взносили в казначейство деньги тою же монетою, какою получают их в платежи, так как ему стало известно, что сборщики, собирая деньги мелкими суммами мелкою монетою, взносят в казначейства ассигнациями, получая себе при обмене денег лаж».

Не прошло и двух месяцев, как на основании Высочайшего повеления генерал-губернатор предложил наместническому правлению предписать городничим и уездным стряпчим, «дабы неослабное имели наблюдение за уездными казначеями, чтобы они в подати принимали всякую ходячую в Империи монету и банковые ассигнации и чтоб в казначействах хранимы и куда следует представляемы были деньги тою самою монетою, какою оне вступили».

Погоня за подскочившим в цене цветным металлом толкала на преступления даже охранников уездных казначейств. В конце 1789 года рядовой горбатовской штатной команды Суховерков привязал к бечевке железный крюк, опустил его сквозь оконную решетку в кладовую тамошнего уездного казначейства и вытащил, как удочкой рыбу из воды, мешок с медной монетой на сумму 12 рублей 8 копеек...

В самом конце восемнадцатого века всему ведомству Нижегородской казенной палаты довелось принять непосредственное участие в осуществлении очень крупного финансового мероприятия общероссийского масштаба. Оно было вызвано к жизни сугубо бюджетными надобностями.

К тому времени никого из членов первого общего присутствия Нижегородской казенной палаты на службе в ней уже не осталось. Палату возглавлял отставной гвардии полковник князь В.И. Долгоруков. Прибыв 11 мая 1793 года к месту новой службы, Василий Иванович вскоре донес нижегородскому и пензенскому генерал-губернатору генерал-поручику князю А.И. Вяземскому:

«Вступя в должность порутчика правителя наместничества, нашел денежную казну в палате всю в наличности, а входя в подробность управления казенной части, усмотрел в нерешении множества дел и в непосылке за прошедшие годы ведомости».

Накопившиеся завалы нерешенных дел разгрести полностью быстро не удалось, хотя подчиненным нового вице-губернатора и пришлось немало дополнительно потрудиться. В том же своем донесении Долгоруков не преминул заметить:

«...И сверх обыкновенного времени, назначаемого для труда, прибавил еще оного и после полудни несколько часов, и сие деятельностью выполняя и за каждым чином надзирая»...

Финансы Российской империи пребывали в состоянии плачевном: накопился и с каждым годом увеличивался долг казны, уходила из обращения медная монета, медь незаконно вывозилась за границу. В этих условиях у последнего фаворита Екатерины II генерал-фельдцейхмейстера князя П.А. Зубова и родился «спасительный план»: разрешить разом все проблемы перечеканкой тяжеловесной медной монеты 16-рублевой стопы в легковесную монету 32-рублевой стопы. Будучи осуществленным, сие мероприятие обеспечило бы казне государства Российского ликвидацию бюджетного дефицита, выплату долгов и получение многомиллионной прибыли. В поднесенном императрице 27 апреля 1796 года обширном зубовском докладе констатировалось:

«Все Департаменты без изъятия отягощены расходами, много превышающими их штатное положение, от чего и Государственные Казначейства до сих пор без чрезвычайных пособий государственным надобностям не в состоянии были удовлетворять. Последнее исследование об истинном положении Казначейств открыло, что к 1 генваря 1796 года, старых внутренних долгов и невыполненных указов в разные годы и от одного к другому скопившихся 36 973 711 руб. 97 коп.

Такое затруднительное в настоящем положение впредь еще будет и тягостнее, естьли к предупреждению того, паче к истреблению многих неудобств, не принять будет скорые и надежные меры.

Неоспоримо, что возвышение цен на все вещи есть одна из причин сверхштатных расходов, но что более обременяет нуждами государство, Департаменты и частных людей, и тем самым еще более возвышая цены поставляемым в казну вещам, отягощает всех лишними долгами, есть неисправные казною в сроки платежи, разстраивающие доверие Казначейств, доверие каждого Департамента и самое доверие частных людей».

Автор проекта был искренне убежден в необходимости наискорейшего осуществления своего плана:

«Дабы поставить государство... в благом и спасительном состоянии, должно будет произвесть в действо операцию в медной монете, и сей есть один способ, которым не токмо без новых налогов и без отягощения всем временным государственным нуждам удовлетворить и от старых долгов очистить возможно будет, но и приведением в соразмерность достоинство монеты сей с торговою ценою меди, пресечь вредное для Государства и для общества изъятие из обращения медной монеты и умаление оной употреблением ея на частные поделки... и при том, возвратить уже давно казною утраченной доход от бития медной монеты, умножением медных денег возстановить соответствие или равновесие между внутренних монет наших, то есть между ассигнациями и медными деньгами, и тем доставить обществу во всем пространстве империи свободнее выменивать ассигнации».

8 мая 1796 года Екатерина II Высочайше соизволила конфирмовать план проведения секретной «операции в медной монете». Государственная бюрократическая машина тут же начала осуществление всех необходимых для успешной и скорой (в течение четырех лет) реализации проекта мероприятий в обеих столицах и в губерниях.

Генерал-фельдцейхмейстер князь Платон Александрович Зубов

Перечеканку медной монеты по 32-рублевой стопе предстояло произвести на пяти штатных монетных дворах (Санкт-Петербургском, Московском, Екатеринбургском, Аннинском, Сузунском) и четырех временных монетных дворах («монетных отделениях»). Один из них велено было вновь устроить в Нижнем Новгороде. На Нижегородский монетный двор предписывалось доставить для перечеканки медную монету всех номиналов из здешней и еще целого ряда губерний европейской части империи.

Должности государственного казначея тогда учреждено еще не было. Поэтому всеми финансовыми вопросами ведал сменивший в 1792 году князя А.А. Вяземского генерал-прокурор Правительствующего сената граф А.Н. Самойлов. 5 июня 1796 года он предложил Нижегородской казенной палате:

«В следствие высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указа даннаго мне в 26-й день минувшаго маия, предлагаю Нижегородской казенной палате в число повеленной тем высочайшим указом к отпуску в учрежденной при дворе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Камитета на потребныя по оному надобности суммы, отпустить согласно того Комитета на устроение в Нижнем Нове Городе Монетнаго двора управляющему оным титулярному советнику Алексею Филинкову шеснатцать тысяч шест сот дватцать семь рублей, из денег остающихся в сей Палате от прошлаго 1795-го года к 1-му числу генваря сего 1796-го года на лицо, показанных в присланной в

Експедицию о государственных доходах из оной Палаты ведомости, и по отпуске тех денег меня уведомить».

Спустя пять дней от генерал-прокурора графа Самойлова Нижегородской казенной палате последовало еще одно непосредственно связанное с подготовкой начавшейся операции предложение:

«ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в 26-й день минувшаго маия месяца всевысочайше указать соизволила приготовя по ведомству казенных палат медную монету доставить оную в повеленныя места по моему распоряжению, а как во исполнение сего высочайшаго соизволения долженствует таковое в медной монете доставление произведено быть в Нижегородскую казенную палату из Резанской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Костромской и Ярославской, то и положено от меня всем сим палатам дабы они самопоспешнейшим образом старались собрать каждая медной монеты по пятидесяти тысяч рублей, отправить оную как наискорее в помянутую Нижегородскую казенную палату, первыя означенныя здесь шесть казенных палат на идущих к сему городу а последния две то есть Костромская и Ярославская, на возвращающихся от онаго с определенными присяжными и с достоверными распоряжениями о верном той медной монеты доставлении; собственно же Нижегородской казенной палате предлагаю дабы оная по ведомству своему собрав в самоскорейшем времяни толикое ж число в медной монете пятдесят тысяч рублей

Пробные оттиски медных монет 32-рублевой стопы (уменьшено)

из числа сумм назначенных к высылке по государственному на нынешний год росписанию без различия как оную, так и доставленную к ней из всех вышеозначенных казенных палат, равно и идущаго из Перми екатеринбургскаго меднаго передела монету о принятии которой от 17-го числа апреля месяца сей Палате уже предложено хранила до будущаго впредь предписания куда ее употребить повелено будет; из каких же определенных по росписанию на нынешней 1796-й год к высылке по местам сумм назначенная сим предложением собственно по сей Палате медная монета пятдесят тысяч рублей собрана и отложена будет, об оном меня не продолжительно уведомить, дабы по получении сего уведомления можно было об отпуске в замен тех пятидесяти тысяч рублей подлежащего по местам числа учинить должное с моей стороны распоряжение».

За архаикой стиля документов восемнадцатого века хорошо просматриваются механизм функционирования Нижегородской казенной палаты, принятия ею решений и отношений с губернскими и вышестоящими властями.

23 июня члены общего присутствия Палаты советники Михаил Бравин, Михаил Аверкиев, Николай и Дмитрий Павловы, Егор Аверкиев (руководитель Казначейской экспедиции, губернский казначей), асессоры Франц Массарий и Давид Чакерлян под председательством Василия Долгорукова заслушали предписание столичного начальства:

«1-е, к сведению что об отправлении в здешнюю Казенную палату во исполнение высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА от 26-го дня минувшаго маия м[еся]ца соизволения медной монеты Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Симбирской, Саратовской, Костромской, и Ярославской казенными палатами ис каждой по пятидесяти тысяч рублей, от его сиятельства предложено а при том и сей Палате предлагает дабы оная по ведомству своему собрав толикое ж число медной монеты пятдесят тысяч рублей из сумм назначенных к высылке по росписанию на нынешней год без различия как оную так и доставленную из всех вышеозначенных казенных палат, равно и из идущаго из Перми екатеринбургскаго меднаго передела монету хранила до будущаго впредь предписания, ис каких же сумм по сей Палате медная монета пятдесят тысяч собрана и отложена будет об оном его сиятельство непродолжительно уведомить».

После обсуждения вопроса общее палатское присутствие приняло на сей счет соответствующее решение («приказали»):

«Оное предложение записав приобщить к протчим в столп, а в Казначейскую експедицию дать с оного копию, коей учиня справку, нет ли в состоящем здешних присудственных мест квартале кладовых на помещение ожидаемой в здешнюю из предписанных казенных палат медною монетою суммы и доложить Палате, относительно ж накопления медною монетою пятидесяти тысяч рублей то по всем уездным казначействам послать указы и велеть принимаемую от откупщиков всходствие заключенных с ними контрактов и зделанных от Палаты предписаниев третью часть медной монеты не употребляя из нее ни на какия расходы прислать в Палату во обще с остающеюся за расходом протчих сумм тою монетою каждомесячно, ко исполнению чего с сего журнала в Казначейскую експедицию дать копию, коей когда назначенная медной монетой препорция накопится доложить Палате».

В Нижний Новгород из Перми к тому времени были уже привезены 1126 закупоренных и запечатанных казенными печатями бочек с медяками на общую сумму 285 142 рубля 80 копеек. Груз Сибирского каравана следовало доставить в Санкт-Петербург. Однако все бочки остались в нашем городе.

26 июня в журнале (протоколе) заседания общего присутствия Нижегородской казенной палаты секретарствовавший бухгалтер Василий Ефимьевский сделал запись о слушанном:

«Справку учиненную в Казначейской экспедиции по предложению его сиятельства г[осподи]на действительнаго тайнаго советника генерала прокурора, действительнаго камер гера и разных орденов кавалера графа Александр Николаевича Самойлова и по сообщению Пермской казенной палаты по Экспедиции горных дел, коими, первым изъясняя, что имянным ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшим указом, данным на имя его сиятельства в 9-й день минувшаго апреля м[еся]ца между протчим повелено; чтобы всю медную монету принадлежащую Государственным казначействам в столицах учрежденным, сколько ея в караване нынешняго 1796-го года из Сибири следовать будет, сложить в Нижнем Нове Городе, и отдать на хранение в ведомсто тамошней Казенной палаты до будущаго об оной особаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления; вследствие таковой высочайшей ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА воли, его сиятельство предложил, о выполнении всего того в самой точности, Пермской казенной палате; здешней же Палате чрез сие предлагает, дабы оная, когда та монета к Нижнему Нову Городу прибудет, принять ее от караваннаго смотрителя на верной перечот, хранить в казенных ведомства сей Палаты кладовых до воспоследования особаго высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления; вторым уведомить, что всходствие вышеписаннаго его сиятельства предписания следующая в здешнюю Палату выделанная из меди казенных и партикулярных заводов денежная казна всего двести дватцать девять тысяч пять сот сорок два рубли тритцать восемь копеек с половиною имеет быть доставлена нынешним летом с караванным управителем прапорщиком Федором Веселковым; по которой справке оказалось; при здешних Губернском и Уездном казначействах для поклажи денежной казны кладовых состоит три, из коих одна занимается поклажею вступаемою по обоим казначействам денежной казны, а две заняты архивом; сверх того порожжих способных для таковой поклажи комнат состоит с затворами в окнах и внутри их железными дверями две, кои на поклажу той денежной казны достаточны; щетчиков же находится присланных из губернской роты при Губернском четыре а при Уездном казначействах один, и того пять человек; учиненною ж в сей Палате сего июня в 23-й день резолюциею последовавшею по рапорту следующаго в Санктпетербург караванного управителя

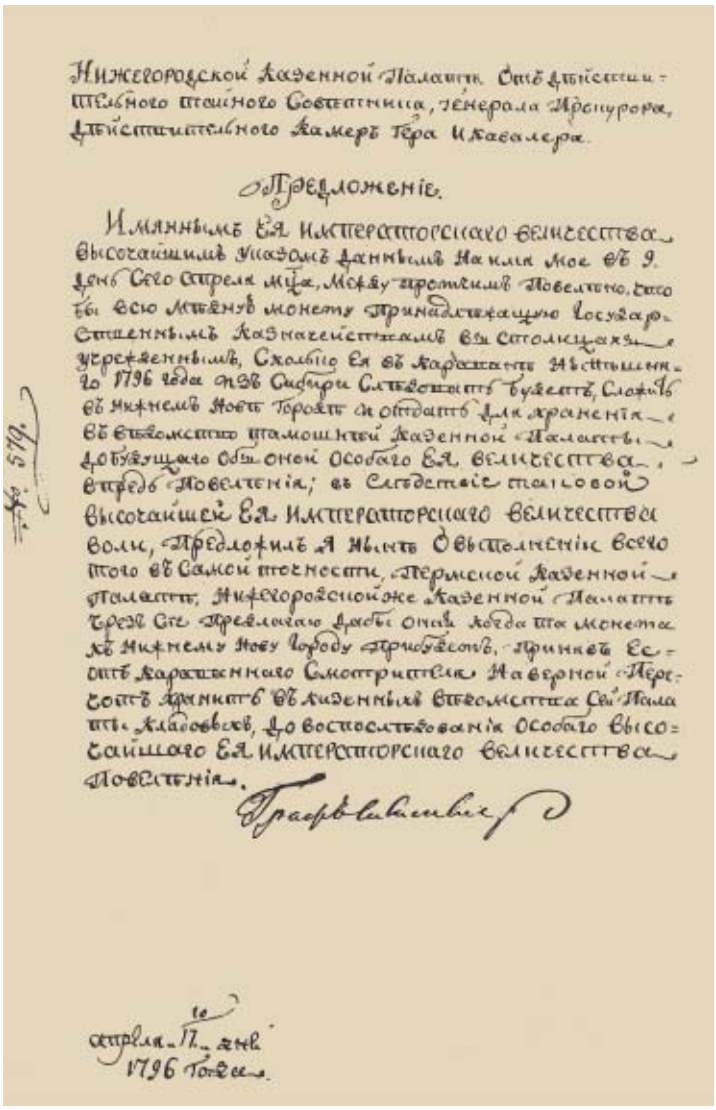
прапорщика Веселкова, коим уведомляя, о прибывшей к здешнему городу со оным денежной казне двух сот осьмидесяти пяти тысяч ста сорока двух рублей осьмидесяти копеек, просил о приеме ее в ведомство здешней Палаты; заключено и посланным в тот же день в здешнее Наместническое правление сообщением требовано, дабы оное благоволило приказать для приему явствуемой денежной казны добраго поведения и испытанной верности из военнослужителей находящихся в губернской роте или баталионе восемь да для содержания при оной караула при одном унтер афицере редовых шесть человек, но оных еще ни откуда в Палату не прислано».

После заслушивания той справки общее присутствие Нижегородской казенной палаты приказало:

«Как из справки значит, что для поклажи показуемых, привезенных сюда караванным управителем прапорщиком Веселковым медных денег всего двух сот осьмидесяти пяти тысяч ста сорока двух рублей осьмидесяти копеек, состоят две порозжия способныя комнаты, с затворами железными; то сей Палаты вахмистру Баранову объявить, чтоб он осмотря их и очистя внутри также и полы вымел порядочно; а сверх того к правящему должность архитектора помощнику Смирнову послать указ и велеть в упоминаемых комнатах осмотреть, нет ли в них чего к поправлению нужнаго, и буде что окажется, то сколько потребно для той поправки каких материалов, также не настоит ли надобности для щоту денежной казны в столах и протчем относящемся к сему, обо всем оном учиня опись представил бы Палате вскорости; относительно ж до щетчиков, то как всходствие учиненной в сей Палате сего ж июня в 23-й день резолюции о присылке их для приему вышеявствуемой денежной казны состоящей теперь в казначействах налицо пяти, еще в добавок осми человек в здешнее Наместническое правление сообщено, то требованием их ныне удержатся а ожидать присылки от того Наместнического правления; ко исполнению чего в Казначейскую экспедицию с сего журнала и дать копию».

Медная монета постоянно прибывала. Для ее хранения кладовых губернского и уездного казначейств уже не хватало. Поэтому было решено использовать помещение палатного архива, в котором к тому времени старых дел оказалось предостаточно. В журнале общего присутствия руководимого князем Долгоруковым учреждения протоколист Дмитрий Николаев (сын будущего губернского казначея, впоследствии – губернский прокурор) сделал очередную запись:

«1796-го года июля 4-го дня в Нижегородской казенной палате слушав справку учиненную в Казначейской експедиции по предложению его сиятельства господина генерал поручика правящего должность генерал губернатора нижегородскаго и пензенскаго князь Андрея Ивановича Вяземского, при коем препровождая в копии полученное от его сиятельства господина действительнаго тайнаго советника генерал прокурора и разных орденов ковалера графа Александр Николаевича Самойлова отношение предлагает казенной палате доставить его сиятельству в скором времени сведение какие во оной зделаны распоряжении о хранении ассигнованной из губерниев медной

Нижегородской Казенной Палаты Отъ Действительного Тайнаго Советника, Генерала Прокурора, Действительного Камеръ Гера и Кавалера

Предложеніе.

Имянным Ея Императорскаго Величества Высочайшим Указомъ данным На имя мое отъ 9. дня Сего Апреля мѣс., между прочим повелѣно, Сколько всю монету принадлежащую Государственным Казначействамъ въ Столицахъ учрежденным, Сколько Ея отъ Караванъ Действ. по 1796 года изъ Сибири Следовать будетъ, Сложить въ Нижнемъ Новѣ Городѣ и отдать для храненія въ Отведенномъ тамошней Казенной Палаты, Дабы ущую Обь оной Особаго Ея Величества, впредь Повелѣнія; въ Следствіе таковой Высочайшей Ея Императорскаго Величества Воли, Предложилъ я Нынѣ Объ исполненіи всего того въ Самой точности, Верхней Казенной Палаты, Нижегородской же Казенной Палаты Трезъ Сте Предлагаю Дабы Онай когда та монета къ Нижнему Нову Городу Прибудетъ, Принять Ее отъ Караванного Смотрителя, и Верной Перевозъ Хранить въ Видѣнныхъ Отведенныхъ Сей Палаты Кладовыхъ, до Воспослѣдованія Особаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Повелѣнія.

Апреля 10 дня 1796 Года.

Предложение генерал-прокурора Правительствующего сената графа А.Н. Самойлова Нижегородской казенной палате о принятии на хранение груза монеты Сибирского каравана. 1796 год

монеты дабы мог обстоятельно донести его сиятельству: а по той справке оказалось что всходственность полученнаго от его сиятельства именованнаго господина генерал прокурора и ковалера о ассигнованных сюда к доставлению из разных казенных палат медною манетою четырех стах тысячах и о приготовлении сей палате медною ж манетою пятидесяти тысяч рублей предложения, в силу учиненной в сей Палате резолюции посланными к уездным казначеям указами велено принимаемую от откупщиков всходствие заключенных с ними кантрактов и зделанных от палаты предписаниев третью часть медной манеты *не употребляя из нее ни на какия расходы* присылать в Палату вообще со остающеюся за расходом протчих сумм тою манетою каждомесячно а при слушании сей справки губернский казначей объявил что здешняго квартала присудственных мест в нижнем этаже под Казенною палатою на помещение ожидаемой из реченных палат денежной казны медною манетою две кладовыя з железными дверьми также у окошек затворами имеются достаточны но теперь заняты оныя палатною архивою».

Затем последовала резолютивная часть («приказали») постановления общего присутствия Нижегородской казенной палаты:

«С прописанием сей справки к его сиятельству взнесть меморию, объявленныя ж кладовыя для помещения ожидаемой в присылку медной манеты очистить, и для того палатной архив переместить в другое место, выбрав оное в здешнем же квартале, и где таковое по усмотрению палаты найдется, туда имеющия в той архиве для поклажи дел шкафы и самыя дела перенесть под присмотром архивариуса которому дать указ о том и на переноску шкафоф и дел и постановление их по-прежнему на новом месте вольнонаемными людьми, также и других иногда каковых либо нужных в том покое где архив назначен будет исправлений выдать ему на первой случай из екстраординарной суммы десеть рублей о выдаче коих губернскому казначею дать указ и велеть ему ни мало медля то все исправить под особенным наблюдением палатнаго секретаря и когда потому кладовыя очищены будут и сколько кому и за что имянно за перевоску дел шкафоф и постановление их на место также и за другия каковыя поправки заплачено денег велеть им обоим подать в полату репорт, о чем и палатному секретарю объявить что и в подаваемой его сиятельству мемории изъяснить, о чем и сочинить со обстоятельством особой протокол».

Начавшаяся крупномасштабная секретная «операция в медной монете», прежде чем обеспечить казне государства Российского крупный доход и решение всех его накопившихся бюджетных проблем, требовала производства солидных расходов. Часть из них финансировалась через Нижегородскую казенную палату. 10 июня 1796 года от графа Самойлова последовало очередное предложение:

«Во исполнение высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указа даннаго мне в 23-й день июня сего года, предлагаю Нижегородской казенной палате, в число повеленной по тому высочайшему указу к отпуску в ведомство и распоряжение учрежденнаго при дворе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Комитета суммы, по получении сего отпустить титулярному советнику Алексею Филинкову для выдачи за привоз туда из Перми, из Москвы и из Санкт Петербурга станов и инструментов четыре тысячи семдесят пять рублей, из суммы назначенной по росписанию на сей 1796-й год к высылке из оной Палаты в Санктпетербургское для остаточных сумм казначейство в особой части питейнаго дохода, и по отпуске оных меня уведомить. – О чем от меня и помянутому Остаточному казначейству знать дано».

В Нижний от Костромской казенной палаты с денежной казной весом 3400 пудов прибыл чухломской штатной команды прапорщик Иванов. Он тут же отрапортовал Нижегородской казенной палате, что закупоренная в 294 бочках медная монета на сумму 50 тысяч рублей по Волге доставлена. Теперь ее предстояло выгрузить с речного судна и перевезти в кремль к кварталу присутственных мест.

После ознакомления с рапортом прапорщика Иванова общее присутствие Нижегородской казенной палаты приказало:

«Поелику отправленной из Костромской казенной палаты прапорщик Иванов в рапорте своем объяснил, что на выгрузку и доставление к кладовым отправленной с ним медной монеты никаковой суммы от той палаты не отпущено, и для того учинить следующее: 1-е, прапорщику Иванову дать указ и велеть ему ту прибывшую с ним медную монету из судна выгружать на берег, на способное для того место, а потом доставить ее к кварталу присудственных мест, а по сему как на ту выгрузку примерно ему отпустить десять рублей так равно и на наем вощиков для доставления той медной монеты к кварталу присудственных мест применяясь к показуемой платимой уже за то в недавнем времени цене выдавать ему тритцать четыре рубли, о выдаче коих губернскому казначею и дать указ, и когда оная по тому доставлена будет, то ему оную здать уездному казначею Веселовскому, коему указом же предписать, чтоб он находящимися при Губернском и Уездном казначействах щетчиками на верной щет ту денежную казну под своим присмотром принял, наблюдая при том, чтоб та казна принимана была в твердых мешках, а потому на случай иногда таковых которыя по ветхости окажутся негодными, на покупку новых и отпустить объявленному ж прапорщику Иванову из показуемой же суммы на щет той же Палаты пять рублей, на записку ж всех тех выдаваемых ему Иванову денег дать ему тетрать и велеть сколько из них в расход употреблено будет записывать во оную и по окончании здачи представить ему а сию Палату при репорте когда о возвращении того числа денег, сколько на ту всю надобность употреблено будет, по прежнему в екстроординарную сумму и требовать от реченной Палаты сообщением, с тем дабы оная благоволила их в Палату доставить без замедления, в даваемом же уездному казначею указе сверх вышеизъясняемаго предписать чтоб он на прием показуемой суммы щетчикам особые дал от себя тетрати и сколько в каждой день принято будет сих денег приказать записывать им в те тетрати, самому ж по освидетельствовании их, взносить в кладовые Губернскаго и Уезднаго казначейств, однакож класть оные от протчих сумм особо, и когда вся оная казна принята и в кладовые положена будет, о том ему казначею в Палату репортовать; ко исполнению чего рапорт с приложенными при нем копиями и с сего журнала копию ж отдать в Казначейскую експедицию; а о выдаче означеннаго числа денег и сочинить со обстоятельством особой протокол».

На следующий день советник Казначейской экспедиции надворный советник Егор Аверкиев доложил о необходимости продать с торгов доставившие груз Сибирского каравана две коломенки, столько же «лодок-однодревок» и шитиков с двумя рогожными парусами. Имущество сие было казенным. Поэтому общее присутствие Казенной палаты приняло решение провести для его реализации требуемый законом в подобных случаях тендер:

«В Нижегородское наместническое правление сообщить и требовать дабы благоволило о вызове желающих к покупке показуемых коломенок и при них лодок произвесть где надлежит надлежащие публики с тем чтоб желающие купить оные для торгу явились в палату будущаго августа к 1-му числу непременно

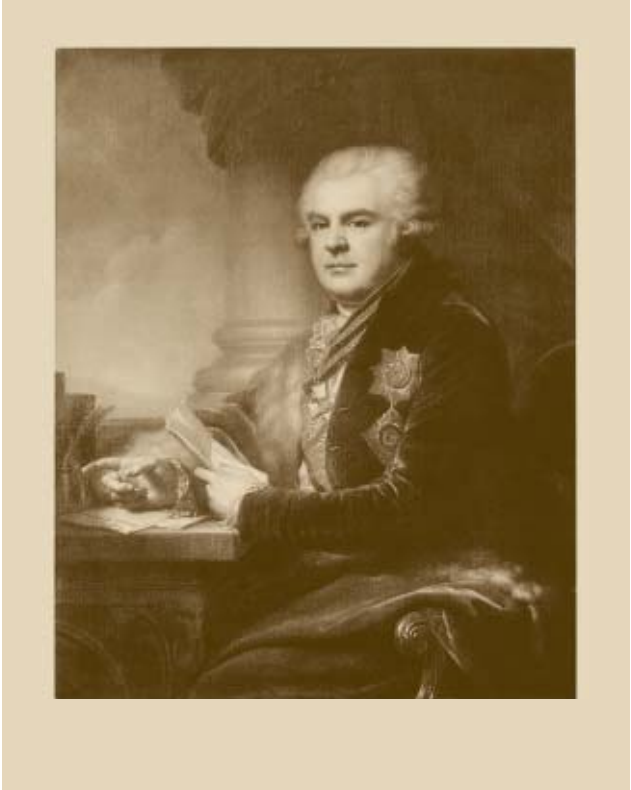
между ж тем в Городовой магистрат послать указ и велеть те коломенки и лотки знающими людьми порознь оценить и каковой они ныне подлинно стоят суммы ко исполнению чего в казначейскую експедицию и дать с сего журнала копию».

23 июля генерал-прокурор граф Самойлов сделал Нижегородской палате новое предложение:

«От 10-го числа минувшаго месяца предписано было от меня между протчим сей Палате, дабы оная вообще с собранными у себы медною монетою 50 000 рублями хранила доставленные к ней таковою же монетою из восьми казенных палат из каждой по 50 000 рублей, в том числе и из Пензенской, впредь до предписания. Поелику же Пензенская казенная палата по встретившимся неудобностям выслать от себя в Нижегородскую казенную палату показанного числа медной монеты 50 000 рублей нынешнею водяною коммуникациею не может, то и предписано от меня означенной Палате, дабы оная показанную монету оставя до зимняго пути отправила ее по наступлении онаго, а как в караване сего года следует из Сибири с тамошних монетных дворов медной монеты и отдано будет в ведомство Нижегородской казенной палаты двести восемдесят пять тысяч сто сорок два рубли восемдесят копеек, которую предложением моим апреля от 17-го числа сего 1796-го года велено сей Палате по приеме хранить впредь до предписания, из нее предложено за Олонецкую, Выборгскую, Уфимскую и Кавказскую казенныя палаты за каждую по 50 000 рублей, а за все 200 000 рублей, затем останется 85 142 рубля 80 копеек, то дабы назначенная к хранению в Нижегородской казенной палате подлежащая из протчих казенных палат сумма могла состоять в полном количестве, предлагаю сей Палате из числа означенных караванных денег 85 142 рублей 80 копеек почислить 50 000 рублей за Пензенскую казенную палату и считать оные вообще с протчими свозными из других казенных палат медною монетою суммами, остающияся же затем тритцать пять тысяч сто сорок два рубли восемдесят копеек хранить впредь до моего предписания».

Затраты на доставку груза в кладовые губернского и уездного казначейств постоянно увеличивались. 30 июня общее присутствие Нижегородской казенной палаты слушало:

«Справку учиненную в Казначейской експедиции по репорту отправленнаго из Рязанской казенной палаты з денежною казною прапорщика Федосеева коим прописывая что данным ему из оной Казенной палаты наставлением велено отправленную из той в здешнюю Палату медной монеты денежную казну состоящую в бочках и тюках на нанятом тою Палатою у рязанского купца Афонасья Иванова сына Истомина судне пятдесят тысяч рублей препроводить до здешняго города Нижняго с которою он прибыл из судна наберег выгружена а как оную следует доставить з берегу к кварталу присудственных мест но речонный купец Истомин от доставления отказался ему ж от Рязанской палаты кроме что на прогоны с командою на обратной путь дватцети одного рубля суммы никаковой еще не отпущено и требует что в таком случае учинить повеления покоторой оказалось и из сообщения Рязанской казенной палаты видно что в той медной монете

Генерал-прокурор Правительствующего сената граф Александр Николаевич Самойлов

пятидесяти тысячах рублях весу три тысячи двести сорок шесть пуд одиннатцать фунтов а пред сим на доставление таковой же присланной из Костромской казенной палаты денежной казны з берегу к кварталу присудственных мест прапорщику Иванову отпущено было из екстроординарной суммы на щет той Палаты по одной копейки с пуда а по сему и причитается на таковой же наем вощиков к отпуску ему Федосееву тритцать два рубли сорок шесть копеек с четью из ассигнованной на непредвидимыя екстроординарныя надобности на сей 796-й год суммы».

О выдаче 32 рублей 46 копеек «с четью» прапорщику Федосееву был «сочинен» особый протокол. Тем временем Нижегородский монетный двор в бывшем архиерейском доме готовился к началу перечеканки медной монеты по 32-рублевой стопе. Поэтому 5 августа генерал-прокурор граф Самойлов предложил Нижегородской казенной палате:

«Из числа доставленной в сию Палату в караване екатеринбургского передела медной монеты 285 142 рубля 80 копеек, также из отложенных собственно по сей Палате из доходов той губернии, вследствие данного от меня июня от 10-го числа предложения таковою ж монетою 50 000 рублей, равно и из ожидаемых из назначенных в том предложении казенных палат медною ж монетою 400 000 рублей, а всего из семи сот тридцати пяти тысяч ста сорока двух рублей восмидесяти копеек предлагаю Нижегородской казенной палате доставить на Нижегородской монетной двор сколько когда сим Двором требовано будет и отдать тамо под росписку определеннаго при том Дворе чиновника титулярного советника Филинкова; меня же о каждом отпуске уведомляя».

Через день от Александра Николаевича последовало еще одно предложение, на сей раз о *дополнительном* сборе старой медной монеты:

«От 10 числа минувшаго июня предложено от меня нижеследующим казенным палатам, дабы они собрав каждая медной монеты по 50 000 ру[блей] доставили в Нижегородскую казенную палату а имянно Костромская, Ярославская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Казанская, Симбирская и Саратовская сей же Палате предложено чтобы и она накопя медной монеты такое ж количество 50 000 ру[блей] хранила в месте с оными и вышеозначенныя из восьми казенных палат доставленныя суммы каковых и составится 450 000 ру[блей]. Сверх же того особенным моим предложением предписано принять медную монету которой прибудет на караване екатеринбургскаго передела 200 000 ру[блей] а со оными составится 650 000 ру[блей] но как из числа вышеозначенных казенных палат Пензенская по встретившейся неудобности предписанного ей медною монетою числа 50 000 ру[блей] нынешнею водяною коммуникациею доставить в Нижний Нов Город не может а в караване из Екатеринбурга тамошняго передела монеты доставлено в ведомство Нижегородской казенной палаты 285 142 ру[бля] 80 ко[пеек] следственно противу назначенного числа более 85 142 ру[блей] 80 ко[пеек] то и предложено от меня июля от 23 числа как Пензенской так и означенной Палате дабы первая подлежащую монету 50 000 ру[блей] отправила в Нижний нынешним зимним путем а последняя дабы могла иметь до того времяни полное ж по предложению медной монеты число и отчислив из остающихся екатеринбургскаго передела 85 ты[сяч] 142 ру[блей] – 80 ко[пеек] 50 000 ру[блей] считала высланными их за Пензенскую казенную палату к достальным же за тем 35 142 рублям 80 копейкам предписано ныне нижеписанным казенным палатам дабы они для известной мне надобности доставили в ведомство сей Палаты медною монетою Тульская 42 000 ру[блей] Калужская 20 000 ру[блей] Орловская 42 000 ру[блей] Костромская 25 000 ру[блей] Ярославская 53 000 ру[блей] Рязанская 51 000 ру[блей] Пензенская 109 000 ру[блей] Казанская 78 191 ру[бль] – 20 ко[пеек] Симбирская 94 000 ру[блей] и Саратовская 49 000 ру[блей] и того 598 334 ру[бля] да сверх того долженствует Нижегородская казенная палата собрать сама собственно по сей губернии медно ж монетою тридцать пять тысяч рублей и как сии так вышеозначенныя 598 334 ру[бля] и сверх того долженствующия доставится как выше сказано от Пензенской казенной палаты 50 000 ру[блей] а всего 683 334 ру[бля] хранить впредь до предписания. Из каких же определенных по росписанию на нынешний 1796 год к высылке по местам сумм собственно по Нижегородской губернии 35 000 ру[блей] собраны будут доставить ко мне уведомление дабы по получении оного можно было об отпуске взамен их подлежащего по местам числа учинить должное распределение».

Все партии доставляемой монеты перед принятием ее на хранение в кладовые губернского и уездного казначейств тщательно пересчитывались на специальных деревянных смолах «для щоту денежной казны». Забот у нижегородского уездного казначея надворного советника Алексея Веселовского* хватало с избытком.

Иногда выявлялись недостачи. 8 августа в журнале общего присутствия Нижегородской казенной палаты о слушанном протоколист Василий Ефимьевский записал:

«Справку учиненную в Казначейской експедиции по рапорту отправленнаго из Костромской казенной палаты, з денежною казною чухломской штатной команды прапорщика Иванова, коим ему из сей палаты указ и отправленная под присмотром ево и прибывшая в здешней город медною монетою денежная казна из судна на берег и з берегу к кварталу присудственных мест доставлена и под присмотром ево ж отправленными из Костромской казенной палаты присяжным Уваровым и щетчиком Писемским здешнему уездному казначею Веселовскому здано толко сорок девять тысяч девять сот пятдесят рублей а досталных пятидесят рублей недостало по причине той что многия мешки при перещитывании оказывались по рублю в дватцети пяти рублевой щет неполными из отпущенных же ему из сей Палаты сорока девяти рублей употреблено в расход а имянно на наем для выгруски из судна на берег рабочих людей четыре рубли семдесят пять копеек за доставление з берега к кварталу присудственных мест по одной копейке с пуда за три тысичи четыре ста пуд тритцать четыре рубли да при здаче оной казны вместо оказавшихся ветхих трех сот пятидесят шести мешков куплено толикое ж число за каждой по четыре копейки четырнатцать рублей дватцать четыре копейки да на починку старых и куплено ниток на сорок копеек и того пятдесят три рубли тритцеть девять копеек в том числе из отпущенных из здешней Палаты сорок девять рублей да собственных ево четыре рубли тритцеть девять копеек просил о выдаче ему издерженных собственных ево на покупку для мешков холста денег четырех рублей тритцети девети копеек а в приеме означеннаго числа сорока девети тысяч девяти сот пятидесяти рублей о даче ему надлежащей квитанции по которой оказалось что ассигнованной по росписанию Експедиции о государственных доходах присланному на сей 796-й год на разные случающияся непредвиденныя надобности тысичи рублевой суммы сего августа по 5-е число в сей Палате состоит налицо четыре ста пятдесят девять рублей шездесят две копейки три чети».

За каждый пуд перечеканенной монеты изготовившим ее монетчикам полагались получаемые вперед *задельные деньги*. Они составляли 43 $^1/_2$ копейки с пуда. Из них 40 копеек староста монетчиков брал сразу. 9 августа генерал-прокурор граф А.Н. Самойлов распорядился об отпуске из Казенной палаты управляющему Нижегородским монетным двором титулярному советнику А.П. Филинкову суммы для выдачи задельных денег:

«Во исполнение высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указа, даннаго мне в 30-й день

* *В начале 1820-х годов А.В. Веселовский будет уже советником Нижегородской казенной палаты. Некоторое время Алексей Васильевич исправлял должность вице-губернатора.*

июля сего года, предлагаю оной Палате, в число повеленной по тому высочайшему указу к отпуску в ведомство и распоряжение учрежденнаго при дворе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Комитета на платеж манетчикам задельных денег суммы, по получении сего отпустить титулярному советнику Филинкову, из денег остающихся в сей Палате от прошлаго 1795-го года к 1-му числу генваря сего года коих за разсигнованием осталось налицо шесть тысяч девять сот семдесят семь рублей восемь копеек с половиною, да из суммы назначенной по росписанию к высылке на сей год в Санктпетербургское для остаточных сумм казначейство особой части питейнаго дохода шесть тысяч шесть сот девяносто четыре рубли семдесят девять копеек, итого тринатцать тысяч шесть сот семдесят один рубль восемдесят семь копеек с половиною, которые и отдать ему Филинкову с надлежащею роспискою и по отпуске тех денег меня уведомить. О чем и помянутому Казначейству от меня знать дано, с тем, чтобы оно означенныя деньги шесть тысяч шесть сот девяносто четыре рубли семдесят девять копеек заменило у себя получением за сию Палату по вступлении прочих принадлежащих ему доходов».

Перед приемом груза Сибирского каравана предназначенные для его хранения дополнительно выделенные помещения пришлось отремонтировать. 9 августа члены общего присутствия во главе с князем Долгоруковым слушали:

«Справку учиненную в Казначейской экспедиции по репорту правящаго должность архитектора помощника Смирнова коим репортует что вследствие даннаго ему из сей Палаты указа для поклажи привезенных караванным управителем прапорщиком Веселковым медных денег дву сот осмидесяти пяти тысяч ста сорока двух рублей осмидесяти копеек состоящих в здешнем присудственных мест квартале две порозжия способныя комнаты з затворами железными и те осмотрены и сколько на поправку их потребно каких материалов и за работу мастеровым людям им смета сочинена, которую при том представил, в коей значит для укрепления дверей кирпичей обожженых ординарных длины шесть вершков ширины три вершка толщины один вершок с половиною две тысячи за тысячу с поставкою по осми рублей шеснатцать рублей, извести две дватцети пудовые бочки за каждую с поставкою по два рубли по пятидесяти копеек пять рублей, на пол за разборку двух ветхих печей за каждую по два рубли четыре рубли, песку две сажени кубических по осми рублей шеснатцать рублей, каменщикам за настилку пола пятнадцать рублей, столяру за починку оконничной рамы и с лесом четыре рубли, стекол простых длины деветь вершков ширины семь вершков сорок шесть за каждое с замаскою по шеснатцати копеек шесть рублей семдесят пять копеек, бревен длины десять аршин, в отрубе четыре вершка четыре бревна за каждое по шестидесяти копеек два рубли сорак копеек, досок сосновых двенатцать длины девять аршин ширины шесть вершков толщины один вершок с половиною с поставкою по семидесяти пяти копеек девять рублей, гвоздей троетесных сто восемдесят копеек, за плотничную работу пять рублей, столов для щоту денежной казны три за каждой и с скамейками по пяти рублей пятнатцать рублей, совков шесть по тритцать копеек рубль восемдесят копеек, и того сто четыре рубли семдесят пять копеек по которой оказалось что на объявленныя значущихся в представленной от помянутаго в должности архитектора помощника Смирнова при репорте смете надобности в ассигновании в здешней Палате особой суммы не имеется а состоит ассигнованная по росписанию Экспедиции о государственных доходах, присланному на сей 1796-й год по силе имянного указа 17-го июля 1788-го года состоявшагося на починку губернских присудственных мест ежели в том прямая надобность будет сумма пять сот рублей, и естли рассуждено будет на предписуемыя значущиеся в месте надобности потребное число денги сто четыре рубли семдесят пять копеек из оной суммы отпустить, то означенной суммы в сей Палате сего августа по 7-е число состоит налицо четыреста шездесят один рубл пятдесят копеек три чети».

Об отпущенных на эти надобности 144 рублях 75 копейках был «сочинен» особый протокол.

Прибывший от Ярославской казенной палаты прапорщик Петр Лузин отрапортовал:

«...Командирован он для препровождения отправленной из той Палаты до Нижняго Нова Города медной монеты денежной казны пятдесят тысяч рублей, которая за присмотром ево и имеющихся при нем конвойных четырех человек препровождена и из судна выгружена благополучно, и к кварталу присудственных мест доставлена».

По сему рапорту 11 августа общее присутствие Нижегородской казенной палаты приняло решение:

«В приеме оной медной монеты здешнему уездному казначею послать указ, с таковым предписанием, чтоб оную находящимися при Губернском и Уездном казначействах щетчиками он на верной щет от ярославских щетчиков под своим присмотром принял, наблюдая при том дабы та монета принимаема была в твердых мешках и на записку сколько оной каждый день будет принято роздал бы щетчикам от себя особыя тетрати, самому ж по освидетельствовании их, взносить в кладовые Губернского и Уезднаго казначейств, однако ж оныя класть от протчих сумм особо, и когда оная монета вся будет принята и положена в кладовые, о том ему казначею в Палату репортовать; ко исполнению чего репорт и с сего журнала копию отдать в Казначейскую экспедицию».

Затем Казенной палате отрапортовал нижегородский уездный казначей Веселовский: присланные из Перми в 1426 бочках 285 142 рубля 80 копеек «на верный щот» и под его присмотр от пермских счетчиков Култюкова, Лукина и Чуйкина приняты и помещены в кладовые. Не хватило лишь семи рублей тридцати копеек. На сие общее присутствие 12 августа приказало:

«О записке оных денег в приход под особое оглавление хранящимися впредь до особаго от его сиятельства господина тайнаго советника генерал прокурора и кавалера графа Александр Николаевича Самойлова предписания губернскому казначею надворному советнику Аверкиеву дать указ, репорт же и с сего журнала копию отдать в Казначейскую экспедицию, коей приобща оной к делу доложить Палате».

Через неделю 51-тысячная партия медной монеты прибыла из Казани. Сопровождавший ее прапорщик Мошков отрапортовал:

«...С показуемою денежною казною в здешней город Нижней сего числа прибыл благополучно и пристал к берегу, а при том испрашивает, повелено ль будет ту денежную казну из судна выгружать на берег, и перевозить куда надлежит в резолюцию указа».

В тот же день общее присутствие Нижегородской казенной палаты распорядилось:

«Оной рапорт отдать в Казначейскую экспедицию, из коей означенному прапорщику Мошкову дать указ, с тем чтоб он доставленную им к здешнему городу Нижнему денежную казну выгрузя на берег на удобное место, потом доставил к кварталу присудственных мест, где под складку оной отведено будет место и сложив ее в Палату репортовал, здешнему ж уездному казначею также предписать указом, с тем что когда вышеявствуемая денежная казна к кварталу присудственных мест тем прапорщиком Мошковым доставлена будет, то б находящимися при Губернском и Уездном казначействах щетчиками на верной щет, ту денежную казну от казанских щетчиков под своим присмотром принял, и наблюдая при том, чтоб та казна была в твердых мешках на записку коей прихода и дал бы щетчикам от себя особые тетрати, и сколько в каждой день принято будет сих денег приказал записывать в те тетрати, самому ж по освидетельствовании их взносить в кладовые Губернскаго и Уезднаго казначейств, однако ж класть оные от протчих сумм особо, и когда вся оная казна принята и в кладовые положена будет, о том ему казначею в Палату репортовать; ко исполнению чего во оную Экспедицию с сего журнала и дать копию».

Монета в Нижний Новгород продолжала прибывать судами по Волге из Симбирска, Костромы, Саратова, Ярославля и по Оке из Рязани.

29 сентября общее присутствие Казенной палаты приказало отпустить управляющему временным Монетным двором Филинкову затребованные им для начала операции перечеканки 50 тысяч рублей. Вся монета была перевезена из кладовых в бывший архиерейский дом.

Частные перевозчики того казенного груза определялись по конкурсу между ними:

«...Кто из вощиков постановит цену противу протчих дешевлее, того ко оной допустить, в разсуждении чего и учинить исполнение во всем согласно тому прежде зделанному палатному положению; ко исполнению чего в Казначейскую экспедицию с сего журнала и дать копию».

Победил на тех торгах нижегородский мещанин М.И. Будилов, предложивший для перевозки всей партии как «последнюю цену» 23 рубля 42 $^{3}/_{4}$ копейки. С Михаилом Ивановичем и был заключен соответствующий договор.

11 октября общее присутствие Нижегородской казенной палаты слушало вопрос о свезенной для перечеканки медной монете:

«...Дело взнесенное ис Казначейской експедиции по предложениям его сиятельства г[осподи]на действительнаго тайнаго советника генерал прокурора камер гера и ковалера графа Александр Николаевича Самойлова последовавшим по имянным ВСЕВЫСОЧАЙШИМ указам данным его сиятельству апреля в 9-й и маия в 26-й день о доставлении казенным палатам в сию медною манетою денежной казны по 1-му от 17 апреля... по 2-му от 10-го июня... по 3-му от 7-го числа августа... всего одного милиона трех сот тритцети трех тысяч трех сот дватцети шести рублей семидесяти копеек и о хранении оных в казенных ведомства сей Палаты кладовых до воспоследования особаго ВЫСОЧАЙШАГО повеления; вследствие чего ис числа оных и доставлено в сию Палату из Пермской двести восемдесят пять тысяч сто тритцать пять рублей пятдесят копеек, Костромской сорок девять тысяч девять сот пятдесят рублей, Рязанской пятдесят тысяч рублей, Ярославской пятдесят тысяч рублей, Казанской сорок деветь тысяч девять сот семдесят рублей, Симбирской сорок девять тысяч девять сот дватцать пять рублей, да в число ожидаемой из Саратовской пятидесяти тысяч рублей, представлено в сию Палату от саратовскаго

Медные монеты 16-рублевой стопы (уменьшено)

первой гилдии купца Семена Петрова с[ы]на Латухина вместо выданных ему там из оной суммы на перевод чрез векселя медною манетою тысяча рублей толикое ж число, а со оными имеет быть в доставлении пять сот тритцать пять тысяч девять сот весемьдесят пять рублей пятдесят копеек, коими поклажею и заняты кладовыя, а минувшаго августа в 28 день его сиятельство господин генерал поручик отправляющий должность генерал губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго князь Андрей Иванович Вяземской, при предложении в сию Палату препроводя в копии отношение его сиятельства именованнаго г[осподи]на генерал прокурора предписал Палате доставить к нему сведение, естли в квартале присудственных мест ведомства ее кладовыя, в которых бы могла поместится вся назначенная в том от его сиятельства отношении сумма, и ежели нет оных, то где Палата по мнению своему назначит для хранения оной, и как по учиненной справке оказалось, что при здешнем Губернском и Уездном казначействах на помещение ожидаемой ис предписуемых казенных палат медною манетою денежной казны состоит кладовых две в коих поместится может не более как до двух сот пятидесяти тысяч рублей да и те уже занимаются поклажею таковою ж манетою доставляемою ис казенных палат всходствие вышеприписаннаго его сиятельства г[осподи]на генерал прокурора предложения июня от 10-го дня порожжих же кладовых таких в коих бы можно было означенную, ожидаемую по силе сего его сиятельства предложения медную монету поместить при сей Палате не состоит но по предложению его сиятельства именованнаго г[осподи]на генерал прокурора велено показуемую денежную казну семь сот тритцать пять тысяч сто сорок два рубли восемдесят копеек доставлять на Нижегородской манетной двор сколько когда оным требовано будет, то посему в силу учиненной в Палате резолюции посланным к помянутому титулярному советнику Филинкову указом и предписано было, дабы сию Палату уведомил, что он состоящую в сей Палате налицо четыре ста восемь десят пять тысяч шездесят рублей пятдесят копеек всю ли в одно, или в разное время требовать будеть, и сколько когда, дабы сия Палата могла в разсуждении неимения кладовых зделать надлежащее распоряжение, на которой он господин Филинков репортом сию Палату известил, что как таковое количество немалого в разсуждении щета времени по недостатку еще у него определеннаго числа щетчиков также не испытав помещения кладовых, то по распоряжению ево удобность находит принимать ту манету на первой случай не более как по пятидесяти тысяч рублей, но наконец смотря по течению работ и вся осталная сумма принята быть имеет очень в скором времени а после того присланным в сию Палату минувшаго сентября 24 и сего октября во 2 день он Филинков требованиями просил в отпуск 1-м пятидесяти тысяч рублей а последним всей досталной состоящей в сей Палате налицо суммы на здешней Манетной двор почему в силу учиненных в здешней Палате определений последовавших на 1-е ево Филинкова требование того ж сентября в 29 день а на последнее сего октября "..." день, означенным доставленным ис казенных палат медною манетою денгам всего пятистам тритцети пяти тысячам девятистам осмидесяти пяти рублям пятидесяти копейкам, и начать на тот Манетный двор отпуск».

По сему вопросу приказали:

«С прописанием вышеписаннаго обстоятельства к его сиятельству именованному правящему здесь генерал губернаторскую должность взнесть меморию с таковым изъяснением что хотя на всю назначенную вновь сюда в прием из реченных палат сумму кладовых по Палате и недостаточно, но поелику показуемая свезенная сюда прежде сумма составляющая в пяти стах тритцети пяти тысячах девети стах осмидесяти пяти рублях ассигнована на Монетной двор и требуемая туда объявленным чиновником в отпуск, которой уже и начат, да и непоступившия дон[ы]не по первому назначению в Палату из Танбовской Саратовской и Пензенской денги сто сорок тысяч рублей во избежание излишних издержек яко следующия на тот же Манетной двор по свозе их сюда могут в прием поступить туда прямо, а тем кладовыя, в коих помещалась объявленная

казна и имеют быть опорожнены то и на ожидаемыя вновь из реченных палат к доставлению в здешнюю всего пять сот шездесят три тысячи сто девяноста один рубль дватцать копеек может быть достаточно ко исполнению чего в Казначейску експедицию с сего журнала и дать копию».

Монета продолжала прибывать из Тулы, Калуги, Орла, уездов Нижегородской губернии. Кладовые казначейств и специально устроенные дополнительные помещения в здании губернских присутственных мест были уже забиты монетой полностью. Поэтому новые ее партии переправлялись сразу же на Монетный двор без приема под ответственность уездного казначея Веселовского.

Всего же в Нижний Новгород для перечеканки было доставлено медяков всех номиналов на общую сумму 912 022 рубля весом более 57 тысяч пудов.

В конце октября 1796 года временный Нижегородский монетный двор приступил к перечеканке монеты.

Согласно плану Зубова, выпуск новой (перечеканенной) монеты в обращение на территории всей империи предполагалось начать 1 января 1797 года. Однако этого не произошло. Потребовавшая от казны огромных расходов, «операция в медной монете» еще до наступления нового года была приостановлена.

Вступивший после смерти 6 ноября 1796 года Екатерины II на престол Павел I все начинания в Бозе почившей матери и самих ее фаворитов явно не жаловал.

10 ноября, еще до погребения усопшей, в Государственном совете Российской империи началось обсуждение вопроса о дальнейшей судьбе проводимой операции. Тон ему задала «Записка» видных сановников Екатерининской эпохи – тайных советников А.И. Васильева, А.В. Храповицкого, А.Б. Куракина и сенатора генерал-поручика Ф.М. Соймонова. С их резонами Госсовет согласился и 13 ноября «мнением положил» производящийся передел медной монеты остановить:

«...Может казна от продолжения его теперь понесть вящий убыток...».

Вскоре Павел I мнение Государственного совета, чутко уловившего желание нового монарха, соизволил конфирмовать.

Перечеканенную монету повелено было «обратить в прежнее достоинство и вид». Вскоре началась уже обратная перечеканка медной монеты по старой (16-рублевой) стопе...

4 декабря 1796 года Павел I назначил Васильева государственным казначеем. Отныне эта должность обособлялась от должности генерал-прокурора Правительствующего сената. Именной указ нового императора, данный первому российскому государственному казначею, гласил:

«Определив вас Государственным Казначеем, соизволяем, чтобы вы по тому имели в точном ведении Нашем, как казначейства, так и экспедиции о доходах, расходах, для свидетельства счетов и о доимках, причисляя к оным и особую экспедицию, для разбора и расчета внутренних долгов учрежденную. При самом вступлении в должность, на вас возлагаемую, приложите старание собрать сведения и Нам, как наискорее, доставить о всех доходах, о штатных и чрезвычайных или временных расходах, дабы Мы, разсмотря оные и распорядя сообразно прямым нуждам государственным, могли поставить вас в лучшую удобность управлять сею частию и отвратить всякой недостаток или затруднение».

5 апреля 1797 года, в день коронации нового монарха, государственному казначею Васильеву было пожаловано баронское достоинство. В одном из именных указов, данных Павлом I Васильеву, говорилось:

«По званию и долгу Государственного Казначея надлежит вам иметь повсеместное сведение и счет о Государственных доходах...».

Позже Алексей Иванович станет графом. Так высоко были оценены его заслуги перед государством Российским по казначейскому и финансовому ведомствам.

Все уездные казначеи, винные и соляные приставы состояли в ведении государственного казначея: их определение к должности, перемещение и увольнение зависело исключительно от него. Казенные палаты могли только делать государственному казначею соответствующие представления на сей счет.

18 декабря 1796 года государственный казначей Васильев предложил Нижегородской казенной палате:

«Имянным ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указом данным на имя мое в 10-й день сего декабря между прочим повелено: “ту медную монету которая собрана по губерниям и приготовлена к отвозу на монетныя дворы но еще не отправлена приказать тот час обратить на удовлетворение данных пред тем из Експедиции о государственных доходах росписаний разменяв оную прежде в местах где есть банковыя конторы на государственыя ассигнации”, во исполнение сего высочайшаго указа и предлагаю Нижегородской казенной палате: поелику в Нижнем Новгороде банковая контора, по свидетельствам де из сей палаты в Експедицию для свидетельства государственных щетов присланным уведомлениям по Нижегородской казенной палате не отложенных для назначенной на монетной двор отдачи медною монетою пятдесят тысяч рублей, то и долженствует объявленная палата ест ли показанная у нея сумма состоит собранною вся сполна или некоторая ея часть оную стараться согласно вышепомянутаго имяннаго высочайшаго указа разменивая в тамошней банковой канторе на ассигнации сколько наличность состоящаго в той канторе капитала позволит, а сверх того удовлетворяя таковою монетою и частных людей на промен ассигнаций выполнять теми мененными ассигнациями те росходы кои по росписанию Експедиции о государственных доходах назначены разумея однако ж так бы то число монеты которого на ассигнации поменять будет не возможно обращалось только на внутренния по губернии расходы».

10 января 1797 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты заслушало то предложение государственного казначея:

«Предложении тайного советника сенатора государственного казначея Государственной медицынской коллегии главнаго директора и ковалера Алексея Ивановича Ваильева коим изъясняя из предложении де его высокопревосходительства данного пред сим

минувшаго декабря от 18-го числа известна уже сия Палата о зделанном по распоряжению его высокопревосходительства всходственность имяннаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшаго указа предписании об уничтожении как вновь заведеннаго в Нижнем Нове Городе монетного двора так и самого передела медной монеты по обращении в лехковесную паки в прежне достоинство и вид, а как по имеющимся в Експедиции о государственных доходах сведениям считалось в сей палате медной монеты доставленной для предположенного на здешнем монетном дворе передела восем сот восемдесят деветь тысеч сто сорок два рубли восемдесят копеек, из ней поступило на монетной двор триста тысяч деветь сот семдесят пять рублей пятдесят копеек, за тем осталось в Казенной палате пять сот восемдесят восемь тысяч сто шездесять семь рублей тритцеть копеек, и из поступившей на монетной двор перепечатано в лехковесную семдесят восемь тысяч одиннатцеть рублей пятдесят копеек, досталная же двести дватцеть две тысячи девять сот шездесят четыре рубли состоит при тем дворе не перепечатанною, то сию последнюю, а равно и 78 011 рублей 50 копеек, когда оная обращена будет паки в прежнее достоинство и вид, предписано ныне отдать управляющему тем двором в ведомство сей Казенной палаты и на перевоску ея употребить денги из ассигнованной на росходы по оному двор суммы, вследствие чего и имеет сия Палата получа всю таковую монету принять в свое ведомство с которою и составится у ней вышепоказанное полное число 889 142 рубли 80 копеек, поелику же в вышеозначенном ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшем указе между протчим повелено завезенную в монетные дворы медную монету по удобности разстоянии иную перевозить теперь в Москву зимою, а иную будущею весною водяным путем в Санктпетербург и отдавать в Банки, то во исполнение сего высочайшаго указа и предлагает сей Палате дабы оная по получении сего не продолжая ни мало распорядилась всю сию вышеупоминаемую медную монету отправить в Москву нынешним зимним путем, так чтобы оная... полным числом до наступления вешняго времени была туда доставлена производя отправление сие партиями одна за другою и употребила бы все наилучшия и безопаснейшия меры о збережении в провозе казны ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА быв уверенною, что точное выполнение сего возлагаемого на нее дела послужит к ея похвале, в проивном случае и за малейшее в том упущение и неосторожность подвергнет себя неизбежному отчоту и взысканию предписав командированным с тою монетою смотрителям, кои б были из людей надежнейших и в верности служения испытанных, дабы они по каждом привозе той монеты в Москву отдавали ее на верный перечот в тамошнее Государственнаго Ассигнационнаго Банка отделение не остала бы при всех ея стараниях предстала совершенная невозможность всю показанную монету отправить нынешнею зимою в Москву, чего однако ж по удобности разстояния по продолжению зимы и по лутчим со стороны Палаты во всем том распоряжениям ожидать нельзя, в таком случае оставшее за отправлением нынешнею зимою количество монеты иметь там до весны и весною старатся уже зделать оной отправление водою до Дубенской пристани со всевозможными также для казны выгодами, и что по сему Палата учинит об оном в самой скорости его превосходительство уведомит доставляя потом неотменно и таковые сведении, сколько когда означенной монеты отправится, с кем имянно, благополучно ли оная в провозе следует, для чего и имеет получать она ежечастныя от смотрителей за тою казною командированным рапорты, а дабы в сем случае оказано ей было всякое пособие, то об оном не оставить его высокопревосходительство сообщить, ныне же и к правителю здешнего наместничества господину брегадиру Андрею Лаврентьевичу Львову, сколько же на все показанное медной монеты отправление потребуется провозных расходов, оные имеет сия Палата употребить на щет Остаточных казначейств, а по действителном доставлении означенной монеты долженствует обо всех таковых издержках учинить подробный и верный щот и доставить оный к его высокопревосходительству с показанием на что имянно оные произошли, между тем же с первым отправлением вышеозначенной медной монеты уведомить его высокопревосходительство по какой цене стоить будет провоз с каждого пуда до Москвы и ис каких имянно расходов, доставляя впредь таковое сведение всякой раз по каждом отправлении той монеты».

После этого, как и следовало, приказали провести соответствующие мероприятия:

«Оное предложение записав приобщить к протчим в столп с коего к должному и непременному всего предписуемого исполнению в Казначейскую експедицию дать копию, а в Нижегородское губернское правление сообщить и спросить, дабы благоволило о вызове желающих для перевозу объявленной медной монетою денежной казны в Москву подрядчиков и вощиков учинить без промедления времени по здешней губернии публики с тем, чтоб желающие для торгу и в цене договора с надлежащим о себе удостоверениями в сию Палату явились сего генваря к 25-му числу непременно, управляющему ж Нижегородским монетным двором титулярному советнику Филинкову предписать указом, чтоб оной состоящую в ведомстве ево медной монеты денежную казну сходственно предписию его превосходительства доставил к кладовым сей Палаты и по доставлении здал наперечет определенным для того людми здешнему уездному казначею Веселовскому коему также предписать указом с тем что когда от показуемого титулярного советника Филинкова медною монетою денежная казна к кладовым сей Палаты доставлена будет, то б находящимися при Губернском и Уездном казначействах щетчиками на верной щет от него Филинкова под своим присмотром принял, наблюдая при том, чтоб та казна принимаема была в твердых мешках на записку коей прихода и дал бы щетчикам от себя особыя тетрати и сколко в каждой день принято будет приказал записывать им в те тетрати, самому ж по освидетельствовании их взносить в кладовыя Губернскаго и Уезднаго казначейств, и когда вся оная казна принята и в кладовыя положена будет, о том ему казначею в Палату репортовать различа при том сколько принято будет прежнею неперепечатанной и перепечатанной из легковесной в

прежнее достоинство манеты, а между тем Казначейской експедиции зделать справку толь ль самое количество сколько предложении его превосходительства назначено состоит медной монеты в наличности и сколко в ней весу и на каком предположении таковыя денежныя отправлении пред сим происходимы были, выписав доложить Палате, при чем учиня и кондиции на которых перевоз той казны желающим представлять должно соображаясь с прежними оной доставлениями взнесть на опробацию Палаты; ко исполнению чего в Казначейскую експедиции с сего журнала и дать копию, а о сем зделанном Палатою положении его превосходительству донесть».

Нижегородская променная контора, в которой еще за 11 лет до того вскрылись огромные хищения казенных денег ее начальством, по повелению нового монарха от 19 декабря 1796 года была упразднена. Ее кладовые опустели: оставшиеся неразворованными ценности приняли губернское и уездное казначейства. Затем эти ценности были отправлены в Санкт-Петербургское казначейство для остаточных сумм.

17 января 1797 года губернский казначей надворный советник Егор Аверкиев доложил общему присутствию Нижегородской казенной палаты:

«...Прошлого 796-го года июня 23-го дня посланным в здешнее Наместническое правление сообщением требовано о присылке в сию Палату для щету привозимой из разных губерний в здешнюю Казенную палату медной монетою денежной казны из военнослужителей добраго поведения осми человек, но оных Наместническим правлением командировано толко шесть, которыми равно и находящимися при Губернском и Уездном казначействах... пятью человеками при приеме следующей к поступлению в сию Палату из упраздняемого в здешнем городе Нижнем монетного двора медною монетою денежной казны трех сот сорока осми тысяч осми сот осмидесяти шести рублей пятидесяти копеек, равно и о доставлении всходствие предложения его превосходительства господина тайнаго советника государственного казначея и ковалера Алексея Ивановича Васильева в Москву как сей, равно хранящейся в Палате свезенной (как выше значит) и протчих губерний пяти сот шестидесяти трех тысяч ста тритцети пяти рублев пятидесяти копеек исправится возможности нет, да и на помещение показуемой следующей с монетного двора денежной казны при Полате кладовых недостаточно; а как оной небезизвестно, что существовавшая в здешнем городе Нижнем променная Ассигнационного банка кантора упразднена и хранящаяся в кладовых оной канторы денежная казна принята в ведомство сей Палаты, а потому те кладовые и состоят ныне порозжими о чем Казенной палате представляя испрашивать не угодно ль оной будет о присылке к находящимся в ведении сей Палаты при приеме денежной казны щетчика еще двух человек, равно и о помещении в кладовые бывшей банковой канторы следующей к поступлению в сию Палату с монетного двора денежной казны куда следует сделать отношение».

Общее присутствие приказало:

«К его превосходительству правящему должность правителя здешняго наместничества господину брегадиру и ковалеру Андрею Лаврентьевичу Львову взнесть меморию и испрашивать для вышеизъясненной надобности кому следует приказать из военно служителей добраго поведения прислать в сию Палату двух человек, равно и означенные бывшие банковой

Так выглядят медные монеты «павловского перечекана» (уменьшено)

канторы состоящие ныне впусте кладовые для поклажи следующей к поступлению в сию Палату с монетного двора денежной казны повелеть отвесть и для охранения оной приставить надлежащей караул, ко исполнению чего в Казначейскую експедицию с сего журнала дать копию».

Всю свезенную в Нижний Новгород медную монету государственный казначей Васильев распорядился отправить «зимним путем» в Москву. Там ее предстояло принять в кладовые Московского отделения Государственного ассигнационного банка.

Для транспортировки монеты решено было сформировать 15 партий по 152 санные подводы каждая. Перевозчики согласились на оплату им по 35 копеек с пуда.

Проштрафившийся еще при жизни Екатерины II нижегородский вице-губернатор князь Долгоруков был отправлен в столицу. Вместо него новый монарх 13 января 1797 года Высочайше повелеть изволил быть профессиональному военному 43-летнему князю И.М. Ухтомскому. Прежде Иван Михайлович долгое время служил командиром гатчинского батальона наследника престола Павла Петровича. Чин имел подполковника (полковником в батальоне был сам цесаревич). При назначении в службу гражданскую был удостоен чина статского советника.

В письме от 7 февраля 1797 года одна из принадлежавших к местному высшему обществу нижегородок сообщила своей московской приятельнице главную губернскую новость:

«...Приехал новый вице-губернатор, который всем нам очень понравился за учтивое и приятное обхождение со всеми, можно сказать, что совершенный контраст с князем Долгоруким».

Взошедший на престол Павел I сразу же начал восстанавливать доекатерининскую систему государственного управления. В самом конце 1796 года вместо наместничеств были снова учреждены губернии.

23 марта 1797 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты под председательством Ивана Михайловича заслушало сообщение губернского казначея Егора Аверкиева:

«1797-го года марта 23-го дня Нижегородской казенной палате от Казначейской експедиции докладывано что предложением его превосходительство господин тайный советник сенатор государственный казначей и кавалер Алексей Иванович Васильев данным сей Палате минувшаго генваря в 12-й день предписал завезенную в здешней город Нижней из разных казенных палат в том числе из здешней накопленную медною монетою денежную казну всего девять сот двенатцать тысяч дватцать два рубли (для предположенной на здешнем Монетном дворе передела в легковесную по обращении ея паки в прежнее достоинство и вид) отправить оную по получении того непродолжая нимало в Москву нынешним зимним путем в тамошнее Государственнаго ассигнационнаго банка отделение так, чтобы оная неотменно полным числом до наступления вешняго времени была туда доставлена производя отправление сие партиями одна за другою; почему с явившимися по учинении от сей Палаты чрез Нижегородское губернское правление публикам желающими разных округ и селений крестьянами в число вышеписанной к доставлению в Московское государственнаго ассигнационнаго банка отделение в 14-ти партиях за надлежащим присмотром и конвоем отправлено медною манетою денежной казны по 15-е число восемь сот восемдесят тысяч шесть сот рублей, затем

ныне еще осталось отправить тритцать тысяч дватцать два рубли, да принять еще следует с Монетнаго двора неспособной к выпуску в публику тысяча три ста рублей, но по неявке под своз сей денежной казны никого желающих хранится принятая в сей Палате особо, а по сему для отправления удобное время зимняго пути уже истекает то оные денги и остаются до вскрытия рек неотправленными, да и присланные для препровождения сей казны от разных городничих военно служители до того времяни праздными, по Губернскому ж казначейству за расходами медною манетою денежной казны ныне состоит в наличности весьма малое количество которой не только для размену по силе имяннаго всевысочайшаго 791-го года генваря 29-го дня повеления на удоволствие публики но и на необходимые для додачи по определению Палаты столкому числу ассигнаций недостаточно, жители ж здешняго города промышляющие по пролежащим мимо онаго Волге и Оке судоходством и отправляющие здесь с пристани в верховые губернии караваны (как то соляной и хлебной) иногородные купцы прежде сего размен ассигнациев на медные производили в бывшей Нижегородской Ассигнационнаго банка канторе которая ныне по имянному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайшему декабря 19-го дня 1796-го года повелению упразднена и существования своего уже не имеет (приходя они ежечастно в Губернское и Нижегородское уездное казначействы прося для размену на ассигнации медных денег которых как вышеявствует недостаточно да и получать от уездных казначеев по случаю наступающей распутицы нет возможности), по каковым обстоятельствам и представляла на разсмотрение со испрашиванием не благоугодно ли будет Палате об оставлении вышеписанных оставших за отправлением в Москву медною монетою денег для удовольствия публики и других по губернии расходов а вместо их о доставлении чрез почту ассигнациями зделать с государственным казначеем и ковалером А.И. Васильевым сношение...».

Наступила весна. Из первопрестольной возвратились командированные с грузом медной монеты офицеры. 27 мая 1797 года общее присутствие Нижегородской казенной палаты заслушало справку Казначейской экспедиции, «учиненную» по рапортам прапорщиков здешнего внутреннего гарнизонного полка Мочалкина и Васильева:

«...Во исполнение сей Палаты повеления доставленная в Московскаго государственнаго ассигнационнаго банка отделение медной манеты донемалаго количества, которая и свалена при помянутом Банковом отделении по зимнему времяни среди двора на снегу, нимало ни под кровлею, ныне ж подошедшей вешней теплоте, отчего и оказалось под тою казною от снегу снизу, и сверху, немалая мокрота; в случае ж паче чаяния не будет принятою впредь месяц или более, и на земле лежавшею, в таковом случае последует немалой в тюках денежным мешкам вред, или совсем оные в короткое время могут погнить, чрез что не навесть бы казне великаго убытка и не подпасть бы им за сие самое под не винной ответ или по законам за нерадивость немалого взыскания; по чему сей Палате представляют не угодно ли будет снабдить их в разсуждении лутчей предосторожности и збережению [казеннаго] интереса, каковым повелением, почему бы могли оне взять безответныя вопросы, на что в таковой же силе рапортам от них донесено было в отделение Банка, которое неприемля онаго обратило им обратно с повелением, о том представить сей Палате, а по той справке оказалось... минувших февраля 29 и марта 3-го числ сего года и отправлено из сей Палаты в показуемое государственнаго ассигнационнаго банка отделение той манеты на наемных подводах с означенными командированными с нею прапорщиками Мочалкиным и Васильевым с первым пятдесят пять тысяч шесть сот рублей а последним шездесят одна тысяча шесть сот рублей, коим кроме следующих на выдачу вощикам также и на прогоны им с командами по числу разстояния от селеней до Москвы и обратно до здешняго города причитающагося количества денег еще ни на какия расходы суммы не отпущено».

Оставшееся после упразднения временного Нижегородского монетного двора имущество и всю забракованную при перечеканке и возвращении в первозданный вид монету весной 1797 года на хранение приняла Казенная палата.

Вместо вожделенных *прибытков* и планировавшегося получения «знатной суммы» резерва от «операции в медной монете» казна государства Российского понесла огромные *убытки*...

Со временем о былых перипетиях с десятками тысяч пудов свезенных в Нижний Новгород медяков 16-рублевой стопы накрепко забыли. И лишь совсем недавно усилиями пытливого исследователя монетно-денежных проблем старины кандидата исторических наук А.А. Шунина подоплека и история практической реализации зубовского «спасительного плана» смогли стать доступными для всех желающих.

Хлопот ведомству Нижегородской казенной палаты та скоротечно проведенная операция доставила много, став одним из интереснейших эпизодов еще очень мало изученной истории всей казначейской системы России...

В составе Министерства финансов

К концу XVIII века одноэтажные деревянные здания присутственных мест в Ардатове, Княгинине, Краснослободске, Лукоянове и Семенове обветшали. Находиться в них даже летом было опасно. В Горбатове же после случившегося пожара принадлежавших казне помещений вообще не было: все присутственные места квартировали в арендованных обывательских домах.

Назначенный в 1796 году новый нижегородский губернатор действительный статский советник А.Л. Львов после ознакомительной поездки по уездам доложил об увиденном своему генерал-губернатору князю А.И. Вяземскому:

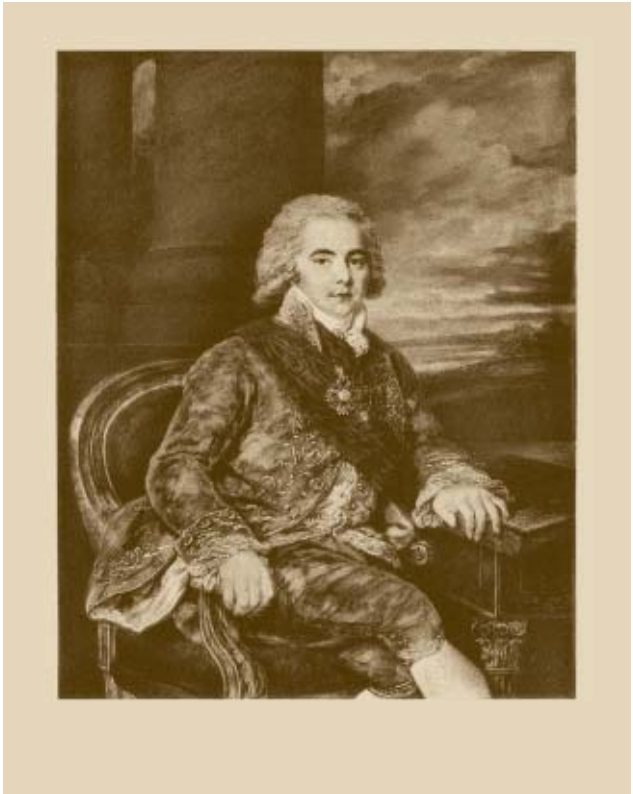
«...Присутственные места, также винные магазейны в земле подвалами зделанные, а равно и кладовые для денежной казны, уездными казначеями собираемой, весьма ветхи, так что в первых присудствующим заседания иметь, а секретарям и приказнослужителям дел отправлять в летнее осеннее время от дождей и беспрестанной по всем местам течи, а в зимнее время от морозов и чрезвычайного в покоях холоду никак не можно...».

Опять появились Камер-коллегия и Главная соляная контора. Своих *местных учреждений* они не имели: в губерниях всем ведали казенные палаты. Поэтому 18 февраля 1797 года император дал Именной Указ новому генерал-прокурору князю А.Б. Куракину «Об учреждении при Казенной Палате особенной части под именем Камерной для управления питейным сбором и распродажи соли»:

«...Дабы оные были полными хозяинами, распорядителями и попечителями в отправление дел: а) по части питейных сборов, по подрядам и по части казенных винокуренных заводов; и 2) по распродаже соли, заготовлению и доставлению ея, куда следует, для народного продовольствия и для запасных магазинов, к удобнейшему же исполнению по Губерниям их распоряжений, иметь Вам вообще при Казенной Палате особую часть под названием Камерной, которую снабдить чинами из числа назначенных по штату 31 декабря 1796 года для Казенной Палаты, и уведомлении, которые они доставлять будут в Камер-Коллегию и в Соляную Контору, наименовать камерными».

Камерные части, ведавшие поступлением в казну очень крупных доходов, состояли *при* казенных палатах. Их структурами они не являлись. Поэтому возникло немало проблем сугубо административного характера.

Через полгода Правительствующий сенат Российской империи Указом «О неучаствовании Казенным Палатам в делах Камерных частей, а Членам сих частей в делах Казенных Палат, и в бытии Камерной части под ведением Вице-Губернаторов» предложил:

Генерал-прокурор Правительствующего сената князь Алексей Борисович Куракин

«Члены камерных частей, яко особых, от Казенных Палат отделенных, и притом не им, а Камер-коллегиям и Главной Соляной Конторе подчиненных в производстве прочих к должности тех Палат относящихся дел, равно как и самые Палаты в суждении по предметам, означенным Высочайшими указами Камер-Коллегии и Главной Соляной Конторы препорученным, соучаствовать не обязаны. А дабы дела в Казенных частях производимы были на законном основании и в должном порядке, то быть им под наблюдением Вице-Губернаторов».

В последний день 1796 года Павел I утвердил новые штаты для 34 губерний Российской империи. Нижегородская губерния была отнесена к I разряду.

Канцелярские служители, количество которых не регламентировалось, штатных должностей не замещали. На их содержание выделялась дополнительно общая сумма. В уездных казначействах должность казначея полагалась в IX классе с годовым окладом 250 рублей. Четыре счетчика получали по 80 рублей в год. На канцелярских служителей и хозяйственные расходы ежегодно отпускалось 368 рублей.

Бывший подполковник гатчинского полка наследника престола князь И.М. Ухтомский с многотрудными обязанностями нижегородского вице-губернатора

справлялся весьма успешно. 1 июля 1798 года прибывший в Нижний Новгород Павел I сместил губернатора Львова и повелел исполнять его обязанности вице-губернатору.

Через полтора года вице-губернатор Ухтомский, которому император еще раньше объявил о своей благосклонности, был назначен президентом Московского райгауза.

В должность нижегородского вице-губернатора 26 марта 1800 года вступил служивший до этого председателем первого департамента Костромской палаты суда и расправы статский советник М.А. Шишков. Три дня спустя Михаил Антонович распорядился:

«...Разсматривая имеющиеся в казенной палате о нерешенных делах ведомости которых значится оных 297, в числе коих замечаются по указам и правительствующего сената с прописанием в них имянных всевысочайших повелений а равно не окончен за прошлой 1799 год Генеральный отчет и как он вступая в настоящую должность обязанность имеет пещись о скорейшем приведении всего того к желаемому концу, а потому... и рекомендует чтоб каждой по своей части озаботился окончанием следующего незамедлительно...».

В соответствии с полученными из столицы указаниями 18 апреля 1800 года вице-губернатор Шишков распорядился разделить Нижегородскую казенную палату на экспедиции Ревизскую, Счетную, Камерную и Губернских доходов. Функции канцелярии (секретариата) выполнял палатный стол.

Высочайшим Указом Павел I повелел «уничтожить» в казенных палатах по одной должности асессора. А вот должность губернского казначея была возвышена до VI класса с увеличением жалованья до 600 рублей в год.

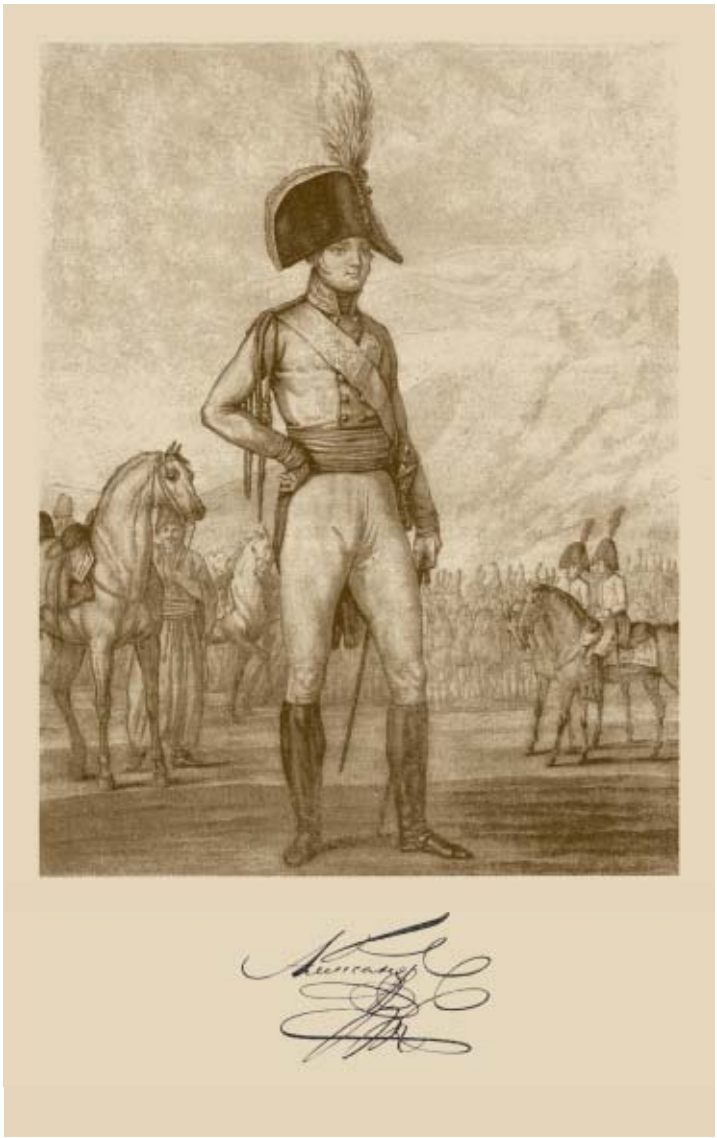
21 января 1801 года в Нижегородской казенной палате было получено предложение от нового государственного казначея действительного тайного советника Г.Р. Державина. В нем содержались замечания Экспедиции для свидетельства государственных счетов по случаю «открывшегося несходства в доходах,

Император Павел I

Штаты Нижегородской казенной палаты с 1 января 1797 года

Должность	Класс должности	Количество должностей	Жалованье в год (руб.)	
			Одному	Всем
Вице-губернатор	V	1	1200	1200
Советник	VI	3	600	1800
Губернский казначей	VIII	1	300	300
Асессор	VIII	3	300	900
Присяжный при казне	—	4	80	320
Всего	—	12	—	4520

Император Александр I

начисленных сею палатою по здешней губернии при составлении табели к росписанию на сей 1801 год с числом душ» против показанных...

Казенная палата по-прежнему ведала очень широким кругом вопросов, до государственных доходов и расходов относившихся. В том числе – выплатой через уездные казначейства пенсий («пенсионного денежного жалованья»). С 1798 года вплоть до смерти в 1818 году из Нижегородской казенной палаты получал, например, высочайше пожалованную ему пенсию наш знаменитый земляк механик-самоучка Иван Петрович Кулибин...

Взошедший 1 марта 1801 года на российский престол Александр I ровно через десять месяцев данным Правительствующему сенату Указом утвердил новые штаты для 37 губерний.

Нижегородской казенной палате полагались вице-губернатор, три советника VI класса, два асессора VIII класса, четыре присяжных из отставных гвардейских либо армейских унтер-офицеров. Оклады их жалованья остались прежними.

Штаты уездных казначейств в Нижегородской губернии каких-либо изменений тоже не претерпели.

17 февраля 1802 года Указ Александра I был доложен общему присутствию Нижегородской казенной палаты. Ее члены приказали:

«...Сей Указ записав по получении оного отрапортовав с экземплярами приобщить к прочим а находящимся при палате чинам объявить...».

«Дней Александровских прекрасное начало», – с восторгом сказал об этом времени А.С. Пушкин. Одной из первых и важнейших реформ стало учреждение в Российской империи министерской системы управления государственным хозяйством.

Высочайшим манифестом Александра I о разделении государственных дел на разные части «сообразно естественной их связи между собою» от 8 сентября 1802 года были образованы восемь министерств. Среди них – Министерство финансов.

Министру финансов поручалось «управление казенными и государственными частями, кои доставляют правительству нужные на содержание его доходы, и генеральное всех доходов разсигнование по разным частям государственных расходов».

В подчинении министра финансов оказались и казенные палаты. Правда, только «по винным подрядам и откупам, по всем разщетам и жалобам, кои встречаются по сим двум предметам, и по взысканию недоимок по оным; по ассигнованию сумм на построение и починку винных магазинов и питейных домов; по учреждению и отдаче в содержание гербергов; словом по всем делам до умножения государственных доходов и разсигнования сумм касающихся».

По части же казенных сборов, доставления их в надлежащие места и хранения денежной казны казенные палаты оставались в ведении государственного казначея. Поэтому последнему были подведомственны все губернские и уездные казначеи, счетные экспедиции казенных палат, казначейства для штатных и остаточных сумм.

Министру финансов государственный казначей не подчинялся: он руководил *своим* ведомством, хотя и очень тесно связанным с Министерством финансов. По этому министерству числился возглавлявший Казенную палату вице-губернатор. Теперь он носил мундир Министерства финансов. Его же подчиненным полагались мундиры *губернские*.

Первоначально были учреждены лишь *сама должность* министра финансов и канцелярия при нем. Все ранее существовавшие казенные учреждения (установления) остались при своем прежнем устройстве.

Местным органом вновь образованного Министерства финансов Казенная палата еще не являлась. Целый ряд ее функций подлежал ведению министра внутренних дел. В Манифесте Александра I говорилось:

«Казенным палатам относиться к нему чрез начальников обо всем, касающемся до публичных зданий и содержания их, и при том доставлять ему чрез них же ведомости о числе народа и ревизские сказки».

В отставке первый российский государственный казначей барон А.И. Васильев находился недолго: уже 12 марта 1801 года особым указом Александр I повелел ему вступить во все ранее занимавшиеся должности. Вскоре Алексей Иванович был возведен в графское достоинство.

Высочайшим указом от 8 сентября 1802 года император повелел Алексею Ивановичу занять должность министра финансов.

В тот же день Александр I назначил и нового государственного казначея – тайного советника Ф.А. Голубцова. В ведении Федора Александровича состояли казенные палаты по их сугубо казначейским операциям, а также сами губернские и уездные казначейства.

31 октября 1802 года министр финансов граф Васильев сделал Нижегородской казенной палате «предложение»:

«По росписанию Экспедиции о государственных доходах на настоящий 1802-й год данному с уведомления бывшей Камер Коллегии назначено по Нижегородской губернии, сверх откупной суммы, в доход за герберги акцизных 751 р. 76 1/4 коп.; но как в ведомости Палаты сей о ожидаемых в 1803-м году по питейной части доходах и расходах акцизного дохода полагается только 145 р. 12 1/2 коп., следовательно меньше 606 р. 63 3/4 коп., причины ж тому не объяснено; то приказал я присокупить к сим 606 р. 63 3/4 коп. к акцизному доходу в изготовляемое на будущий 1803 год росписание, о чем извещая Нижегородскую казенную палату нужным почитаю заметить ей: что один из важнейших предметов долга ее требует попечительного хозяйственного старания, дабы подобные казенные доходы не толко не упадали, но от времени до времени приходили в лучшее состояние, умножением и приращением их доставляли бы и для самой Палаты свидетельство усердного исполнения обязанностей ея».

Первый российский министр финансов скончался 15 августа 1807 года. После этого более двух лет государственный казначей Голубцов фактически временно руководил и Министерством финансов, но формально должность министра все это время оставалась незамещенной. Не будучи официально назначенным министром, Голубцов лишь *заведовал* Министерством финансов. Поэтому поступавшие в Нижегородскую казенную палату из столицы «предложения» Федор Александрович подписывал то как государственный казначей, то как заведующий Министерством финансов.

14 марта 1804 года из Правительствующего сената последовал Указ: денежную казну *губернского казначейства* хранить *уездному казначею* губернского города. Теперь губернский казначей кассовых операций непосредственно сам уже не производил: он руководил Казначейской экспедицией Казенной палаты.

Летом того же года нижегородский губернский казначей статский советник Е.А. Аверкиев за свою отличную службу был представлен к пожалованию орденом Святого равноапостольного князя Владимира.

30 сентября 1804 года Правительствующий сенат издал Указ «О наблюдении казенным палатам за губернскими и уездными казначеями в сохранении целости казны и исправности счетов, и о подписывании всем оной членами посылаемых исходящих бумаг, ведомостей и денежных счетов».

18 апреля 1805 года резолюцией «Быть по сему» Александр I утвердил представленный ему доклад министра финансов. Отныне казенные палаты освободились от управления мостами и привозами. Поэтому их строительные экспедиции перешли в ведение

Государственный казначей граф Федор Александрович Голубцов

губернаторов и состояли теперь в структуре губернских правлений.

Медная монета «умножилась» в народном обращении. В кладовых казначейств ее скопилось очень много. Наличность подолгу не отправлялась в столицу. В марте 1806 года Нижегородская казенная палата получила предписание от государственного казначея тайного советника Голубцова:

«Из многих казенных палат доходят ко мне сведения, что там и по иным городам кладовые уездных казначейств или тесны и сыры и к помещению денег и прочего неудобны или ветхи и непрочны, либо от казначейств отделены и к хранению казны ненадежны.

Ныне для некоторого соображения нужно мне иметь о положении тех кладовых точное сведение и для того разослал [я] предписание по прочим казенным палатам предлагая с тем купно Нижегородской казенной палате доставлять ко мне точное сведение о кладовых Нижегородской губернии в каком оные положении состоят, везде ли оные для содержания в них денежной казны и прочего надежны и удобны, и есть-ли почему либо неудобны, то почему и каким образом следует их поправить или где нужно вновь построить, и во что все сие казне обойтись может...».

Палате предписывалось донести государственному казначею о состоянии кладовых уездных казначейств на территории губернии.

Поступившие с мест донесения были неутешительны. Поэтому 21 июня того же года нижегородский гражданский губернатор А.М. Руновский распорядился начать строительство каменных зданий для присутственных мест в Ардатове, Арзамасе, Василе, Горбатове и исправить «нужными починками состоящего в городе Макарьеве каменного корпуса».

В правом крыле этого здания с 1809 года находилось Нижегородское губернское казначейство. Фото М.П. Дмитриева начала XX века

Так были построены здания, в которых уездные казначейства размещались более столетия. Использовались они и при советской власти: в некоторых из них находились местные уездные финотделы и отделения Государственного банка СССР..

В декабре 1809 года весь корпус нижегородских губернских присутственных мест выгорел от пожара. Как казалось, *временно* все учреждения переехали в располагавшийся напротив дворец вице-губернатора, коим тогда служил статский советник А.С. Крюков.

Реформы, идеологом которых являлся знаменитый автор «Плана финансов» статс-секретарь М.М. Сперанский, продолжались. 25 июля 1810 года Александр I издал Высочайший манифест о новом разделении государственных дел. Количество министерств возросло до 12. Между ними и были поделены главные части казенного управления.

Год спустя в структуре центрального аппарата Министерства финансов появились четыре департамента: государственных имуществ; горных и соляных дел; внешней торговли; разных податей и сборов. Через них теперь и поступали «предложения» министра финансов казенным палатам.

В 1811 году был учрежден Государственный контроль. Своих местных органов новое ведомство долгое время не имело. Поэтому власти решили использовать счетные экспедиции казенных палат: они теперь числились по ведомству Государственного контроля, министру финансов не подчинялись.

Летом 1812 года с нашествием армии Наполеона началась Отечественная война. Из первопрестольной в Нижний Новгород были эвакуированы Московский департамент Правительствующего сената, Ассигнационный банк, Московские для штатных и остаточных

Медаль в память графа М.М. Сперанского

Дом на набережной реки Невы в Санкт-Петербурге, где жили министры финансов. Художник Р.Г. Заррин

сумм казначейства, Оружейная палата, Московский главпочтамт и целый ряд других государственных учреждений. Часть из них разместилась в вице-губернаторском дворце. Нижегородской казенной палате, губернскому и уездному казначействам пришлось перебраться в два соседних корпуса гарнизонных казарм.

Эвакуированные жители первопрестольной получили кров у нижегородцев. Знаменитый российский историограф Н.М. Карамзин, например, поселился в доме нижегородского губернского казначея Е.А. Аверкиева на Тихоновской улице...

Финансирование организованного нижегородского ополчения требовало крупных денежных сумм. Поэтому был образован губернский Комитет для принятия пожертвований на его нужды. Опечатанный сундук с пожертвованными деньгами и ценностями хранился в кладовой руководимого И.Н. Николаевым Нижегородского уездного казначейства.

После оставления Наполеоном Москвы эвакуированные учреждения возвратились в белокаменную. Казенная палата и казначейства снова заняли свои помещения в правом крыле дворца нижегородского вице-губернатора...

2 апреля 1817 года был издан новый «Устав о питейном сборе». До этого все питейное дело находилось в ведении губернаторов. Теперь же надзор за винокурением, прием и хранение вина, заведование «винными магазейнами» и наблюдение за продажей питей перешли к казенным палатам. В последних были учреждены для этого особые («питейные») отделения.

По винной операции Казенной палате подчинялись состоящие в ее ведении уездные правления питейных сборов из надзирателей, их помощников и винных приставов.

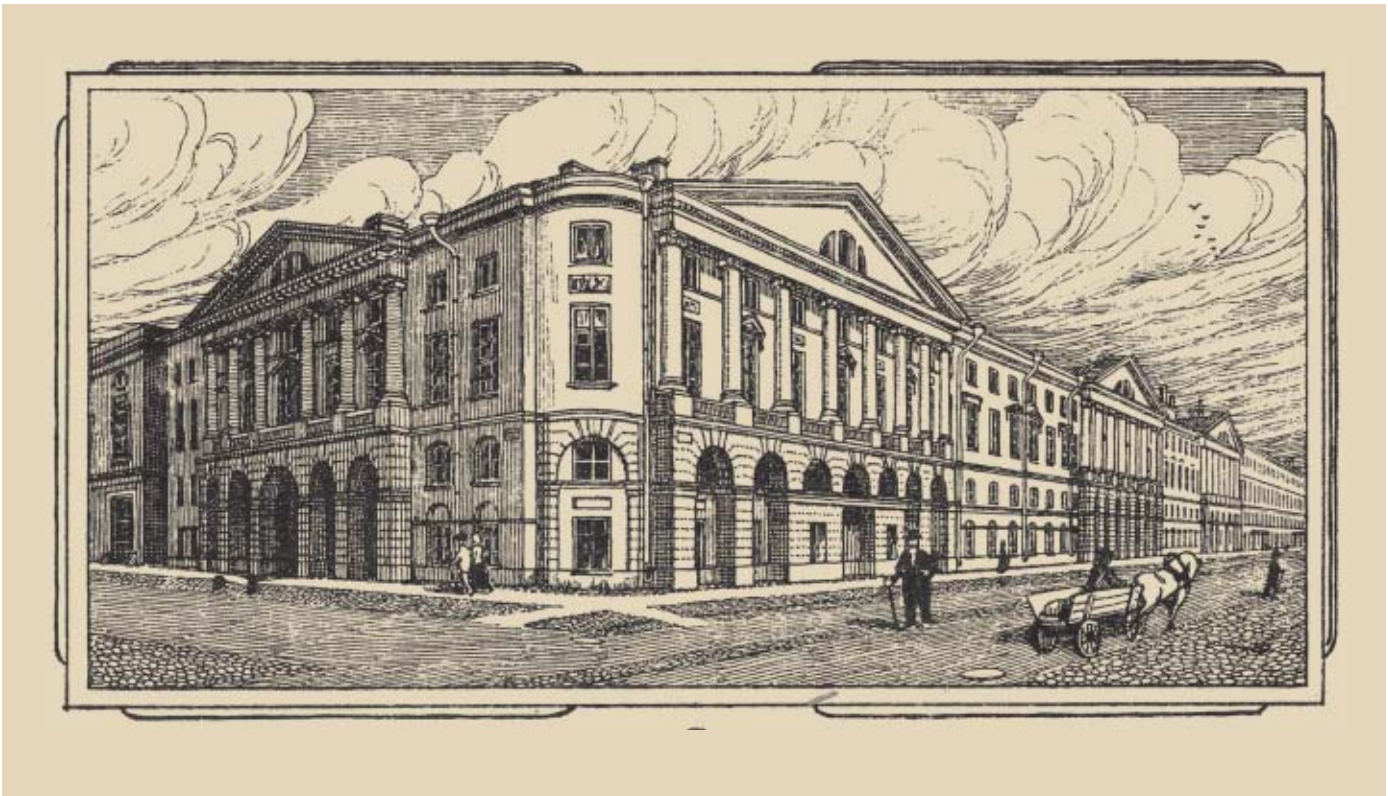
Резолюцией «Быть по сему» 2 февраля 1821 года Александр I повелел образовать в составе Министерства финансов Департамент Государственного казначейства (ДГК). Он заменил прежнюю Экспедицию о государственных доходах, состоявшую в ведении государственного казначея. Отныне казенные палаты (по казначейским делам), губернские и уездные казначейства подчинялись министру финансов *через ДГК*.

Теперь все чины ведомства Нижегородской казенной палаты на службе официально состояли по Министерству финансов Российской империи. Лишь чиновники, замещавшие должности в Ревизионной экспедиции Казенной палаты, числились по контрольному ведомству.

Вместо существовавших в обеих столицам империи казначейств для штатных и остаточных сумм в ведении ДГК появилось главное казначейство.

Департамент Государственного казначейства ведал очень важными вопросами. Среди его обязанностей были: движение казенных сумм всех казначейств империи по приходу и расходу, их счетоводство; заведование монетной и пробирной частями; дела по составлению росписей доходов и расходов; предварительная проверка финансовых смет всех министерств; рассмотрение составляемых министерством финансов проектов, положений, уставов и прочих законоположений, следствием принятия которых у казны государства Российского появились новые расходы.

Казенные палаты, губернские и уездные казначейства полностью стали местными учреждениями министерства финансов. Их управление по большинству вопросов осуществлялось именно через Департамент Государственного казначейства.

Здание на Садовой улице в Санкт-Петербурге. Здесь размещались департаменты Министерства финансов. Художник Р.Г. Заррин

Департамент Государственного казначейства сразу же стал приводить в порядок подведомственные ему учреждения на местах. В 1821 году началось строительство каменных денежных кладовых для уездных казначейств. Они появились тогда в Ардатове, Василе, Княгинине, Лукоянове, Семенове.

По правилам, действовавшим еще очень долгое время, кладовые обязательно должны были иметь каменные своды и кирпичные полы. Своды предназначались для противодействия распространению по зданию огня. Кирпичные полы предохраняли хранящиеся в кладовой ценности от похищения «через производство подкопа».

Вот как выглядела, например, через 10 лет первая из них согласно сохранившемуся в Центральном архиве Нижегородской области акту освидетельствования:

«...Кладовая каменная, одноэтажная, длиною на 4 саженях 1 аршине и 4 вершках, шириною на 3 саженях и 4 вершках, а высотою от земли до крыши 2 сажени, пред кладовою имеется комната с голанскою печью, как сия комната, так и кладовые со сводами, кирпичными полами в елку, в трех окнах железные решетки, и ставни, и две двери железные, кладовая сия во всех частях в прочном положении и поправок ныне не требует».

По такому же проекту были построены денежные кладовые уездных казначейств и в других городах.

Количество рассматриваемых Казенной палатой дел постоянно увеличивалось. Документооборот рос подобно снежному кому. Все больше дел оставалось неразрешенными в установленные сроки. В журнале нижегородского вице-губернатора действительного статского советника П.И. Моллера содержится запись от 29 июля 1821 года:

«...Из разных губерний часто получаются дубликатные и трипликатные сообщения, в особенности по Ревизской экспедиции. Дабы вовсе прекратить таковые затрудительные переписи и беспорядок в медленном исполнении требований присутственных мест, происходящей от беспечности секретаря Палаты и столоначальников, постановляет по всем экспедициям и отделениям штраф, за каждый полученный дубликат вычитать с виновного из жалованья пять рублей, а за трипликат вдвое, которую сумму по роздаче жалованья обращать в пользу усердствующих и старательных к своим должностям чиновникам».

Однако даже столь суровые меры воздействия к наведению должного порядка в организации документооборота должного результата не обеспечили.

Да и в уездных казначействах дисциплина оставляла желать лучшего, что немало способствовало хищениям и растратам собранных казенных средств. В том же своем журнале Павел Иванович 3 сентября 1821 года заметил:

«...Некоторые из уездных казначеев доставляя к нему по форме записи об отправленной в Казенную палату разных сборов денежной казны, показывают оной большой остаток в казначействе налицо, и даже до 10 т[ысяч] рублей, но на какой предмет и по предписанию ли Палаты они оставляют казну того не объясняют.

Вследствие сего он, г. вице-губернатор, предписав всем казначеям, впредь непременно объяснить на какой именно предмет будет оставляться казна и по предписанию ли Палаты, приказал: об этом записать в журнал и для точного исполнения по сему предписать всем казначеям строжайшее подтвердив указание, о том, что есть ли кто осмелится задерживать высылку и

оставить без особенного предписания Палаты у себя свыше ста рублей, тот отрешен будет от должности и предачи суду»...

Со времени учреждения казенных палат и казначейств прошло почти полвека. С тех пор их штатные расписания явно устарели: цены в Российской империи выросли, оклады же большинства чиновников оставались прежними, утвержденными еще Екатериной II и Павлом I.

Вступив в должность, министр финансов Е.Ф. Канкрин уже вскоре внес в Государственный совет Российской империи представление о настоятельной необходимости ввести новые штатные расписания (штаты) для казенных палат и уездных казначейств.

Иного способа привести эти учреждения «в возможность исполнять с желаемым успехом лежащие на них обязанности» Егор Францевич не видел. Требовалось изменить существующее положение, «сделав сие без отягощения Государственного казначейства новым расходом». Госсовет мнением положил:

«Одни доходы, в казну поступающие, увеличились в несколько крат: ибо тогда не превышали они и 20 000 000 р. в год. В палатах и казначействах умножилось письмоводство, возросла отчетность по суммам в них обращающихся, и с тем вместе несказанно увеличилась ответственность, а от того нынешнее положение их не соответствует уже потребностям, и важнейшая часть, отчеты в суммах, находятся большею часть на худом положении. Недостаток в способных людях создался ощутителен до того, что к занятию должности уездных казначеев, коим производится жалованья от 250 до 375 руб. в год, в иных местах нет даже желающих, а в других допущение по необходимости могут неблагонадежных, доводит казну до важных утрат».

Государственный совет с аргументами министра финансов полностью согласился. 18 декабря 1823 года мнение Госсовета было Высочайше конфирмовано Александром I. Новые штаты казенных палат и уездных казначейств составлялись «без отягощения Государственного казначейства новым расходом».

При Нижегородской казенной палате осталось особое соляное отделение, возглавляемое многоопытным коллежским советником П.М. Стремоуховым. Оно ведало хранением и продажей дававшей казне огромные доходы соли.

Наиболее серьезные изменения затронули уездные казначейства. В каждом из уездных казначейств Нижегородской губернии полагалось теперь по девять должностей. Всем казначейским чинам жалованье было заметно увеличено.

Кроме того, «на книги и прочие канцелярские припасы», дрова, свечи и сторожей, «прибавку канцелярских чиновников» уездному казначейству губернского города полагалось 1200 рублей. Остальным уездным казначействам – 700 рублей в год.

Выделялись также суммы «на контроль»: 1200 и 1000 рублей соответственно. Но постановление об устройстве в уездных казначействах контроля последовало позднее.

После проведенной министром финансов Канкриным реформы казенных палат к ведению их казначейских отделений по-прежнему относился широкий круг вопросов:

«1) составление из росписания Департамента Государственного казначейства о доходах и расходах по губернии выписок для уездных казначейств, и снабжение их таковыми, для внесения в книги окладным и неокладным доходам и разного рода расходам.

2) составление, на основании Высочайше утвержденной сметы о земских повинностях, росписание для уездных казначейств о количестве долженствующего поступить в каждое из оных денежного сбора на земскую повинность, по расходам оного.

3) наблюдение за своевременным поступлением в казну окладных сборов, наблюдение за ходом неокладных в ведомстве Палаты состоящих и другим отделениям неполученных сборов.

4) кассовый порядок относительно приема, свидетельствования, расходования и отсылки поступивших сумм; счет гербовым банкам квитанций.

5) ассигнование расходов сверх росписания, по уездным казначействам.

6) дела по производству пенсий, прогонных денег, пособий чиновникам, привлекаемым на службу в Сибирь, Грузию и т.п.

7) дела по выдаче кормовых денег арестантам».

Штаты для уездных казначейств Нижегородской губернии с 18 декабря 1823 года

Должность	В Нижегородском уездном казначействе		В остальных уездных казначействах губернии	
	Количество должностей	Жалованье в год (руб.)	Количество должностей	Жалованье в год (руб.)
Казначей	1	1000	1	800
Журналист	1	600	1	400
Бухгалтер	1	800	1	500
Писец	2	300	2	250
Присяжный счетчик	4	150	4	120

5-копеечная медная монета 16-рублевой стопы чекана 1796 года

Как и прежде, отделение казначейств Казенной палаты возглавлялось губернским казначеем. Ему подчинялись столоначальники, контролеры, бухгалтеры, их помощники и канцелярские служители.

Крупные хищения казенных средств имели место во многих губерниях Российской империи. Для борьбы с этим злом власти попытались ужесточить контроль. 28 сентября 1824 года последовал Указ Правительствующего сената «Об обозначении казенными палатами в доставляемых в Сенат ежемесячно о свидетельстве денежной казны донесениях, сверх показания найденной налицо казны, тому ли числу по книгам быть оной долженствует».

Важную роль в Казенной палате играло и ее контрольное отделение во главе с губернским контролером. Оно состояло из контролеров, их помощников и канцелярских служителей. Это отделение ведало проведением торгов и подрядов на поставку в казну.

При проведении всех подобных мероприятий закон требовал присутствия в Казенной палате гражданского губернатора, губернского прокурора и губернского казенных дел стряпчего. На торгах о земских повинностях кроме них в обязательном порядке присутствовал губернский предводитель дворянства.

Когда торги проводились «по строительной части», на них надлежало присутствовать также асессору Нижегородского губернского правления.

Медная монета 16-рублевой стопы, три десятка лет назад подвергшаяся на временном Нижегородском монетном дворе перечеканке, а затем «обращению в прежнее достоинство и вид», со временем разошлась по всей империи. Теперь она повсеместно изымалась из обращения для переплавки. В экспедиционном журнале отделения казначейств Нижегородской казенной палаты 21 мая 1827 года появилась запись:

«Ведомства сей Палаты коллежский секретарь Тиханов, командированный Палатою для приема прибывшей сюда из Орловской, Тамбовской и Воронежской казенных палат и канцелярии Войска Донского медной монеты старого чекана, рапортом донес, что для охранения оной монеты, укупоренной в 3336 бочках, имеющей по выгрузке ее на берегу реки Волги занять в длину на 50 и в ширину 12 саженях, истребовано из здешнего батальона караула двух постов недостаточно, просит в добавок одного поста...».

Губернскому казначею коллежскому асессору С.И. Теселкину и нижегородскому уездному казначею титулярному советнику И.Д. Евдокимову хлопот и забот с приемом и хранением огромной партии этой монеты досталось много...

29 сентября 1831 года Николай I Высочайше соблаговолил утвердить «Инструкцию казенным палатам о порядке производства дел». Сама Казенная палата под председательством вице-губернатора состояла из советников и асессоров. В ее канцелярии полагались секретарь, протоколисты, журналисты, архивариус и канцелярские чиновники.

Каждый из советников возглавлял отделение, коих было шесть: хозяйственное, лесное, питейных сборов, казначейское, соляное и контрольное.

Прежде казенные палаты ведали практически всеми частями государственного хозяйства на территории своих губерний. При Николае I круг их ведения стал постепенно сужаться: из состава выделились подразделения, на базе которых создавались местные органы других министерств и ведомств. Поэтому в самих палатах деятельность все больше сосредотачивалась на сугубо денежно-финансовых вопросах. Сохранялись и контрольно-ревизионные функции казенных палат, связанные с государственными доходами и расходами.

Эпоха Б.Е. Прутченко

После выявления летом 1823 года более чем 700-тысячной растраты денег нижегородским уездным казначеем И.М. Поповым подобное казнокрадство наличности в ведомстве Нижегородской казенной палаты уже не наблюдалось. Однако само ведомство функционировало по-прежнему скверно. Назначенному летом 1825 года новому вице-губернатору коллежскому советнику Ф.Л. Переверзеву исправить ситуацию не удалось.

Обследовавший губернию флигель-адъютант Николая I полковник Мансуров в представленной 10 мая 1826 года на Высочайшее имя записке констатировал:

«Вице-губернатор, вновь назначенный, недавно вступил в свою должность. Он мало известен, но по первоначальным действиям заключают, что он человек деятельный и благонамеренный. Что же касается до чиновников казенной палаты и до чиновников, служащих по винной части, они самым бесстыдным образом пользуются выгодами своих мест, и с ними наравне и чиновники, употребленные в соляных конторах...

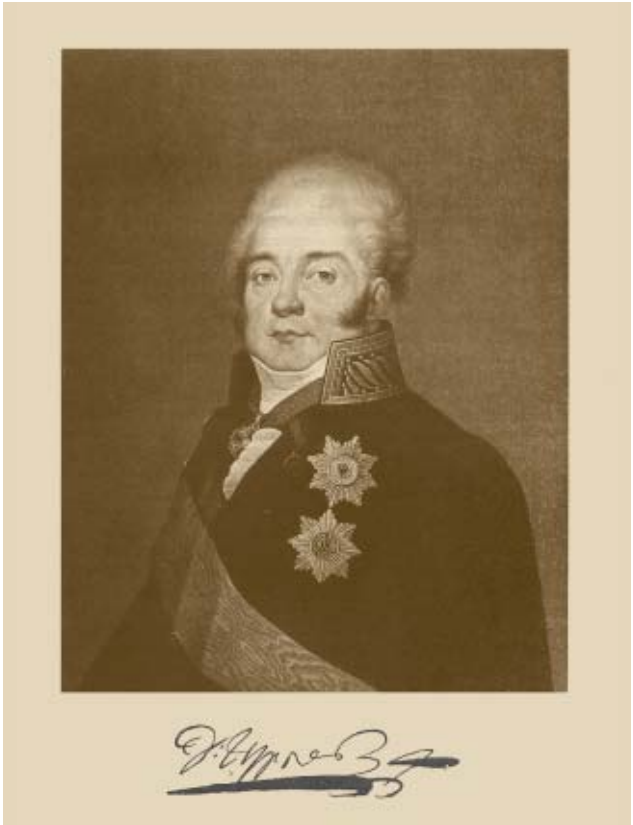
Не смею удостовериться в строгой точности сведений, представленных мной; но утвердительно могу сказать, что я везде слышал один голос. Все жалуются на медленный неправильный ход дела, на корысть чиновников, на стеснение торговли и промышленности. В общем мнении и в мнении многих людей, занимающих первые места в губернском управлении, положение дел государственных и частных ныне – на последней степени неустройства и разврата».

Сменивший Федора Лукича в начале 1830 года вице-губернатор статский советник Г.К. Селастенник за кратковременностью своего руководства финансами Нижегородской губернии радикального перелома добиться тоже не смог. Сделать это оказалось под силу лишь некогда знаменитому преемнику Гавриила Корнеевича.

Именным Указом Николая I Правительствующему сенату Российской империи от 11 августа 1831 года костромской вице-губернатор 45-летний коллежский советник Б.Е. Прутченко перемещался в Нижегородскую губернию. «Перемещался» – значит оставался в своей прежней должности вице-губернатора.

Борис Ефимович слыл опытным и очень «успешным» чиновником, последовательно прошедшим по всем ступенькам карьерной лестницы. Началась же служба потомственного дворянина Прутченко за три десятка лет до того – 31 мая 1801 года со скромной должности канцеляриста первого департамента Черниговского генерального суда.

Не прослужив и года, согласно поданному прошению 3 мая 1802 года молодой канцелярист вышел в отставку. Выслужить свой первый классный чин к тому времени он еще не успел.

Министр финансов (1810—1823) граф Дмитрий Александрович Гурьев

Однако в абшиде перебравшийся на брега Невы малоросс обретался недолго. Уже 29 июля 1802 года он снова вступил в службу – канцеляристом Третьего департамента, возрожденного при Александре I Правительствующего сената. Через восемь лет Прутченко по прошению перемещается в Первый сенатский департамент, являвшийся не судебным, а административным – он ведал финансово-хозяйственными вопросами.

Пошла своим чередом казенная служба – не преминули последовать классные чины: сенатский регистратор (со старшинством в этом первом тогда чине с 31 декабря 1804 года), губернский секретарь, коллежский секретарь, титулярный советник.

По роду служебных обязанностей Борису Прутченко приходилось участвовать в осуществлении различных казенных мероприятий финансового характера. В том числе – в организации винных (питейных) откупов. Проведенные в Правительствующем сенате торги на 1811–1815 годы завершились очень успешно: с 29 миллионов откупная сумма по сравнению с предшествующим четырехлетним периодом возросла до 53 миллионов рублей ассигнациями.

22 сентября 1810 года «по случаю бывших торгов на питейный откуп» губернский секретарь Прутченко

удостоился денежного вознаграждения «из Всемилостивейше пожалованной на сей предмет суммы».

16 августа следующего года коллежский секретарь Прутченко был определен начальством «на вакансию секретаря».

В декабре 1813 года по инициативе министра финансов графа Д.А. Гурьева Александр I учредил особый Комитет для изыскания средств к временному поддержанию питейных сборов и прочному устройству их на будущее время.

В Комитет для устройства винных откупов на 1815–1819 годы титулярный советник Прутченко был командирован «в помощь правителю канцелярии оного, где находясь, исправлял настоящую должность по званию секретаря».

На основании Высочайшего Указа 25 мая 1815 года в Правительствующем сенате учреждался особый Комитет для рассмотрения дел о недоимках по питейному сбору с 1811 по 1815 год. По назначению начальства Борис Прутченко более года занимался в этом комитете, «равно по общему присудствию 1-го департамента Правительствующего Сената, существовавшему для окончательного рассмотрения заключений того же Комитета, членами коего труды его, г. Прутченко, и усердия по сей части засвидетельствованы в особом комитетском журнале».

14 февраля 1818 года за усердную службу в Правительствующем сенате коллежский асессор Прутченко Всемилостивейше жалуется кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира IV степени.

В жизни дореволюционного российского чиновничества ордена играли важную роль. Устав о службе по определению от правительства гласил: «Верные, истинные слуги Государя и Отечества имеют надеяться на особливое монаршее благоволение и милость, и во всех случаях, по испытанной верности и искусству, ожидать соразмерной заслугам награды».

Я люблю смотреть на звезды, –
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.
Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны;
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

Так в одном из своих стихотворений иронизировал язвительный П.И. Вейнберг.

Собственно звезды являлись знаками высших (первых) степеней орденов. Лишь у орденов Святого Георгия и Святого Владимира они означали не только первую, но и вторую (из четырех) степени.

Орденские знаки состояли из трех главных элементов: креста, звезды и соответствующих расцветок ленты. Каждый орден имел свой девиз. У ордена, кавалером которого был пожалован Борис Прутченко, им являлись слова: «Польза, честь и слава».

До звезд кавалерствующему чиновнику оставалось служить еще долго. Зато в петлице его парадного мундира отныне все могли видеть малый крест из золота – знак низшей степени ордена Святого Владимира.

За отличные труды в одной из сенатских комиссий Высочайшим Указом 21 августа 1818 года Борис Ефимович был пожалован чином коллежского асессора – так он стал «статским штаб-офицером».

Звезда и знаки ордена Святого равноапостольного князя Владимира

16 мая следующего года за свои труды в той же комиссии Прутченко удостоился Высочайше пожалованного ему чина надворного советника. Одновременно он повышался и в должности, став начальником одного из отделений Департамента разных податей и сборов Министерства финансов Российской империи.

20 мая 1820 года «за усердную службу в оном» Прутченко жалуется орденом Святой Анны II степени с алмазными знаками. Такие знаки к ордену означали «особенную степень награждения». Золотой аннинский крест II степени носился на узкой шейной ленте. «Любящим правду, благочестие и верность» – девиз этого ордена.

Звезда и знаки ордена Святой Анны

Конец эпохи царствования Александра I застал Бориса Прутченко в должности рязанского вице-губернатора, в каковую Высочайшим Указом от 10 марта 1824 года он был определен с чином коллежского советника.

При новом императоре служба Бориса Ефимовича по-прежнему складывалась весьма удачно. 4 декабря 1826 года и 19 марта 1829 года от министра финансов графа Е.Ф. Канкрина рязанскому вице-губернатору дважды объявлялась «совершенная признательность за успешное течение дел, заботливость и усердие к службе и приведение в устройство вверенных ему частей».

Именным Указом Николая I 11 января 1830 года из Рязани Прутченко перемещается в Кострому. Через год он станет нижегородским вице-губернатором.

С первых же дней новый руководитель стал укреплять дисциплину в Казенной палате. Тех чиновников, которых вице-губернатор уличал «в редком хождении к должности», он назначал вне очереди дежурить по Палате целую неделю. Заметив как-то неисправное ведение в ее казначейском отделении бухгалтерских книг, вице-губернатор предложил губернскому казначею С.И. Теселкину не назначать жалованья бухгалтеру «до тех пор, пока означенные книги будут приведены в надлежащий порядок»...

Перемещение вице-губернатора Прутченко в Нижний Новгород совпало с серьезной перестройкой структуры руководимого им ведомства. 29 сентября 1831 года была Высочайше конфирмована принятая Государственным советом Российской империи «Инструкция казенным палатам о порядке производства дел».

Под председательством вице-губернатора Казенная палата состояла теперь из шести отделений: хозяйственного, лесного, питейных сборов, казначейского, соляного и контрольного. Отделениями руководили советники.

В штате Казенной палаты имелись также асессоры. В канцелярии числились секретарь, протоколист, журналист, архивариус и канцелярские чиновники.

Министр финансов (1823—1844) граф Егор Францевич Канкрин

Прутченко умело руководил Высочайше вверенным его управлению ведомством. Формулярный список о службе Бориса Ефимовича продолжал ежегодно (а то и несколько раз в год) пополняться радующими душу высокопоставленного чина новыми записями. За каждой из них стояло реальное дело, на сохранение и приумножение казенного интереса направленное.

«В воздаяние отменных трудов и усердие к службе» 29 января 1832 года Указом Николая I Борис Ефимович был пожалован чином статского советника.

Советники Нижегородской казенной палаты (1834 год)

Ф.И.О.	Классный чин	Должность
Петр Михайлович Стремоухов	Коллежский советник	Советник соляного отделения
Николай Александрович Нащокин	Надворный советник	Советник отделения питейных сборов
Иван Галактионович Лушковский	»	Советник хозяйственного отделения
Петр Михайлович Андреев	Коллежский асессор	Советник контрольного отделения (губернский контролер)
Федор Николаевич Сальбург	Титулярный советник	Советник лесного отделения (губернский лесничий)
Степан Ильич Теселкин	Надворный советник	Советник казначейского отделения (губернский казначей)

11 марта 1833 года министр финансов граф Канкрин предписанием Нижегородской казенной палате объявил вице-губернатору «совершенную признательность за попечение и деятельность в успешном составлении генерального кассового отчета за 1831 год по данным новым формам со всеми приложениями и за исправность оного».

Еще одним таким своим предписанием (от 10 июня 1833 года) Канкрин объявил нижегородскому вице-губернатору свою признательность «за особое старание и заботливость в исправном доставлении ведомостей в Департамент Государственного казначейства о приходе и расходе государственных доходов за май месяц 1833 года».

23 мая следующего года по Именному Указу Николая I Правительствующему сенату «в воздаяние отличных трудов и усердие к службе» Борис Прутченко был пожалован в действительные статские советники. Путь от неимеющего чина черниговского канцеляриста до «статского генерала» в кресле нижегородского вице-губернатора он прошел менее чем за 33 года своей службы государству Российскому...

Под служебное жилье Борису Ефимовичу был отведен большой деревянный дом на Большой Покровской улице* напротив здания Нижегородского губернского дворянского собрания. Прежде в этом доме жили нижегородские губернаторы.

Как и награды, очень важную роль в жизни чиновничества Российской империи играли мундиры. 27 февраля 1834 года Николай I утвердил подписанное статс-секретарем А.С. Танеевым «Положение о гражданских мундирах»:

«Во всех присутственных местах, начиная с Государственного Совета и до низших во время заседаний, председатели, члены и секретари должны быть в мундирах или вице-мундирах, при шпагах, прочие канцелярские служители в мундирных фраках, а канцелярские служители, классов неимеющие, в форменных сертуках».

Мундиры означали место служения, степень звания и должность их владельцев. Они различались по цвету и полноте шитья на мундире. Вице-губернатору Прутченко как лицу, «в генеральском чине состоящему», полагался парадный мундир из темно-зеленого сукна с *полным* золотым шитьем на карманных клапанах, красных суконных воротнике и обшлагах рукавов.

Золоченые пуговицы на мундире были с изображением губернского герба под императорской короной и словами: «Нижегородская губерния».

Министр финансов граф Канкрин был доволен служебными действиями высокопоставленного чиновника и должным образом регулярно отмечал их. 17 июня 1834 года в предписании Нижегородской казенной палате он изъявил Прутченко свое «в особенности удовольствие за своевременную и выгоднейшую перевозку из Нижнего в Костромскую губернию 25 т[ысяч] ведер вина в 4-пузырьковом спирте».

15 декабря того же года в предписании на имя Прутченко Канкрин изъявил ему «за убеждение 4 от-

Император Николай I

купщиков на принятие на себя перевозки 100 т[ысяч] ведер казенного вина с завода Юдина вместо выкуриваемого двойного спирта в полугаре» свою совершенную благодарность «за таковое его благоразумное распоряжение, доказывающее заботливость о сохранении казенного интереса».

Подобные благодарности Борис Ефимович получал регулярно. 14 сентября 1835 года министр финансов изъявил ему благодарность «за производство перевозки вина и спирта в Саратовскую, Костромскую, Ярославскую и Тверскую губернии всего 218 т[ысяч] ведер».

Не прошла мимо внимания столичного начальства и деятельность вице-губернатора по осуществлению соляной операции: «Вследствие распоряжения г. министра финансов, изъявленного в предписании Департамента горных и соляных дел Нижегородской казенной палате от 11 февраля 1835 года № 180, выдано ему, г. Прутченко, в награждение 2000 рублей».

В предписании № 21821 по Департаменту Государственного казначейства, данном Нижегородской казенной палате 27 февраля 1835 года, граф Канкрин изъявил нижегородскому вице-губернатору свою

* *Сегодня на месте этого дома находится здание Нижегородского областного суда.*

«признательность за исправность в составлении и доставлении в оный Департамент по новой форме ведомости о приходе и расходе государственных доходов по июль месяц 1835 года».

30 июля 1837 года «в воздаяние отличных трудов и усердия к службе г. министром финансов засвидетельствованных и Комитетом гг. министров одобренных», Прутченко был Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Святого Владимира 3-й степени. Золотой крест этой степени ордена носился на шейной ленте...

10 декабря 1837 года Николай I Высочайше изволил утвердить «Инструкцию уездным казначеям». Теперь они принимали доходы и производили выдачу денег только до полудня.

Как и прежде, казенные палаты в губерниях Российской империи продолжали управляться коллегиально. Вице-губернатор не был единоличным руководителем этой структуры: он лишь председательствовал в ней как второе лицо общегубернской системы управления.

В изданной до революции капитальной двухтомной «Истории Министерства финансов. 1802—1902» говорится: «Губернатору трудно справиться со всеми своими обязанностями, не только по казенной палате, но и по губернскому правлению; ему нужен настоящий помощник в вице-губернаторе, а между тем вице-губернатор занят своим делом в казенной палате. Исход ясен: вице-губернатор переводится в губернское правление, а в казенную палату назначается особый председатель...».

3 июня 1837 года Николай I дал Правительствующему сенату Высочайший Указ, содержавший «Общий наказ гражданским губернаторам». Казенные палаты превращались в местные органы Министерства финансов. Вице-губернатор отношения к непосредственному («ближайшему») руководству ими отношения уже не имел.

С 1 января 1838 года действительный статский советник Прутченко *из вице-губернатора* «переименовывался» *в председателя* Нижегородской казенной палаты.

Так Борис Ефимович оказался последним нижегородским вице-губернатором среди тех тринадцати высокопоставленных чиновников, которые возглавляли Казенную палату со времени ее учреждения.

В истории ведомства Нижегородской казенной палаты с 1 января 1838 года начался *председательский* период.

Должность вице-губернатора, который теперь руководил губернским правлением, сохранялась. Председатель же Казенной палаты по делам службы ни вице-губернатору, ни самому губернатору не подчинялся.

Формально из второго должностного лица в иерархии общегубернского управления председатель Нижегородской казенной палаты действительный

Вице-губернаторы, руководившие Нижегородской казенной палатой (1779—1837 годы)

Ф.И.О.	Классный чин	Даты пребывания в должности вице-губернатора
Василий Устинович Запольский	Статский советник	1779—1782
Петр Васильевич Елагин	»	1782—1793
Василий Иванович Долгоруков	Полковник	1793—1796
Иван Михайлович Ухтомский	Действительный статский советник	1797—1800
Михаил Антонович Шишков	»	1800—1808
Алексей Яковлевич Плюсков	Статский советник	1808—1809
Александр Семенович Крюков	»	1809—1818
Павел Иванович Моллер	Действительный статский советник	1819—1822
Федор Михеевич Стремоухов	Коллежский советник	1822—1823
Сергей Васильевич Толстой	Статский советник	1823—1825
Федор Лукич Переверзев	»	1825—1830
Гавриил Корнеевич Селастенник	»	1830—1831
Борис Ефимович Прутченко	Действительный статский советник	1831—1837

статский советник Прутченко превратился лишь в третье: он вступал в управление губернией при отсутствии губернатора и вице-губернатора. Со вторым из них председатель Нижегородской казенной палаты на равных правах заседал в целом ряде губернских учреждений: комитете земских повинностей, комиссии народного продовольствия, губернской дорожно-строительной комиссии, при освидетельствовании умалишенных, в оспенном, статистическом и некоторых временных губернских комитетах. В рекрутском губернском присутствии он по закону председательствовал. Гражданский губернатор (в его отсутствии – вице-губернатор) по долгу службы имел наблюдение за действием и состоянием всех управлений на территории губернии по казенным делам.

При выявлении беспорядков, медлительности либо допущенных злоупотреблений в Казенной палате гражданский губернатор доводил соответствующую информацию до сведения министра финансов. Однако сам он налагать на Казенную палату или ее чинов каких-либо взысканий не мог. Отныне сие учреждение, ставшее местным органом Министерства финансов, ему не подчинялось.

Жалуемые монархом награды и прочие милости продолжали сыпаться на Бориса Ефимовича и в должности председателя Нижегородской казенной палаты. 22 августа 1838 года последовало Всемилостивейшее пожалование его знаком отличия за 30 лет беспорочной службы. Вскоре Николай I утвердил журнал Комитета министров, которым действительному статскому советнику Прутченко предполагалось выдать в награду 3600 рублей.

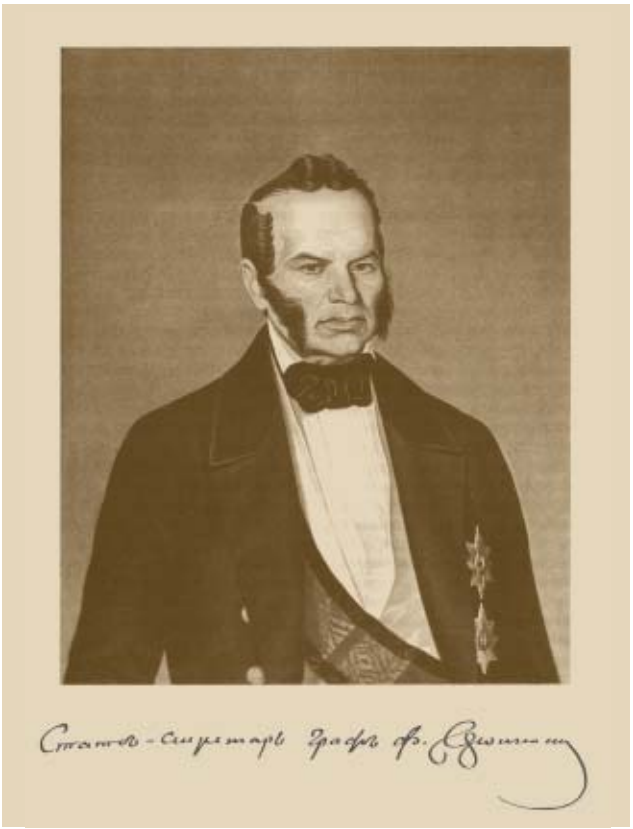
В июне 1839 года была учреждена Нижегородская палата государственных имуществ во главе с коллежским советником Кудрявцевым. Из Нижегородской казенной палаты к новой структуре перешли ее хозяйственное и лесное отделения.

Каких-либо других крупных изменений в функциях казенных палат николаевский «Общий наказ гражданским губернаторам» за собою не повлек. Действительный статский советник и кавалер Прутченко умело руководил подчиненными, продолжая регулярно получать благодарности из столицы. «За своевременное окончание 5-го частного очередного набора» в июне 1845 Борису Ефимовичу было объявлено о Высочайшем совершенном благоволении к нему.

Для председателя Нижегородской казненной палаты наступил «звездный час»: «по удостоению Комитета гг. министров во внимание к отлично-усердной службе» 10 сентября 1839 года Прутченко жалуется кавалером ордена Святого Станислава I степени. «Награждая, поощряешь» – таким был девиз этого ордена, низшего в иерархии российских орденов.

На левой стороне груди мундира действительного статского советника Прутченко наконец-то воссияла первая звезда. На красной с двойной белой каймой орденской ленте, носимой через правое плечо кавалера ордена, у бедра крепился большой золотой крест.

Своих отличившихся рвением на казенной службе российской монарх жаловал не только чинами, орденами и деньгами. По всеподданнейшему представлению Канкрина «за особое усердие его, г. Прутченко, оказанное при исполнении возложенного на него поручения по экстренному заготовлению вина для Нижегородской губернии на 1841 год», Борис Ефимович был Всемилосивейше пожалован 2000 десятинами земли...

Министр финансов (1844–1852) граф Федор Павлович Вронченко

Отличился и губернский казначей Нижегородской казенной палаты выпускник Казанского университета коллежский советник С.Н. Гроздовский: летом 1843 года «за отлично-усердную службу» император объявил Сергею Николаевичу свое благоволение.

7 апреля 1846 года «за ревностную и деятельную службу, постоянно 22 года, в настоящей должности продолжаемую», председатель Нижегородской казенной палаты действительный статский советник Прутченко «жалуется» Николаем I кавалером ордена Святой Анны I степени. На мундире Бориса Ефимовича засияла аннинская звезда. Теперь уже через левое плечо кавалеру полагалось носить красную с желтой каймой широкую орденскую ленту, скрепленную на противоположном бедре большим золотым крестом.

Согласно Высочайшему повелению, пять месяцев 1846 года председателю Нижегородской казенной палаты «сверх настоящей должности» было поручено исправление одновременно и должности управляющего Нижегородским соляным правлением.

Соляными делами Прутченко управлял не менее успешно. 25 мая 1846 года новый министр финансов Ф.П. Вронченко изъявил ему совершенную благодарность «за сокращение расхода и за полезные действия его по управлению Нижегородским соляным правлением».

Еще одним предписанием Вронченко объявил совершенную благодарность Борису Ефимовичу «за неутомимые труды и примерное усердие к сохранению

казенного интереса». Ее Прутченко удостоился за «управление Соляным правлением сверх настоящей его должности с постоянною целию соблюдения пользы казны и в особенности при повреждении весною сего года запасных магазинов, заботливость его и приятием деятельных мер спасено значительное множество соли, в них хранившейся, и приготовлено помещение для прибывшей с пермских владельческих промыслов соли».

Генеральный кассовый отчет о государственных доходах и расходах за 1845 год по Нижегородской губернии был успешно составлен и подан в Департамент Государственного казначейства «прежде определенного для того срока».

Предписанием министра финансов от 6 ноября 1846 года «за попечение и заботливость» в представлении столь важного документа «с надлежащею исправностию и согласно с новыми формами и правилами» председателю Нижегородской казенной палаты Прутченко была объявлена очередная благодарность.

Подобные и столь же успешные составление и досрочное представление аналогичного отчета за следующий год получили уже Высочайшее благоволение. «За успешный ход дел по контрольному отделению Казенной палаты» 12 августа 1847 года Вронченко изъявил ее председателю свою искреннюю признательность. Вскоре последовало и Высочайшее награждение знаком отличия за 40 лет беспорочной службы.

Не остались без «искренней благодарности» главы российского финансового ведомства и труды нижегородца в деле успешного доставления генерального кассового отчета о государственных доходах и расходах по губернии за 1487 год «ранее определенного срока более полугода». Осенью 1848 года «за отлично-усердную службу» председатель Нижегородской казенной палаты удостоился очередного монаршего благоволения.

За четверть века (1823—1848) государственные доходы Российской империи со 119 млн увеличились до 193 млн рублей. Это вызвало значительную дополнительную нагрузку на чинов казенных палат и казначейств, работать которым становилось все труднее. Да и цены на все необходимые для жизни припасы заметно возросли.

В состоявших по ведомству Министерства внутренних дел губернских палатах государственных имуществ служащим полагались «возвышенные оклады». В казенных же палатах денежное содержание чиновников, замещавших равные по классу должности, оказалось более низким.

В 1843 году начался пересмотр штатов казенных палат. Было издано «росписание» с новыми, увеличенными размерами денежного содержания их председателей, членов и секретарей. Через пять лет такое же «росписание» появилось и для всех остальных чинов казенных палат империи.

Денежное содержание по должности палатского секретаря увеличилось на 50—60 процентов, советника — на 43 процента, бухгалтеров и контролеров — почти на 20 процентов.

Был усилен личный состав казенных палат — появился целый ряд новых штатных должностей. В том числе — чиновники особых поручений (вместо асессоров).

Соответственно «обширности делопроизводства» различные отделения казенных палат относились теперь к одному из пяти разрядов с «нормальной» численностью их чинов. В 1855 году были изданы дополнительные штаты для чинов казенных палат, занятых земскими сборами.

Под многолетним руководством действительного статского советника Прутченко все ведомство Нижегородской казенной палаты превратилось в четко функционирующую отлаженную бюрократическую машину. Ее с гордостью можно было продемонстрировать и самым высокопоставленным визитерам.

В первом часу пополудни 11 августа 1850 года Нижегородская казенная палата удостоилась посещения великими князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем. Прибывших в возглавляемое действительным статским советником Прутченко ведомство их императорских высочеств у входа встретил сам председатель. Каждому из великих князей Борис Ефимович представил рапорт о благополучном состоянии Палаты и вверенного ей казенного имущества, кратко объяснив «главные занятия и действия» сего учреждения.

В передней комнате общего присутствия Казенной палаты гостей с благоговением встретили стоявшие двумя рядами присяжные и вахтеры. В обширной палатской зале — чиновники и члены общего палатского присутствия. Председатель «объяснил великим князьям должности подчиненных и чем каждый из них занимается.

Члены августейшей фамилии изволили расспросить Бориса Ефимовича о доходах казны, собираемых на территории губернии, направлениях их расходования, о занятиях в Казенной палате и производстве в ней дел.

Затем великие князья посетили помещение рекрутского присутствия. Прутченко объяснил визитерам процедуру освидетельствования и приема новобранцев.

По просьбе Бориса Ефимовича гости удостоили осмотром Нижегородское уездное казначейство. Уездный казначей коллежский асессор А.А. Смирнов представил рапорт об общем состоянии и наличии ценностей казны всех видов. В казначейской кладовой их императорские высочества особенно внимательно изволили осмотреть помещение для медной монеты. Они расспрашивали, когда и каким порядком удостоверяются ведомости, как велики бывают приход и расход денег.

Прутченко вкратце лично разъяснил установленный на сей счет порядок, приказав затем уездному казначею открыть сундуки с кредитными билетами, золотой и серебряной монетой.

В тот день наличности имелось немного — всего 440 тысяч рублей. Обычно же сумма была гораздо внушительней. Прутченко сказал, что на прошлой неделе в распоряжение военного министра уездной казначей выдал более полумиллиона рублей.

При осмотре казенной денежной наличности великие князья изволили обратить внимание на большое количество ящиков и сундуков от различных лиц и мест, расставленных по полкам кладовой «в симметричном порядке». Здесь же находились приборы для

поверки весов, аршин и прочие эталоны для проведения измерений.

По окончании осмотра великие князья изъявили удовольствие от своими глазами увиденного в ведомстве Нижегородской казенной палаты.

О состоявшемся посещении высочайшими особами вверенного ему учреждения Прутченко тут же донес в Санкт-Петербург министру финансов.

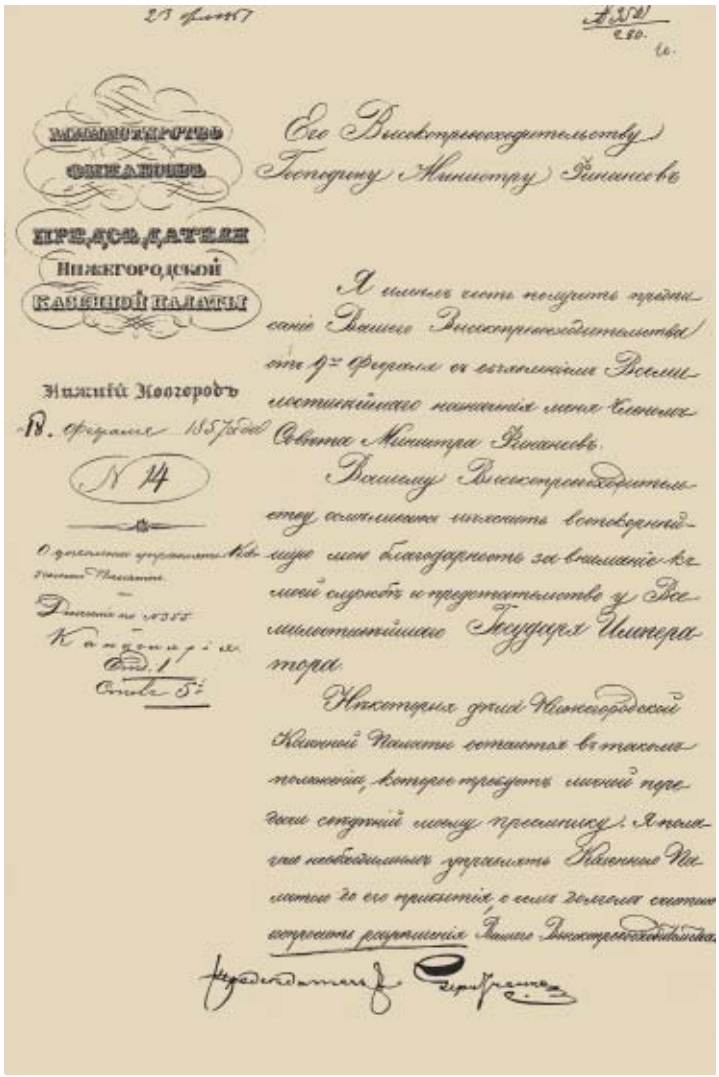
На следующий день в Палате был отслужен благодарственный Господу Богу молебен о здравии и благоденствии Государя Императора и всей августейшей фамилии. «В память от великого и счастливого дня Казенной палаты» ее чины приняли решение: соорудить образа во имя тезоименитых Святого блаженного Николая и архистратига Михаила, а 11 августа ежегодно отправлять в Палате благодарственное молебствие.

Обе иконы действительно были сооружены. С тех пор 11 августа на протяжении многих лет ведомством Нижегородской казенной палаты традиционно отмечалось как день важного события в ее истории...

Месяц спустя в Нижегородскую казенную палату из столицы прибыл чиновник особых поручений при

Уездные казначеи Нижегородской губернии (начало 1855 года)

Уездное казначейство	Казначей	Классный чин	Возраст (лет)	Происхождение	Образовательный ценз	Дата определения к должности (ее исправлению)
Ардатовское	Петр Иванович Яновский	Коллежский асессор	64	Из дворян	Змиевское уездное училище в Харьковской губернии	4 октября 1828 года
Арзамасское	Алексей Степанович Сиротин	»	65	Из обер-офицерских детей	Балахнинское народное училище	28 августа 1836 года
Балахнинское	Павел Васильевич Казанцев	Титулярный советник	41	Из приказно-служительских детей	Макарьевское уездное училище (курса наук не закончил)	12 марта 1851 года
Васильское	Иван Семенович Семенчинов	Коллежский асессор	51	Из обер-офицерских детей	Нижегородское уездное училище	5 июля 1854 года
Горбатовское	Иннокентий Григорьевич Вознесенский	»	50	Из дворян	Горбатовское уездное училище	11 сентября 1845 года
Княгининское	Максим Иванович Плуталов	»	48	»	Уездное училище	5 июля 1854 года
Лукояновское	Дмитрий Иванович Иванов	»	62	Из солдатских детей	Тамбовское военно-сиротское отделение	16 июля 1840 года
Макарьевское	Александр Иванович Гневашев	»	49	Сын священника	Нижегородская духовная семинария	1 апреля 1847 года
Нижегородское	Алексей Андреевич Смирнов	Надворный советник	62	Сын причетника	Нижегородская духовная семинария (курса наук не закончил)	1 мая 1848 года
Семеновское	Матвей Иванович Троицкий	Коллежский асессор	61	Сын дьячка	Нижегородская духовная семинария	9 апреля 1852 года
Сергачское	Степан Яковлевич Кузнецов	»	63	Из дворян	Нижегородское военно-сиротское отделение	7 июля 1828 года

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Финансов

Я имею честь получить предписание Вашего Высокопревосходительства от 9-го Февраля за отношением Всемилостивейшее назначения меня Членом Совета Министра Финансов.

Вашему Высокопревосходительству сим имею честь выразить искреннюю мою благодарность за оказанное ко мне Высочайшее Государя Императора.

Нижегородский Казенной Палаты

Нижний Новгород

№ 14

№ 5 Архива Департамента

М. Ф.

КАНЦЕЛЯРІЯ

ОТДѢЛЕНІЕ СТОЛА

№ 15

ДѢЛО

О назначеніи Д.С.С. Прутченко Членомъ Совѣта М. Ф. и Предсѣдателемъ Казенныхъ Палатъ Нижегородской и Самарской

Начато 8 Февраля 1857 г.

Кончено

На 91 полѣ листахъ

Документы из фондов Российского государственного исторического архива

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

и прочая, и прочая, и прочая.

№ 1862

Отъ С. Петербурга въ разныя губерніи и области, Члену Совѣта Министра финансовъ, завѣдывающему Управленіемъ земскими повинностями, Тайному Совѣтнику Прутченко, съ 6-ю душами, давать по шести лошадей съ проводникомъ, за указное прогоны, безъ задержанія. Дана въ С. Петербургѣ Іюня 29 дня 1862 года.

С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ, Князь Васильчиковъ, Графъ

Подорожная члену совета министра финансов Б.Е. Прутченко

министре финансов действительный статский советник Долгий. Он произвел ревизию соляных операций Палаты. Посланец графа Вронченко съездил в Балахну, где освидетельствовал соляные варницы и амбары с солью, осмотрел соляные колодцы, обревизовал книги пристава балахнинских соляных заводов. Каких-либо нарушений в ведомстве действительного статского советника Прутченко ревизия минфиновского чиновника особых поручений не выявила.

Ревизии уездных казначейств ведомства Нижегородской казенной палаты, регулярно производившиеся чиновниками особых поручений Министерства финансов Российской империи, констатировали полный в них ажур и отличную постановку дела бережения казенного интереса. В этом была личная заслуга самого председателя Казенной палаты, державшего всех подчиненных в кулаке, часто наезжавшего в уездные города для освидетельствования местных казначейств.

Как вспоминает зять Бориса Ефимовича генерал-лейтенант барон А.И. Дельвиг, встречавшие действительного статского советника уездные казначеи и соляные приставы подобострастно тянулись поцеловать руку своего властного руководителя. Такой уж был менталитет дореформенного российского уездного чиновничества...

Летом 1854 года было упразднено самостоятельное Нижегородское соляное правление. Его функции отошли к соляному отделению Нижегородской казенной палаты. Здание бывшего Соляного правления на Варварской улице, 5 под служебные квартиры заняли палатские чиновники. У одного из них, советника ревизского отделения коллежского асессора К.А. Шрейдерса в начале 1858 года жил возвращавшийся из ссылки поэт и художник Т.Г. Шевченко. Тогда Тарас Григорьевич и написал портрет Константина Антоновича.

Прутченко к тому времени в Нижегородской казенной палате уже не председательствовал. Высочайшим приказом по Министерству финансов от 8 апреля 1857 года Александр II повелел Борису Ефимовичу быть членом совета министра финансов Российской империи. На правах директора Прутченко заведовал находившимся в составе Департамента Государственного казначейства отделением по земским сборам.

За свою более чем 60-летнюю карьеру Б.Е. Прутченко довелось послужить при шести министрах финансов: Д.А. Гурьеве, Е.Ф. Канкрине, Ф.П. Вронченко, П.Ф. Броке, А.М. Княжевиче и М.Х. Рейтерне.

С последним из них отношения у бывшего нижегородца явно не сложились. Да и возраст ставшего к тому времени уже тайным советником Бориса Ефимовича давал о себе знать. Пришлось члену совета министра финансов подать на Высочайшее имя прошение об отставке «по болезни». Рейтерн дал бумаге ход – 31 августа 1862 года в Царском Селе Александр II соизволил подписать по Министерству финансов приказ № 24...

Отставной тайный советник Прутченко возвратился в Нижегородскую губернию. Здесь его очень хорошо помнили. 30 июня 1863 года председатель Нижегородского городского депутатского собрания

Император Александр II

Валерьян Аристов письменно обратился к бывшему председателю Казенной палаты:

«Почти уже шесть лет протекло с того времени, когда по воле Правительства, получив иное, высшее назначение, Ваше Превосходительство, с мирных берегов Волги переехали на житье в Петербург.

Но и в отсутствии Вашем, почтенное имя Бориса Ефимовича Прутченко всегда произносится с большим уважением в Нижегородском обществе, которое с признательностью вспоминает Ваше, для всех полезное и добрыми целями преисполненное, двадцатилетнее служение Председателем Нижегородской Казенной Палаты, равно как и многократное Ваше управление всею Нижегородской губернией.

Живя в среде нашей, Вы были вполне нашим гражданином; владели здесь недвижимыми собственностями, жили нашей жизнью; принимали живое участие во всем, что касалось до Нижегородцев; наши радости и печали были также и Вашими. Все это служит

порукою, что Ваше Превосходительство никогда не позабудете Нижнего Новгорода точно так, как и Нижний Новгород никогда Вас не позабудет.

В доказательство сего представители городского Общества, считая Вас своим почетным старожилом, признали справедливым и должным украсить страницы своей обывательской книги Вашим достойным именем на память будущим поколениям.

Уполномоченный ими я вменяю себе в особенную честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству почетный обывательский лист на звание Нижегородского гражданина, которым Вы, и в столице живя, не переставали быть ни на минуту, по всегдашнему доброжелательному сочувствию Вашему к судьбам нашего города.

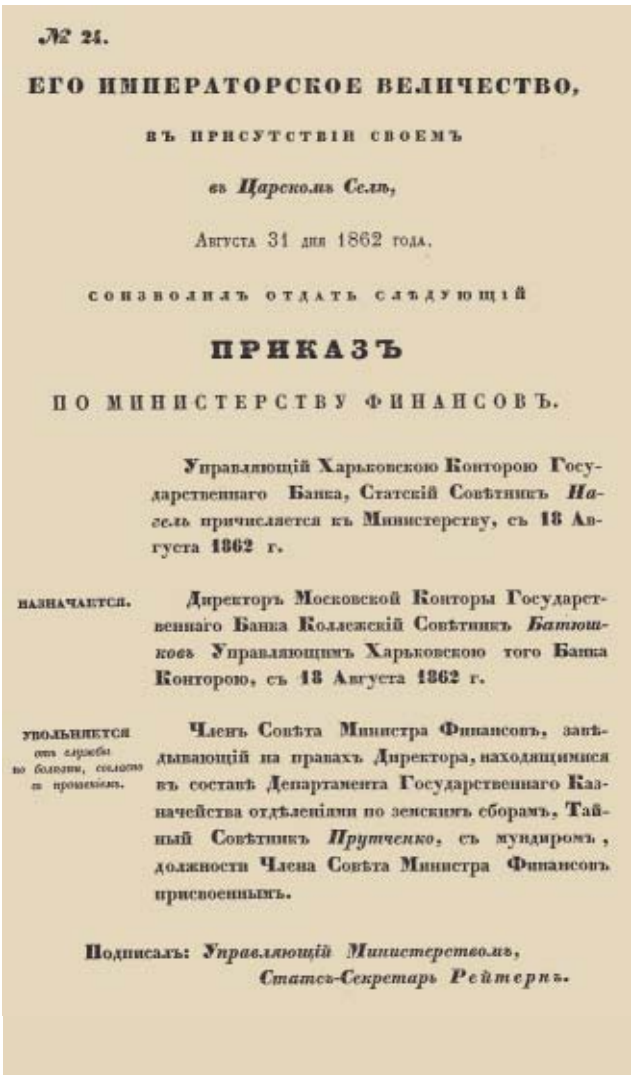
Примите, Ваше Превосходительство, этот знак доброй об Вас памяти Нижегородцев и того всеобщего к особе Вашей уважения, какое Вы навсегда приобрели во всех слоях здешнего общества Вашими несомненными достоинствами и заслугами.

Считаю себя счастливым, что нахожу случай выразить Вам и мое глубочайшее высокопочитание».

Так Борис Ефимович стал одиннадцатым по счету почетным гражданином нашего города. Решение об этом Нижегородское депутатское собрание приняло 16 июня 1863 года.

Сегодня имя сурового руководителя нижегородских финансистов уже основательно подзабыто. И очень мало кто знает, что здание администрации Нижегородского района Нижнего Новгорода в свое время построено как усадьба Бориса Ефимовича.

После смерти Прутченко наследники продали здание Нижегородскому отделению Государственного банка Российской империи. В нем это казенное кредитно-финансовое учреждение и размещалось до переезда (май 1913 года) во вновь выстроенное роскошное здание на углу Большой Покровской улицы и Грузинского переулка...

№ 24.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

въ *Царскомъ Селѣ*,

Августа 31 дня 1862 года,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ СЛѢДУЮЩІЙ

ПРИКАЗЪ

ПО МИНИСТЕРСТВУ ФИНАНСОВЪ.

Управляющій Харьковскою Конторою Государственнаго Банка, Статскій Совѣтникъ *Нагель* причисляется къ Министерству, съ 18 Августа 1862 г.

НАЗНАЧАЕТСЯ. Директоръ Московской Конторы Государственнаго Банка Коллежскій Совѣтникъ *Батюшковъ* Управляющимъ Харьковскою того Банка Конторою, съ 18 Августа 1862 г.

УВОЛЬНЯЕТСЯ отъ службы по болѣзни, согласно его прошенію. Членъ Совѣта Министра Финансовъ, завѣдывающій на правахъ Директора, находящимися въ составѣ Департамента Государственнаго Казначейства отдѣленіями по земскимъ сборамъ, Тайный Совѣтникъ *Прутченко*, съ мундиромъ, должности Члена Совѣта Министра Финансовъ присвоеннымъ.

Подписалъ: *Управляющій Министерствомъ, Статсъ-Секретарь Рейтернъ.*

Высочайшим приказом № 24 по Министерству финансов от 31 августа 1862 года завершилась карьера тайного советника Б.Е. Прутченко...

В кремле ведомству становится тесно…

Начат. 27 іюня 191[illegible] г.
Кончен. 3 [illegible] 191[illegible] г.

№ 65
Дѣло № 3560

ДѢЛО

[illegible]ментъ помѣщенія
[illegible]значенное Казен
[illegible]одской губерніи

ИНСТРУКЦІЯ

КАЗЕННЫМЪ ПАЛАТАМЪ

по управленію кассами Министерства Финансов
счетоводству и отчетности.

Утверждена Г. Министромъ Финансовъ, по соглашенію
съ Г. Государственнымъ Контролеромъ,
21 Іюня 1878 г.

ОТЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ
Казенной Палаты

Казенная Палата симъ извѣщаетъ гг. торгующихъ на Ярмаркѣ, что ярмарочная приходная касса Нижегородскаго Губернскаго Казначейства открывается 16 сего іюля и будетъ производить выдачу торговыхъ документовъ во всѣ присутственные дни и часы до окончанія Ярмарки.

ГОСУДАРСТВЕННАГО КАЗНАЧЕЙСТВА

1 Столу 2 Отдѣленія.

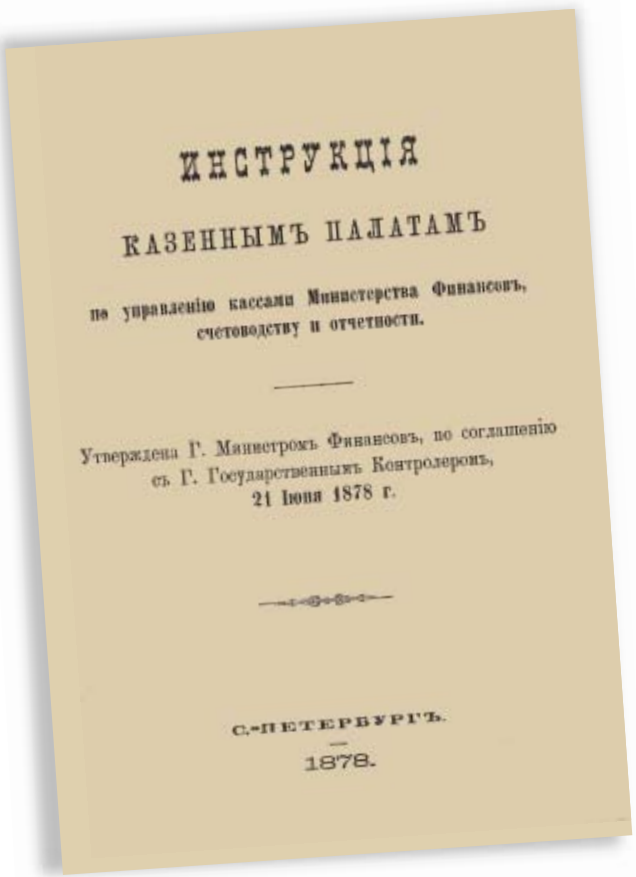
После 1812 года все важнейшие губернские присутственные места по-прежнему размещались в бывшем дворце нижегородского вице-губернатора.

Посетивший в 1836 году наш город Николай I устно повелел передать весь корпус присутственных мест военному ведомству для нужд учебного карабинерского полка. Под присутственные места же Высочайше предписывалось выстроить корпус на Верхне-Волжской набережной рядом с Георгиевской церковью. Процесс исполнения монаршей воли затянулся.

18 января 1845 года император утвердил «нормальные чертежи» для зданий присутственных мест всей Российской империи. По ним такое здание предстояло построить и в Нижнем Новгороде.

Вице-губернаторский дворец стал капитально ремонтироваться. Гражданская палата, совестный и земский суды на время ремонта были переведены в верхнепосадский корпус общественных торговых лавок на углу Благовещенской площади и Большой Покровской улицы.

Казенная палата с губернским и уездным казначействами остались в старом здании, несколько расширив свои площади за счет выехавших учреждений.

ИНСТРУКЦІЯ

КАЗЕННЫМЪ ПАЛАТАМЪ

по управленію кассами Министерства Финансовъ, счетоводству и отчетности.

Утверждена Г. Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Г. Государственнымъ Контролеромъ, 21 Іюня 1878 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1878.

Эту инструкцию утвердил министр финансов М.Х. Рейтерн

Нижегородский кремль. Здание присутственных мест (на заднем плане). С 1882 года здесь располагался Аракчеевский кадетский корпус.
Фото М.П. Дмитриева

Прибывший с очередной проверкой в Нижний Новгород чиновник для особых поручений министра финансов действительный статский советник Долгий после осмотра Казенной палаты 14 мая 1851 года донес Департаменту Государственного казначейства: «Нынешнее помещение сей Палаты тесно и неудобно...».

Позже Нижегородская казенная палата временно находилась в каменном трехэтажном доме И.А. Княгининского на улице Алексеевской, 3.

Земельный участок возле Георгиевской церкви казна своевременно купила, но в силу ряда причин строительство на нем корпуса губернских присутственных мест так и не началось. Все учреждения вернулись в бывший вице-губернаторский дворец. Здесь Нижегородской казенной палате предстояло находиться еще полвека...

К концу XIX века все здание губернских присутственных мест в Нижегородском кремле сильно обветшало. Пришлось в очередной за его долгую историю раз приступить к капитальному ремонту, начатому с помещения губернского правления.

После отставки ушедшего за болезнями на покой А.И. Лебедева управляющим Нижегородской казенной палатой Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 20 марта 1898 года был назначен перемещенный из Костромы 47-летний действительный статский советник Н.Н. Нечаев. Сразу же по приезде к новому месту службы Николай Николаевич энергично начал принимать меры к обустройству занимаемых ведомством помещений.

В присутствии исправлявшего должность губернского казначея В.Н. Лебединского управляющий Казенной палатой, губернский инженер К.Г. Иванов и губернский архитектор М.И. Кунцевич 11 июля 1898 года осмотрели помещения Нижегородского губернского казначейства. Оно по-прежнему находилось в правом крыле корпуса присутственных мест. По результатам

Н.Н. Нечаев (в центре) с чиновниками Нижегородской казенной палаты. Фото М.П. Дмитриева

осмотра члены комиссии составили акт. Из него нам становится известным внутреннее устройство помещения Нижегородского губернского казначейства:

«1, что помещение это состоит из передней, двух комнат и кладовой (№ 2) во втором этаже и из денежной кладовой и комнаты для продажи гербовой бумаги в первом этаже. 2, из двух верхних комнат, первая большая разделена 3-я арками; арки эти в замках дали трещины, кроме того в средней арке имеется большая трещина, идущая от замка, затем по стене вниз и доходит до лицевой стены. 3, лестница (бетонная), ведущая со второго этажа в денежную кладовую, перекосилась и дала трещину, стены же, окружающие лестничную клетку, составляя пристройку к главному корпусу, неправильно оседают, благодаря чему в трех местах сверху донизу дали сквозные широкие трещины. Все эти трещины, по свидетельству служащих, постепенно увеличиваются и относятся сравнительно к недавнему происхождению. 4, оконные рамы, переплеты и подоконники в большинстве ветхи и требуют замены новыми. 5, пол провис и паркет настолько плох, что требует перестилки. 6, голландские печи очень стары, обороты в них перегорели, вследствие чего при топке они не нагревают комнат. 7, крыша во многих местах протекает. 8, служащие в казначействе (32 человека), занимая большую часть помещения (часть первой большой комнаты и всю вторую), размещены так тесно, что некоторым из них приходится работать в плохо освещенных углах, и в то же время проходы между столами недостаточно широки, благодаря чему проходящие мешают работать чиновникам, сидящим по пути этих проходов, и 9, свободное пространство, оставленное для публики, которая в дни выдачи пенсионов собирается в комнате до 500 человек, так мало, что публика сплошь занимает собою сверху донизу даже общую для всего губернского правления и Казенной палаты парадную лестницу. При всем этом в помещении не имеется никакой вентиляции.

Виду всего вышеизложенного помещение Нижегородского губернского казначейства требует не только капитального ремонта, но и крайне нуждается в переустройстве».

Через месяц Иванов представил Нечаеву свои соображения насчет целесообразности и стоимости работ по ремонту помещений:

«...Трещины, вроде тех, на которые было обращено наше внимание при осмотре казначейства, с некоторых пор стали появляться в разных частях всего казенного корпуса, что, конечно, вызвало тщательное исследование этого вопроса, которое и привело к заключению, что фундаменты под зданием выложены были из очень плохого местного камня, этот камень от сырости стал постепенно разрыхляться и разрушаться, так что в настоящее время стены здания, раздавливая слабый фундамент, в некоторых случаях садятся, вызывая этим серьезные трещины.

При таких условиях, ремонтируя казначейство, нельзя игнорировать вопроса о проведении нового фундамента, как это постепенно делается под помещением губернского правления. Если принять в расчет и эту работу, то ремонт казначейства, согласно акту, должен приблизительно стоить 5 тысяч рублей.

Но необходимо заметить, что при расходе в 5 тысяч рублей помещение казначейства, оставаясь в прежнем своем объеме, все же не будет отвечать доже элементарным требованиям казенного учреждения, а потому, очень может быть, было бы более целесообразным вместе с указанным ремонтом переустроить и

все помещение, расширив его пристройкой... что в общем обойдется приблизительно тысяч 11; или же, наконец, может быть Вам угодно будет ходатайствовать о постройке нового здания для казначейства и вместе для Казенной палаты, тогда, на всякий случай, сообщаю Вам стоимость такой постройки.

Если здание будет каменное, двухэтажное, причем под казначейство потребуется площадь вдвое большая, чем оно занимает теперь, и равная же площадь для Казенной палаты, то вся постройка обойдется тысяч 50».

Весной следующего года начались работы по ремонту и расширению помещений Нижегородского губернского казначейства. Проводились они под наблюдением и ответственностью губернского архитектора Кунцевича «хозяйственным способом».

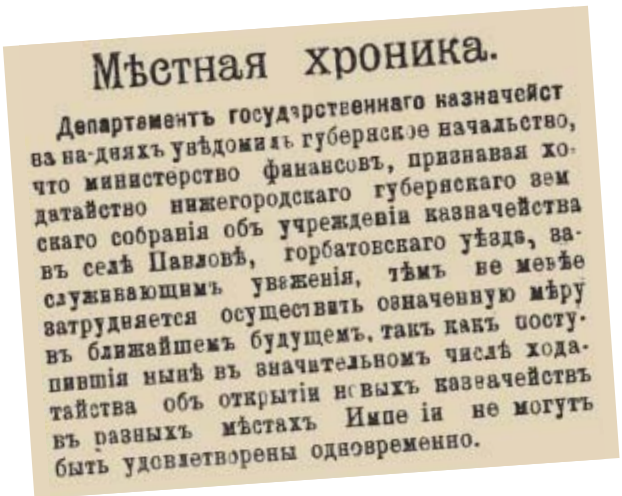
Функционирование казенного учреждения не приостанавливалось ни на один день. Правда, на время ремонта часть чиновников перешла в соседние комнаты губернского правления.

Ко всем прежним неудобствам добавились и новые. 23 мая 1900 года губернский казначей С.В. Коридалин донес управляющему Казенной палатой Н.Н. Нечаеву:

«22 сего мая около 8 часов вечера, в присутствии чинов казначейства, явившихся на вечерние занятия, в казначействе, во время производства ремонтных работ, был проломлен потолок, причем едва не убило обвалившейся штукатуркой и железным болтом, упавшим на конторку, занимавшегося за ней бухгалтера казначейства.

Донося о сем, казначейство имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об освидетельствовании степени прочности потолка в занимаемом ныне временном помещении казначейства, во избежание повторения подобных вышеизложенному случаев, могущих повлечь за собою увечье и даже смерть кого-либо из чинов казначейства или посторонней публики»...

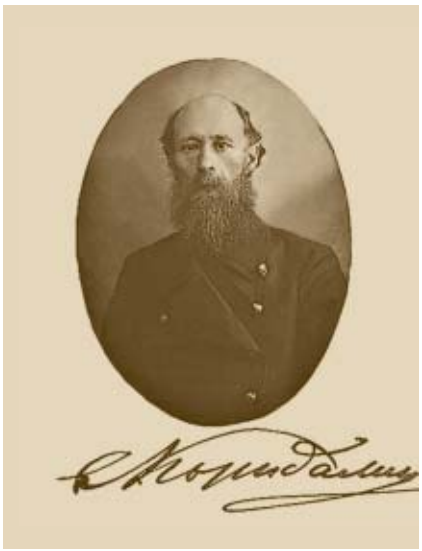
Исторически казенные палаты и губернские (до 1866 года – также и уездные в губернском городе) казначейства размещались рядом непременно в одном здании. Это имело свои резоны административно-

Мѣстная хроника.

Департаментъ государственнаго казначейст
на-дняхъ увѣдомилъ губернское начальство,
что министерство финансовъ, признавая хо-
датайство нижегородскаго губернскаго зем
скаго собранія объ учрежденіи казначейства
въ селѣ Павловѣ, горбатовскаго уѣзда, за-
служивающимъ уваженія, тѣмъ не менѣе
затрудняется осуществить означенную мѣру
въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ посту-
пившія нынѣ въ значительномъ числѣ хода-
тайства объ открытіи новыхъ казначействъ
въ разныхъ мѣстахъ Имперіи не могутъ
быть удовлетворены одновременно.

Объявление в газете «Нижегородские губернские ведомости». 1901 год

Сергей Васильевич Коридалин

распорядительного характера. Однако теперь Нижегородской казенной палате и ее губернскому казначейству корпус присутственных мест, в котором располагался также целый ряд других властных структур, оказался тесен. Произведенный ремонт и строительство пристроя во дворе главной проблемы не решили.

Увеличение функций и объемов работ обоих учреждений сопровождалось расширением их штатов. Да и публики, дела до Казенной палаты и губернского казначейства имевшей, с каждым годом становилось все больше: кассиров бюджетополучателей, просителей, пенсионеров, выбиравших промысловые свидетельства купцов и мелких торговцев.

С конца XIX века Министерство финансов Российской империи по своему Департаменту Государственного казначейства стало проявлять повышенную заботу о помещениях для казенных палат и казначейств. Ото всех управляющих казенными палатами были затребованы планы этих учреждений. Министерство интересовал в том числе вопрос: укреплены ли полы денежных кладовых рельсами, «и если нет, то достаточно ли обеспечены они от подкопа».

Все уездные казначеи Нижегородской губернии оперативно доставили Нечаеву планы зданий, в которых находились возглавляемые ими казенные учреждения.

Так появился план строительства на территории кремля нового здания для Казенной палаты и губернского казначейства. Ему отводился участок на территории бывшего воинского плаца «между Мининским сквером, Ивановским спуском, зданием присутственных мест и церковью Успения».

Реализовать этот план не удалось из-за его высокой стоимости для казны (примерно 70 тысяч рублей). Да и юридические проблемы возникли неразрешимые. Так и не удалось выяснить: государству либо губернскому центру принадлежит земля, огороженная кремлевскими стенами.

Минфин всегда очень скупо и неохотно выделял средства на *строительство новых зданий* для своих учреждений. При схватившей же за горло необходимости чаще всего покупалось готовое здание, которое затем и приспосабливалось под размещение в нем того

или иного казенного учреждения. Так Департамент Государственного казначейства Министерства финансов Российской империи поступил и в Нижнем Новгороде.

С разрешения Министерства финансов у наследников С.К. Кузьмина был куплен двухэтажный каменный дом на углу Большой и Малой Печерских улиц. Здание это еще в 1839 году выстроила коллежская асессорша Е.В. Веселовская. Представители этой фамилии прежде служили в Нижегородской казенной палате и уездном казначействе губернского города. Сын хозяйки дома М.П. Веселовский с 1862 года служил в столице чиновником особых поручений Министерства финансов. В 1867 году Михаил Павлович был назначен статс-секретарем Государственного совета Российской империи, через полтора десятка лет – сенатором. Выслужил чин тайного советника.

Купчая крепость была заключена 24 февраля 1901 года. После произведенной реконструкции всех помещений усадьбы Нижегородская казенная палата переехала в здание на углу Большой и Малой Печерских улиц. Во втором этаже находилась роскошная служебная квартира господина управляющего Казенной палатой действительного статского советника Нечаева. До этого Николай Николаевич жил в одном из флигелей приобретенной российской казной усадьбы Веселовских.

Основное здание было перестроено. Появилась и пристройка к нему. В подписанном младшим архитектором Нижегородского губернского правления Е.М. Мичуриным и начальником I отделения Казенной палаты И.С. Докучаевым акте приемки отмечено:

«...Все работы произведены из материалов доброкачественных, прочно, хорошо и во всем согласно техническим требованиям и утвержденному чертежу».

Правда, от проекта были допущены многочисленные отступления. Акт приемки здания отразил его облик сразу же после перестройки:

«...1-этажная каменная пристройка... проектированная по чертежу, в действительности уничтожена...Окна 1-го этажа, показанные на чертеже двойными, сделаны несколько шире (в три света), а окна 2-го этажа, находящиеся над первыми, сделаны одинарными...над входной дверью по улице Большой Печерской во 2-м этаже сделан висячий открытый балкон, не проектированный по чертежу...помещения 1-го и 2-го этажей новой части здания, проектированное по чертежу без переборок, в действительности разделены переборками в каждом этаже на три комнаты, причем голландские печи помещены на других местах, для поддержания балок в этих помещениях поставлены каменные столбы...в продольной стене, выходящей на двор первого этажа этой пристройки, проектированной по чертежу с одним окном, добавлено два окна; башня на крыше, проектированная на углу здания, в действительности не сделана, парапет в этой части здания сделан по образцу остальных выступающих частей фасада, в остальном изменения орнаментации фасада несущественны, так как касаются только некоторых деталей».

По окончании ремонта основного здания в этом флигеле были устроены три служебные квартиры для

ОТЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ
Казенной Палаты

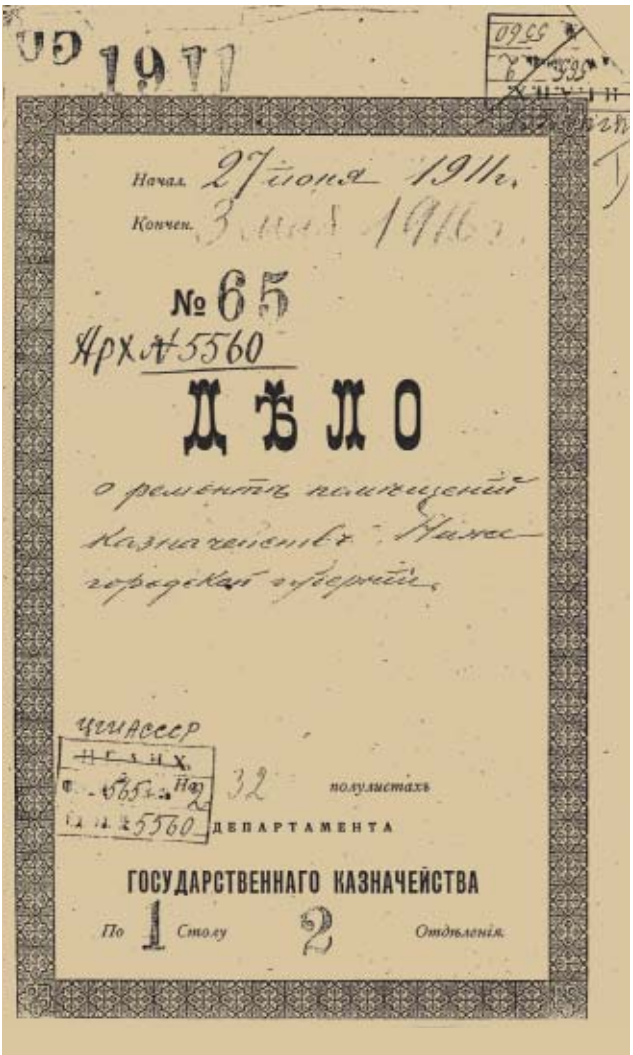
Казенная Палата симъ извѣщаетъ гг. торгующихъ на Ярмаркѣ, что ярмарочная приходная касса Нижегородскаго Губернскаго Казначейства открывается 16 сего іюля и будетъ производить выдачу торговыхъ документовъ во всѣ присутственные дни и часы до окончанія Ярмарки.

На Нижегородской ярмарке губернское казначейство всегда открывало свою приходную кассу…

палатских чиновников. Второй флигель использовался для хранения огромного архива Казенной палаты. Из его документов вкупе с материалами современного исследователя И.О. Еремина нами и почерпнуты основные сведения о том учреждении...

Здание на углу Большой и Малой Печерских улиц в истории Нижегородской казенной палаты оказалось последним.

Территориально Нижегородская казенная палата и Нижегородское губернское казначейство располагались теперь в разных местах. Однако все равно они оставались связанными между собой в единое ведомство.

Из фондов Российского государственного исторического архива

Члены общего присутствия Нижегородской казенной палаты (начало 1910 года)

Ф.И.О.	Должность	Классный чин	Образование	Высший орден	Год			
					рождения	вступления в		
						госслужбу	ведомство	должность
Николай Николаевич Нечаев	Управляющий	Действительный статский советник	Императорский Александровский лицей	Святого Станислава I степени	1850	1871	1892	1892
Иван Сергеевич Докучаев	Начальник I отделения	Статский советник	Экзамен на первый классный чин	Святого Владимира IV степени	1855	1873	1873	1893
Николай Петрович Агриков	Начальник II отделения	Надворный советник	Киевская духовная академия	Святой Анны III степени	1872	1897	1900	1903
Николай Константинович Дитрих	Начальник III отделения	Статский советник	Курс гимназии	Святого Владимира IV степени	1846	1863	1863	1876
Вениамин Михайлович Русаков	Начальник IV отделения	Надворный советник	Императорский Санкт-Петербургский университет	Святой Анны III степени	1867	1892	1893	1900
Михаил Александрович Райковский	Секретарь	Коллежский советник	Духовная семинария	Святого Станислава II степени	1856	1879	1903	1903

Первое, второе и третье отделения Казенной палаты неофициально назывались казначейскими: они были непосредственно связаны со сметами и надзором за губернским и уездными казначействами.

Четвертое отделение, появившееся гораздо позже остальных, ведало прямыми налогами и податными инспекторами.

Нижегородское губернское казначейство со своими кладовыми для денег и прочих ценностей казны государства Российского осталось в кремле, расширившись за счет большей части освобожденных Казенной палатой помещений. Со временем его хозяйство заметно увеличилось.

По общему правилу, казначейства учреждались только в губернском и уездных городах. В других же населенных пунктах их дозволялось открывать при наличии к тому очень весомых оснований.

На территории Нижегородской губернии села Городец Балахнинского уезда и Павлово Горбатовского уезда по развитию в них торгово-промышленной жизни превосходили даже некоторые уездные города. Поэтому после ходатайств управляющего Нижегородской казенной палатой распоряжениями министра финансов с 1 октября 1914 года и 1 января 1917 года были открыты соответственно Городецкое и Павловское казначейства, уездными не являвшиеся.

«Ввиду переживаемой Родиной великой войны…»

Кладовые казначейств ломились от избытка золотой монеты. Поэтому ее часто приходилось отсылать почтой. Постепенно изымавшаяся из обращения монета номиналом 7 рублей 50 копеек (полуимпериал) адресовывалась отделу кредитных билетов Правления Государственного банка в Санкт-Петербурге. Остальных достоинств золотые кружки направлялись в Нижегородское отделение Госбанка, размещавшееся тогда в бывшей усадьбе Б.Е. Прутченко на Осыпной улице.

Для отправки по почте золотая монета затаривалась в специальные узлы. Согласно действовавшим строгим почтовым правилам, вес одного такого узла не мог превышать 60 фунтов. Следовательно, в узел вмещалось золотой монеты лишь на 22 500 рублей.

В стандартном же банковском мешке золотой монеты любого достоинства умещалось на сумму ровно 30 тысяч рублей. Поэтому при пересылке золота содержание банковских мешков приходилось уменьшать до предельно допустимого веса. Это доставляло значительные неудобства. По ходатайству управляющего Государственным банком тайного советника Э.Д. Плеске в начале 1902 года министр внутренних дел, в ведении которого состояло Главное управление почт и телеграфов, распорядился внести в почтовые правила изменения. Теперь от казначейств, контор и отделений Госбанка почта принимала для пересылки закрытые ценные узлы с золотой монетой весом до 65 фунтов каждый. Отныне дробить содержание стандартного банковского мешка казначеям уже не требовалось...

Русско-японская война вызвала усиление финансовой напряженности. Казначеям пришлось снабжать части формирующихся войск и действующей армии крупными суммами денежных средств, самим служить в полевых казначействах.

Экономика Российской империи испытала в той войне очень большие трудности. Однако казначеи и казначейская система государства в целом с возложенными на них обязанностями справились.

В годы смуты, названной Первой русской революцией, большевики проводили усиленную агитацию среди населения: «Требуйте возврата своих вкладов из сберкасс и банков и уплаты причитающихся вам платежей из казны только золотой монетой!». Всем кассовым учреждениям Министерства финансов Российской империи пришлось отбивать натиск поддавшихся большевистской агитации толп вкладчиков и стремившихся обменять кредитные билеты Государственного банка на золотую монету. Однако кассовые окошки не закрывались в это очень тяжелое время ни на один день.

Разрушить мощную государственную финансово-кредитную систему Российской империи большевикам не удалось. Огромная заслуга в этом принадлежала чи-

Кредитные билеты Государственного банка Российской империи были так же хороши, как и само золото...

нам учреждений Госбанка, губернских и уездных казначейств. Они также смогли надежно защитить казенную наличность, не допустив готовившихся террористами вооруженных ограблений («эксов») банков, казначейств, сберкасс и почтово-телеграфных учреждений.

Уездные казначеи губернии дружно доложили управляющему Нижегородским отделением Государственного банка А.Е. Гутьеру: спроса со стороны публики на золотую монету почти нет, все требуют кредитные билеты.

Циркулярным письмом № 48647 от 18 октября 1907 года управляющий Государственным банком тайный советник С.И. Тимашев указал руководителям контор и отделений ведомства на необходимость усиленного выпуска в обращение золотой монеты вместо кредитных билетов:

«...Ссылки на то, что публика берет золото неохотно, неубедительны: в интересах правильного денежного обращения приходится принимать меры, которые, быть может, и вызывают известное неудовольствие. Иное дело, если бы банк отказывал в выдаче золота, – это могло бы быть истолковано в смысле неблагоприятном для устойчивости денежного обращения, но если выдается усиленно золото, по той причине, что запасы его достигают весьма крупных, небывалых прежде размеров, то очевидно, что такая мера не может получить подобного толкования, а скорее наоборот».

И хотя это оказалось делом исключительно трудным, обмен бумажных кредитных билетов на золотую монету ведомству Министерства финансов Российской империи удалось сохранить повсеместно.

20 февраля 1913 года управляющий Нижегородским отделением Государственного банка действительный статский советник Н.П. Полянский секретным циркуляром предписал руководителям всех подотчетных казначейств:

«Ухудшение за последнее время курсов на иностранную валюту дает основание опасаться отлива золота за границу. Так, например, чековый курс на Берлин на С.-Петербургской бирже, при паритете в 46 р. 30 к. за 100 RM, составляет ныне 46 р. 41 коп. Во избежание нежелательных последствий ухудшения курсов, Государственным банком признано необходимым, впредь до особого распоряжения, прекратить выдачу по инициативе кассирского персонала золота из вверенного мне отделения и подотчетных казначейств и производить таковую только по прямым требованиям публики, в ограниченном количестве.

Управляющий Нижегородской конторой (отделением) Государственного банка (1909–1917) действительный статский советник Николай Павлович Полянский

Здание Нижегородской конторой Государственного банка на Большой Покровской улице. 1913 год. Фото М.П. Дмитриева

Излишки золотой монеты, которые при таких условиях могут оказаться в подотчетных казначействах, имеют быть тотчас же высланы в Нижегородское отделение Государственного банка и затем такая высылка должна производиться ежемесячно, первого числа каждого месяца».

Вступление Российской империи в Первую мировую войну (19 июля 1914 года) снова повлекло за собой огромную нагрузку на чинов финансового ведомства. Вместе с другими коллегами-финансистами все тяготы военного времени несли также нижегородский губернский казначей статский советник С.В. Коридалин и подчиненные Сергею Васильевичу уездные казначеи.

Опять из казначеев начали формироваться штаты полевых казначейств. Многие подчиненные Коридалина ушли на фронт. Некоторые были убиты, ранены, попали в плен.

В конце сентября 1914 года из списков служащих по ведомству Нижегородской казенной палаты были исключены старший бухгалтер Лысковского уездного казначейства надворный советник Фаминский и счетный чиновник самой Палаты коллежский секретарь Шестов. Оба стали чиновниками резерва Управления Главного полевого казначея. Служить им пришлось в Полевом казначействе 15-го армейского корпуса. К своим штатным должностям казначеи вернулись спустя год.

Казначеи Нижегородской губернии в 1914 году

Казначейство	Казначей	Классный чин	Образовательный ценз	Год		Высший орден
				рождения	определения к должности	
Нижегородское губернское	Сергей Васильевич Коридалин	Статский советник	Императорский Московский университет	1866	1898	Святого Станислава III степени
Ардатовское уездное	Николай Калистратович Юрасов	Коллежский асессор	Уездное училище	1859	1905	Святой Анны III степени
Арзамасское уездное	Яков Федорович Твердов	»	»	1863	1898	»
Балахнинское уездное	Семен Михайлович Болеславский	Надворный советник	»	1861	1913	Святого Станислава III степени
Васильское уездное	Иван Алексеевич Быстровидов	Коллежский асессор	Экзамен на звание приходского учителя	1854	1904	»
Горбатовское уездное	Николай Васильевич Симаков	Коллежский секретарь	Уездное училище	1859	1908	»
Княгининское уездное	Евгений Иванович Румовский	Коллежский асессор	Экзамен на первый классный чин	1863	1906	»
Лукояновское уездное	Николай Иванович Петров	»	Уездное училище	1869	1901	»
Макарьевское уездное	Федор Иванович Добросмыслов	»	Духовное училище	1857	1903	»
Павловское в Горбатовском уезде	Иван Михайлович Пошин	Коллежский секретарь	Городское училище	1868	1908	»
Семеновское уездное	Яков Сергеевич Гуляев	Коллежский асессор	»	1850	1889	Святого Станислава II степени
Сергачское уездное	Федор Григорьевич Лебедев	»	Духовное училище	1848	1894	»

Военный лазарет, содержавшийся на средства служащих Нижегородской казенной палаты.
Управляющий Палатой действительный статский советник А.А. Булгаков четвертый справа во втором ряду.
Фото из личного архива И.А. Макарова

Многие члены Нижегородской казенной палаты и уездных казначейств как ратники ополчения были еще раньше призваны на действительную военную службу. Домой с фронта возвратились не все...

Служить оставшемуся в учреждениях наличному персоналу становилось все труднее. Прежде на службу в учреждения Министерства финансов Российской империи законом дозволялось принимать исключительно мужчин. Острый дефицит кадров вынудил правительство впервые допускать к определению на целый ряд должностей и представительниц прекраснейшей половины рода человеческого. Правда, без права на чины и пенсию – по вольному найму.

Для финансирования импорта и обеспечения заграничных кредитов государству Российскому требовалось все больше желтого металла. Через учреждения Госбанка и казначейства Министерство финансов начало усиленно стягивать золото в казну. Важную роль в этом сыграли уездные казначеи.

27 августа 1915 года управляющий Нижегородской казенной палатой действительный статский советник А.А. Булгаков направил всем податным инспекторам губернии циркулярное письмо:

ИНСТРУКЦІЯ

КАЗНАЧЕЙСТВАМЪ

Утверждена Г. Министромъ Финансовъ по соглашенію съ Г. Государственнымъ Контролеромъ 7 мая 1915 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Э. Ф. Кеппенъ, Дворц. наб., д. № 40 Финансовъ.
1915.

Изменившиеся с началом войны условия вызвали необходимость издания новой «Инструкции казначействам»...

Облигации Военного займа продавались и во всех казначействах России

«Г. министр финансов поручил мне принять меры к увеличению притока золота в государственные кассы и в частности в подведомственные мне казначейства.

Через местные газеты и особыми оповещениями я напомнил широким кругам населения, всегда отзывчивого на нужды войны, о том значении, какое имеет накопление в казне золота для обеспечения нашей победы. Население осведомлено о мерах, принятых мною с целью всячески облегчить и упростить для приносящих золото в казначейства порядок его приема и обеспечить полную уверенность, что приносимое в казну золото послужит той именно цели, на которую оно приносится.

Прилагая 2 экземпляра оповещения, прошу Вас оказать с своей стороны всяческое содействие приносу золота в казначейства»...

На окладных листах, рассылавшихся налогоплательщикам, делалась особая отметка:

«Ввиду переживаемой Родиной великой войны плательщики приглашаются вносить налоги и сборы, буде есть возможность, золотом. Прием золотых изделий, слитков, медалей и проч. и обмен их на кредитные билеты по цене содержащегося в них золота производится во всех казначействах, конторах и отделениях Государственного банка».

После начала военных действий в Нижегородскую губернию был эвакуирован ряд казначейств из оккупированных неприятелем западных территорий Российской империи. Все дела, ценности, служащих и их домочадцев нижегородцы разместили в помещениях Казенной палаты и уездных казначейств.

За труды по обеспечению своевременной мобилизации войск управляющий Нижегородской казенной палатой действительный статский советник Булгаков и некоторые его подчиненные были Высочайше пожалованы орденами.

Первую мировую войну Россия не проиграла. В этом была заслуга и служащих ее финансового ведомства.

Увольняются безъ права на пенсію Управляющій

ской Казенной Палатой Александръ Александровичъ

его помощникъ Александръ Алексѣевичъ МОШАНСКІЙ

1918 года.

Утверждается въ должности Комиссара Палаты

вичъ ИВАНОВЪ.

Служба государева

„Клянусь честью гражданина и обѣщаюсь передъ Богомъ и своей совѣстью быть вѣрнымъ и неизмѣнно преданнымъ Россійскому Государству, какъ своему Отечеству. Клянусь служить ему до послѣдней капли крови, всемѣрно способствуя славѣ и процвѣтанію Русскаго Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, нынѣ возглавляющему Россійское Государство, впредь до установленія образа правленія волею народа при посредствѣ Учредительнаго Собранія.

Возложенный на меня долгъ службы буду выполнять съ полнымъ напряженіемъ силъ, имѣя въ помыслахъ исключительно пользу Государства и не щадя жизни ради блага Отечества.

Клянусь повиноваться всѣмъ поставленнымъ надо мною начальникамъ, чиня имъ полное послушаніе во всѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ мой долгъ гражданина передъ Отечествомъ.

Клянусь быть честнымъ, добросовѣстнымъ и не нарушать своей клятвы изъ-за корысти, родства, дружбы и вражды. Въ заключеніе данной мною клятвы осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ и ниже подписываюсь."

„5" Апрѣля 1917 года.

Служащіе по вѣдомству Нижегородской Казенной Палаты:

Податной Инспекторъ

Павловскаго участка

Горбатовскаго уѣзда [illegible]

И. о. Дѣлопроизводителя [illegible]

Писцы канцеляріи Податного [illegible]

Каждая штатная должность в любом правительственном учреждении Российской империи была отнесена к одному из двенадцати классов. В знаменитом дореволюционном «Уставе о службе по определению от правительства» говорилось:

«По всем ведомствам гражданской службы чиновники определяются к местам, как с действительным на оных утверждением, так и для одного только исправления должности, сообразно чину каждого и классу, в коем положена должность».

Чтобы стать чиновником, в действительной гражданской службе состоящим, достигшему 16 лет лицу мужского пола требовалось отвечать определенным требованиям.

Согласно «Уставу о службе по определению от правительства», вступать в государственную службу могли лица:

«а) когда кто из них по месту воспитания своего приобретает право на классный чин, вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего устава, позволено принимать на службу независимо от рода и звания; б) когда кто приобретет узаконенную порядком ученую или академическую степень».

Окончившие полный курс наук университетов, гимназий либо равных с ними высших и средних учебных заведений могли вступать в гражданскую службу «с теми правами, какие представляют им ученая степень, звание, диплом или аттестат». Образование признавалось только российское. Дипломы Гарварда и Сорбонны во внимание не принимались...

Все, кто вступал в госслужбу по одному только праву своего происхождения, принимались в нее со званием *канцелярских служителей* первого, второго либо третьего разрядов.

Перворазрядными становились потомственные дворяне. Не являвшиеся таковыми в зависимости от званий своих отцов и собственных званий зачислялись во второй или третий разряд канцелярских служителей.

Для производства в классный чин необходимо было иметь образование не ниже уездного училища.

Окончившие курс гимназий с золотыми или серебряными медалями определялись на гражданскую службу *вне зависимости* от их сословного состояния с чином XIV класса.

При поступлении на гражданскую службу доктор наук утверждался сразу же в чин VIII, магистр – IX класса. Обладатели дипломов I степени становились коллежскими секретарями. Диплом II степени давал право на чин губернского секретаря.

Пожелавший поступить на службу в Казенную палату, губернское либо уездное казначейство подавал его руководителю просьбу на Высочайшее имя. К просьбе прилагалось свидетельство из метрической книги о времени рождения просителя и все документы, удостоверявшие его звание и право на вступление в государственную службу. Военнообязанные представляли также свидетельство о приписке к призывному участку.

Сыновья дворян, роды которых были внесены в родословную дворянскую книгу, предоставляли также копии с протоколов дворянских собраний либо свидетельство о дворянстве.

При вступлении в госслужбу каждый слуга государев приводился священником «к присяге на верность оной».

Если чиновник находился в отставке, то при просьбе о принятии его на государственную службу он представлял полученный им при увольнении аттестат о своей прежней службе.

Получив просьбу о принятии в государственную службу, начальствующее лицо казенного учреждения секретным порядком запрашивало у губернатора сведения о политической благонадежности кандидата.

Если же у органов Министерства внутренних дел компрометирующий информации на просителя не было, то препятствий со стороны губернатора не встречалось. Тогда начальник учреждения направлял просьбу со всеми приложенными документами и своим положительным заключением вышестоящему руководству или изъявлял согласие на определение просителя к должности либо зачисление его в канцелярские служители.

В противном случае подавший просьбу получал на нее отказ без объяснения причин сего.

Каждый претендент на вступление в госслужбу обязательно давал подписку:

«...Ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы они названием ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не только членом оных обществ, по обязательству через клятву или честное слово, не был, да и не посещал и даже не знал о них, и через подговоры, как об обществах, так и членах, тоже ничего не знал и обязательство без форм и клятв никаких не давал».

Со второй половины позапрошлого века чины XI и XIII классов при производстве уже не применялись. При повышении чином губернский секретарь становился сразу коллежским секретарем, коллежский регистратор – губернским секретарем.

Чин XIV класса сами чиновники называли между собой «Не бей меня в морду!»: он освобождал его обладателя от телесных наказаний. Лишить любого чина мог только монарх.

Чины IX–XIV классов считались обер-офицерскими, V–VIII классов – штаб-офицерскими. Четыре высших классных чина были генеральскими.

Титулование любого чиновника производилось в соответствии с классом *замещаемой им должности*. Если, разумеется, *класс присвоенного чина* не был выше *класса его должности*.

К титулярному советнику, например, обращались «Ваше Благородие». Когда же сей *обер-офицерский* чин был определен к замещению должности VIII класса, то становился уже «Вашим Высокоблагородием».

Сроки получения первого классного чина тем, кто не приобрел права на утверждение в нем при самом вступлении в госслужбу, варьировались в зависимости от происхождения и «приобретенных познаний».

Дальнейшее же производство в чины зависело от ряда факторов. Оно осуществлялось:

«а) вообще за усердие и похвальное отправление службы, начальством засвидетельствованное; б) за отличия, состоящие в каких-либо особенных подвигах или делах, на пользу службы совершенных, или доказывающие особенные труды и достоинства чиновника, как напр., когда кто-либо сверх своей должности совершил еще с успехом трудное, или особенного доверия требовавшее, поручение начальства, когда кто-либо сверх своей должности занимал временно, в течение по крайней мере года, еще другую высшую и т. п.».

Чины получались соответственно классам, присвоенным замещаемым чиновниками должностям. «Устав о службе по определению от правительства» гласил:

«Никто не может быть произведен в классный чин иначе, как Императорскою властью и без объявления сего производства в Высочайшем приказе. Однако

Табель классных чинов статских, военных и военно-морских

Класс чина	Чин			Титулование обладателя чина
	статский	военный	военно-морской	
I	Канцлер	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Ваше Высокопревосходительство
II	Действительный тайный советник	Генерал от кавалерии, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии	Адмирал	»
III	Тайный советник	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Ваше Превосходительство
IV	Действительный статский советник	Генерал-майор	Контр-адмирал	»
V	Статский советник	—	—	Ваше Высокородие
VI	Коллежский советник	Полковник	Капитан 1-го ранга	Ваше Высокоблагородие
VII	Надворный советник	Подполковник	Капитан 2-го ранга	»
VIII	Коллежский асессор	Капитан, ротмистр	—	»
IX	Титулярный советник	Штабс-капитан, штабс-ротмистр	Лейтенант	Ваше Благородие
X	Коллежский секретарь	Поручик	Мичман	»
XI	Корабельный секретарь	—	—	»
XII	Губернский секретарь	Подпоручик, корнет	—	»
XIII	Провинциальный секретарь, сенатский регистратор, синодский регистратор, корабельный регистратор	Прапорщик	—	»
XIV	Коллежский регистратор	—	—	»

только первоначальное удостоение представляемого к производству зависит непосредственно от его начальства».

В декабре 1894 года Государственный совет Российской империи одобрил внесенное Министерством финансов представление. После Высочайшего утверждения все должности до V класса включительно разрешалось замещать «лицами, не имеющими соответственных чинов, а равно и лицами, хотя вовсе чинов не имеющими, по общим правилам, не имеющим права на вступление на государственную службу, но получившими высшее образование».

По службе любой российский чиновник полностью зависел от своего начальника. Даже на предстоящую женитьбу он должен был испрашивать его письменное согласие.

Закон давал право начальнику казенного учреждения (если именно от него зависело определение чиновника к должности) увольнять любого своего подчиненного *без прошения* об отставке. Никакой суд восстановить в должности уволенного таким образом чиновника не мог. При этом объяснять причины своего решения начальник не был обязан. Уволенный *без прошения* вернуться в государственную службу уже не мог...

Одна из статей «Устава о службе по определению от правительства» гласила:

«По общему праву, российским потомственным дворянам присвоенному, хотя никто из них не может быть принужден ко вступлению в гражданскую службу, но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне, по окончании наук, употребляли себя к изучению, не менее для них полезному, законов своего отечества, и для сего определялись бы в гражданскую службу, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству приобретать от первых степеней канцелярских сведения и способности в делах и в них столько совершенствоваться, чтобы могли, поступая в чины высшие, достойно и правильно исправлять свое звание к пользе общей».

Но на невысокие должности потомственные дворяне не больно-то и поспешали. Поэтому закон дозволял определять на штатные должности в Казенной палате не выше IX класса лиц *любых сословий*. Главное, чтобы они имели образовательный ценз не ниже курса уездного четырехклассного училища. Те из них, которые не имели права вступать в госслужбу, за время служения в Казенной палате и подведомственных ей казначействах пользовались присвоенными их должностям содержанием и прочими служебными преимуществами. Правда, права на чины, пенсии и освобождение от рекрутской повинности они так и не получали.

Именно разночинцы и бывшие мещане составляли основную массу чиновников Нижегородской казенной палаты и подведомственных ей уездных казначейств.

Правда, службой они могли выйти и в более высокие чины: из обер-офицеров стать штаб-офицерами или даже «штатскими генералами».

Образовательный ценз основной массы чиновничества дореволюционного Министерства финансов России был низким: высшее образование имели лишь немногие российские финансисты. Пришедший к руководству финансовым ведомством Российской империи новый министр финансов С.Ю. Витте начал решительно исправлять ситуацию.

Министр финансов граф Сергей Юльевич Витте в мундире, его должности присвоенном

Кстати, сегодня очень мало кто из нижегородцев знает, что Сергей Юльевич является почетным гражданином нашего города. Это звание Нижегородская городская дума присвоила министру финансов летом 1893 года.

В своем циркуляре № 3159 от 18 сентября 1893 года Витте преподал господам начальствующим над учреждениями вверенного ему ведомства видение путей решения кадровой проблемы:

«При подписании приказов об определении на службу к должности по ведомству Министерства финансов лица с высшим образованием составляют лишь меньшинство служащих. Не умаляя достоинства тех чиновников, которые, не получив высшего образования по службе трудолюбием и ревностным исполнением своих служебных обязанностей, при усердной работе над пополнением своего образования и развития, я, тем не менее, не могу упустить из внимания того обстоятельства, что недостаточная подготовка лиц, принимаемых на службу по ведомству Министерства финансов, вообще составляет неблагоприятное условие для успешного выполнения многих существенных задач финансового управления, правильная постановка которых требует тщательной разработки и умелой группировки фактических данных при достаточном знакомстве с методами и приемами исследования.

Все это, как показывает опыт, наилучше достигается при условии умственного развития, которое дается высшим образованием. Точно так же и служебная деятельность, по преимуществу исполнительного характера, много теряет, если в этой деятельности

преобладают чиновники, не получившие надлежащей образовательной подготовки, так как применение существующих и правительственных узаконений часто требует тщательного и серьезного соображения с намеченными в каждом отдельном случае условиями и особенностями, что далеко не всегда по силам для чиновников с узким кругом знаний и понятий. Тем не менее, конечно, за некоторыми счастливыми исключениями, можно ожидать пользы для службы от недостаточно образованных чиновников, когда они занимают более самостоятельные должности, с которыми связано, в известной мере, направление и руководство действиями других служащих».

К концу XX века количество обладателей университетских и институтских дипломов в Российской империи заметно увеличилось. Однако в госслужбу их обладатели, как правило, не рвались. Поэтому реализовать распоряжение министра финансов оказалось отнюдь не просто.

В циркуляре своего столичного руководителя начальники всех финансовых учреждений Российской империи увидели решимость нового министра финансов поднять образовательный уровень чиновников и тем самым – всего ведомства. И это было отнюдь не просто благое пожелание:

«...Долгом считаю предупредить гг. начальствующих, что мною будет обращено самое серьезное внимание на образовательную подготовку вновь принимаемых на службу по Министерству финансов лиц, причем при оценке деятельности соответствующих учреждений Министерства финансов мною будет приниматься в соображение степень заботливости их о привлечении на службу лиц с высшим, а в надлежащих случаях с коммерческим образованием».

Разумеется, подобные проблемы не могли быть решены в одночасье. Спустя некоторое время Витте напомнил начальствующим над подведомственными учреждениями лицам: утверждать в должностях, требующих высшего образования, тех, кои оного не имеют, министр финансов впредь не будет...

Вновь назначенному в 1898 году управляющему Нижегородской казенной палатой действительному статскому советнику Н.Н. Нечаеву сразу же пришлось озаботиться и решением кадровых вопросов. Целый год должность нижегородского губернского казначея оставалась вакантной: после замещавшего ее более трех десятков лет многоопытного статского советника И.Ф. Бонч-Осмоловского эту должность временно исправлял В.Н. Лебединский. Однако шансов на утверждение у последнего, высшего образования не имевшего, в свете виттевского циркуляра не было. Поэтому Николаю Николаевичу пришлось подыскивать для назначения на должность губернского казначея новую кандидатуру.

Для представления министру финансов на утверждение Н.Н. Нечаев выбрал 32-летнего С.В. Коридалина. Именно Сергею Васильевичу волею судеб довелось стать последним нижегородским губернским казначеем. Эту ответственную должность он замещал более двух десятков лет...

Нижегородец Сергей Коридалин появился на свет божий 30 сентября 1866 года. Отец его был отставным письмоводителем Нижегородской ремесленной управы. Чин имел всего лишь X класса – «коллежский секретарь». Многодетная семья Коридалиных жила в постоянной нужде. В выявленной среди архивных документов автобиографии Сергей Коридалин писал: «Несмотря на бедность, родитель поместил меня в среднее учебное заведение, где я с 5-го класса был за успешность и ввиду бедности освобожден от платы за учение. Бедность родителей заставила меня рано заботиться о себе и я, будучи еще в 4 и 5 классах гимназии, стал давать уроки, а с 15 лет, продолжая образование, совсем ушел из семьи, так как получил по рекомендации директора учебного заведения место домашнего репетитора, на каковом месте я и пробыл до окончания образования в гимназии. Это дало мне возможность поступить в Московский университет.

Будучи студентом, существовал в Москве заработками от уроков, как и большинство моих товарищей...

По окончании университета со званием кандидата физ[ико]-математических наук, не имея средств продолжать свое образование так, как бы мне было желательно, я принужден был вернуться в родной город, где в январе 1890 года поступил... в Нижегородскую казенную палату чиновником особых поручений сверх штата без жалованья.

Никаких особых поручений мне не давали, а просто засадили в канцелярию в так называемый наследственный отдел, где я и пробыл в качестве канцеляриста год с небольшим, получая 25 р. ежемесячно*».

Из этих денег 5 рублей Сергей Коридалин отдавал нуждавшемуся престарелому отцу. Нижегородский губернский казначей Бонч-Осмоловский предложил Сергею Васильевичу перейти к нему в учреждение младшим бухгалтером. Оклад жалованья там был побольше – 45 рублей в месяц.

Узнав о желании чиновника перейти на службу в губернское казначейство, управляющий Нижегородской казенной палатой действительный статский советник А.И. Лебедев предложил подчиненному остаться в Палате младшим бухгалтером с ежемесячным окладом жалованья 50 рублей.

Пятирублевая прибавка (тогда это был эквивалент почти 2,6 грамма чистого золота), разумеется, значила для чиновника многое. Однако, не все:

«...Несмотря на то, что служба в более высшем учреждении более ценится, чем в подчиненном, я, побуждаемый материальными причинами, а также и тем обстоятельством, что мне был не по душе царящий в Казенной палате бюрократизм, решил перейти в Нижегородское губернское казначейство в мае или июне 1892 года на должность младшего бухгалтера.

Не имея никакой протекции, единственно своим трудолюбием я заслужил доверие ближайшего начальства и через несколько лет назначен был на должность старшего бухгалтера Нижегородского казначейства, на каковой должности я пробыл до начала 1897 года.

Так как служба в низких должностях не могла соответствовать моему образованию, то я решил утрудить

---

* *Канцелярские служители штатными служащими не являлись. Поэтому им полагался не оклад жалованья, а выплачиваемые из особых сумм деньги.*

начальство Казенной палаты просьбой представить меня кандидатом на должность податного инспектора».

В дореволюционном российском финансовом ведомстве чины податной инспектуры стояли на особом положении: это была элита министерства. К должностям податных инспекторов по закону определялись только лица с высшим образованием.

Так весной 1897 года Сергей Коридалин стал податным инспектором Макарьевского уезда Нижегородской губернии. За короткое время зарекомендовал себя отличным инспектором, успешно справляющимся со своими многотрудными обязанностями.

Управляющий Нижегородской казенной палатой действительный статский советник Нечаев заметил усердие и исполнительность макарьевского податного инспектора. 13 июня 1898 года Сергей Коридалин был назначен на должность нижегородского губернского казначея. В автобиографии Сергей Васильевич счел нужным специально указать:

«...Последнее передвижение по службе было вызвано личным приглашением управляющего Казенной палатой, который, зная мою прежнюю службу в Нижегородском казначействе, а также деятельную службу, хотя краткую, в должности податного инспектора, решил доверить такое громадное учреждение 32-летнему молодому человеку...

Причины же с моей стороны перехода с почти самостоятельной должности податного инспектора на такую ответственную и зависимую должность, как должность нижегородского казначея, заключались, во-первых, в лестном внимании ко мне управляющего Казенной палатой, оценившего меня как добросовестного работника, а с другой стороны, в перспективе жизни в губернском городе для образования подрастающих детей и нужда во врачебной помощи для больной жены.

Кроме того, не малую долю влияния на переход оказало мое отвращение к жизни в глухом уезде, где я побоялся опуститься и стать заурядным уездным чиновником.

Бессменная, более чем 25-летняя служба в должности казначея Нижегородского казначейства показывает, что я успел за время своей службы заслужить как доверие Правительства, так и доверие граждан г. Н. Новгорода, так и ближайших моих подчиненных служащих, к которым я всегда относился хотя благожелательно, но ревниво оберегая казенные интересы, и примером и делом всегда побуждал к тому же и служащих».

Хозяйство новому нижегородскому губернскому казначею досталось огромное и очень ответственное.

При всех уездных казначействах функционировали сберегательные кассы. Кроме того, к каждому уездному казначейству (кроме Макарьевского) были приписаны сберегательные кассы при местных почтово-телеграфных учреждениях. Их количество составляло четыре десятка.

В следующем году уездные казначейства Нижегородской губернии начали производить также и простейшие банковские операции: размен денег, покупку и продажу государственной ренты, уплату процентов и капиталов по казенным ценным бумагам, денежные переводы, получение денег по учтенным и комиссионным векселям, прием и выдачу сумм за счет учреждений Государственного банка, уплату процентов по «вечным вкладам».

Для производства этих операций каждое уездное казначейство было приписано к Нижегородскому отделению Государственного банка Российской империи. Временно свободная наличность Государственного казначейства использовалась Госбанком для проведения им кредитных операций.

Фактически при проведении простейших банковских операций уездные казначейства стали своеобразными филиалами этого банка, подотчетными патронировавшему их местному госбанковскому учреждению.

Расширение сферы деятельности и усложнение выполняемых операций привело к резкому возрастанию количества различных отчетных ведомостей. К началу XX века каждое уездное казначейство обязано было ежегодно предоставлять своей Казенной палате и губернскому казначейству до 1200 таких ведомостей. Все это требовало от казначеев огромных усилий и большой ответственности.

В Сергаче сложилась целая казначейская династия Лебедевых. Ее основатель, губернский секретарь Григорий Федорович Лебедев, служил бухгалтером в уездном казначействе. По финансовой части пошли и сыновья. Коллежский секретарь Федор Григорьевич Лебедев с 6 сентября 1894 вплоть до своей смерти 20 ноября 1916 года служил сергачским уездным казначеем.

Его брат Николай Федорович Лебедев после окончания юридического факультета Императорского Казанского университета служил сверхштатным чиновником для особых поручений Нижегородской казенной палаты, а затем – податным инспектором Сергачского уезда. После октябрьского переворота, не будучи большевиком, был назначен земляками одновременно и сергачским городским комиссаром. После объявления «красного террора» два месяца провел в застенках местной Чрезвычайной комиссии за то, что решительный городской комиссар без обиняков послал ее и всех сергачских чекистов к черту. В 1929 году сотрудник Нижгубфинотдела Лебедев был снова арестован чекистами. На сей раз – как «вредитель»...

Управляющий Казенной палатой по закону мог своим распоряжением причислять к руководимому им учреждению до шести *сверхштатных* служащих из числа лиц, имевших право на вступление в госслужбу. Такое причисление (максимум на два года) происходило без жалованья причисленным «для особых поручений и для приготовления к занятию должности».

Штатные же чиновники для особых поручений получали от казны денежное содержание. Они имели право на чинопроизводство и пенсию...

В годы «смуты» условия поступления на гражданскую государственную службу существенно демократизировались. Прежде «по общему правилу» вступать в нее дозволялось только дворянам. Если же представитель какого-либо другого сословия получал высшее российское образование, то он тоже приобретал такое право. «Чей он сын», значения уже не имело.

Именным Высочайшим Указом Правительствующему сенату Российской империи от 5 октября 1906 года Николай II повелел:

«1) предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением иноверцев одинаковые в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия, с упразднением всех особых преимуществ на занятия по определению от Правительства некоторых должностей в зависимости от сословного происхождения».

Однако, как и прежде, в государственную службу по Министерству финансов дозволялось вступать исключительно мужчинам.

При этом изменился порядок производства в первый классный чин: теперь он был связан не с происхождением кандидата, а с его образованием.

В зависимости от имевшегося у них образования канцелярские служители подразделялись на два разряда: 1-й – окончившие курс гимназии либо равных ей уездных учебных заведений и 2-й – «недостигшие сей степени образования».

В первый классный чин (коллежский регистратор) канцелярские служители I разряда производились по выслуге одного года. Второразрядным канцеляристам для этого приходилось прослужить вдвое дольше.

Обладатели дипломов российских университетов и институтов могли вступать в государственную гражданскую службу с правами на чины более высоких, чем XIV, классов. Все зависело от учебного заведения и полученного при его окончании звания.

Деятельность казначейств в Нижегородской губернии за 1896 год

Количество	Всего	В том числе	
		Нижегородское губернское казначейство	10 уездных казначейств
Статьи по приходу	118 504	32 716	85 788
Статьи по расходу	58 717	21 500	37 217
Обслуживаемые пенсионеры	2588	1317	1271
Лица, получающие трех- и шестирублевые пособия	3543	837	2706
Выданные торговые документы и патенты	20 348	13 149	7199
Платежные единицы по сборам сметы Департамента окладных сборов Министерства финансов (кроме плательщиков квартирного налога)	24 065	2167	21 898
Плательщики квартирного налога	3777	2713	1064
Плательщики дополнительного раскладочного сбора	45 977	2 158	43 819
Поступление партикулярных и специальных доходов по сметным суммам, специальным средствам и депозитам (за исключением кассовых оборотов)	12 333 000 руб.	3 654 000 руб.	8 679 000 руб.
Те же расходы	8 188 000 руб.	3 435 000 руб.	4 753 000 руб.
Сберегательные книжки сберкасс (кроме почтово-телеграфных) при начислении процентов в конце года	8860	—	8860
Произведенные в течение года операции приема и выдачи вкладов (кроме операций в почтово-телеграфных сберкассах)	14 207	—	14 207
Остаток вкладов по балансу сберкасс (кроме почтово-телеграфных) на 1 января 1897 года, включая начисленные проценты (без процентных бумаг)	2 368 225 руб. 45,5 коп.	—	2 368 225 руб. 45,5 коп.

Император Николай II

Казначеи не только выдавали, но и сами получали за свою службу государству Российскому причитавшееся им согласно штатному расписанию денежное содержание. Оно складывалось из жалованья, столовых и квартирных денег (если чиновник не пользовался бесплатной казенной квартирой). Высочайше утвержденным 9 декабря 1883 года мнением Государственного совета Российской империи порядок выдачи жалованья чиновникам гражданского и военного ведомств изменился.

Жалованье и столовые деньги получались ежемесячно 20 числа. Поэтому сами слуги государевы между собой двадцатый день каждого месяца называли «праздником чиновника».

Жалованье выдавалось за истекающий, столовые деньги – за следующий месяц. За декабрь столовые получались только 2 января следующего года.

Когда Святая Пасха случалась не ранее 10 апреля, по требованиям распорядительных управлений всех ведомств жалованье за апрель и столовые за май могли выплачиваться перед праздником.

К Пасхе и Рождеству обычно выдавались и «наградные суммы».

Квартирные деньги чиновники получали за четыре месяца (треть года) вперед «по наступлению первого числа того месяца, с которого треть начинается». Сами трети года назывались январской, майской и сентябрьской.

Если чиновник умирал либо оставлял службу, «перебранные» им жалованье, столовые и квартирные деньги оставались без взыскания с наследников – казна принимала их на свой счет.

Например, годовое содержание по должности управляющему Нижегородской казенной палатой действительному статскому советнику А.И. Лебедеву в 1897 году выплачивались 3500 рублей. Если бы Александр Иванович получил всю эту сумму золотой монетой, то чистый металл в ней весил более 2,7 килограмма.

Собственно жалованье составляло 2000 рублей. 600 рублей выдавались как столовые и 900 рублей – как квартирные деньги.

Денежное содержание самого губернского казначея составляло 1950 рублей в год. Из них 1200 рублей было жалованьем, 600 рублей – столовыми и 150 рублей – квартирные деньги.

Прежде каждый чиновник по закону получал на свой чин патент. Указом Правительствующего сената по Департаменту герольдии от 26 июня 1862 года выдача таких патентов была отменена.

Из жалованья производились соответствующие вычеты в пользу казны. С давних времен за свое *повышение чином* его счастливый обладатель уплачивал в пользу казны специальный сбор. Высочайше утвержденным 9 июня 1873 года мнением Государственного совета Российской империи этот сбор был заменен сбором, взимавшимся при поступлении на государственную службу и увеличении *денежного содержания* чиновника.

Первые три месяца со дня повышения его денежного содержания чиновнику выплачивалось *старое содержание*. Не имевшие чина канцелярские служители сбору не подлежали.

Лица, вступавшие в госслужбу *впервые* либо *из отставки*, уплачивали казне сбор, равный их *месячному* денежному содержанию. Первые три месяца своей службы они получали только две трети определенного им штатного содержания. Поэтому выходить в отставку, чтобы через некоторое время вернуться на службу, для чиновничьего кармана оказывалось делом накладным.

Если же денежное содержание увеличивалось в результате введения нового штатного расписания, то уплате сбора чиновник не подлежал.

Ежемесячно чиновник уплачивал «на пенсии» один процент своих столовых денег и два процента от жалованья. Еще один процент от столовых денег удерживался в инвалидный капитал. *Дополнительный налог* составлял три процента от суммы жалованья и столовых. *Подоходный налог* в России был введен лишь с 1917 года...

Начавшуюся в декабре 1905 года забастовку служащих российского почтово-телеграфного ведомства чины всех казенных финансово-кредитных учреждений на территории Нижегородской губернии поддержали лишь морально. Тем не менее сами какого-либо участия в антиправительственной стачке не приняли. Долг службы для них оказался выше амбиций и личных обид...

Н.Н. Нечаев (в центре) с группой общественных и политических деятелей. 1905 год. Фото М.П. Дмитриева

После дарования 17 октября 1905 года Николаем II своим подданным свобод (текст Высочайшего Манифеста написан Витте) в России начали возникать легальные политические партии. Крупнейшей из них стала Конституционно-демократическая партия (октябристы, кадеты). Членами ее была преимущественно либеральная интеллигенция умеренного толка: вузовская профессура, адвокаты, земские деятели, врачи, чиновничество гражданских ведомств).

Видным кадетским деятелем губернского уровня вполне закономерно оказался и управляющий Нижегородской казенной палатой действительный статский советник Нечаев.

19 января 1906 года за директора Департамента Государственного казначейства А.И. Николаенко направил руководителям подведомственных учреждений циркуляр «О праве служащих в правительственных учреждениях примыкать к образующимся политическим партиям»:

«Совет министров, обсудив вопрос о праве служащих в правительственных установлениях примыкать к образующимся у нас политическим партиям, принимать участие в их деятельности, признал, что принадлежность к той или иной партии есть дело личного убеждения каждого, причем само собою разумеется, участие в партиях, стремящихся к разрешению существующего государственного строя, недопустимо. Затем, так как прямой долг служащих в правительственных учреждениях добросовестно блюсти государеву волю и исполнять усердно обязанности по службе, налагаемые на них законом, то независимо от той или иной программы партии, занятие политикой не должно ни в чем препятствовать честному долгу присяги исполнению служебных обязанностей. Лица же, стоящие во главе самостоятельных частей управления или отдельных системных учреждений, на которых упадает большим образом оценка деятельности чиновников и определение, соответственно вышеизложенному, границ участи лиц, стоящих на государственной службе, в активной деятельности политических партий, не могут вступать в руководящей роля вожаков партий и быть представителями или членами различных партийных бюро и комитетов.

Вследствие такового постановления Совета Министров, преподанного всем министрам для руководства, по приказанию г. министра финансов прошу Вас, милостивый государь объявить означенное постановление служащим во временном Вам учреждении и подведомственных ему местных установлениях».

Российское финансовое чиновничество пореформенной эпохи традиционно тяготело к либерализму. Не был исключением и нижегородский губернский казначей Коридалин. В той же автобиографии Сергей Васильевич писал:

«Со времен образования в России Конституционно-демократической партии крайне краткое время был ее членом, но затем из состава ее вышел, оставаясь беспартийным...так как не считал возможным уделять время для иной работы, кроме служебной.

Мотивами вступления в партию было несочувствие монархическому строю. Никаких работ в партии не выполнял».

Продолжая явно сочувствовать кадетам, вышел из их партии и Нечаев. Политика и государственная служба оказались «несовместны»...

В изданном новым управляющим Палатой А.А. Булгаковым 16 февраля 1916 года приказе № 1 Александр Александрович отметил заслуги подчиненных:

«В переживаемое нашей страной исключительное время небывалой по своим размерам войны, среди общей работы на службе военным службам Казенной палате и казначействам приходится нести ответственные и серьезные обязанности.

Призыв в войска части личного состава увеличил напряженность работы, которая проходит в трудных условиях современной городской жизни.

Считаю своим долгом отметить напряженный и плодотворный труд чинов Казенной палаты и казначейств и принести всем, начиная от руководителей дела и кончая скромным исполнителем невидной, но необходимой, работы мою глубокую благодарность».

11 декабря 1916 года исполнилось 25 лет со времени вступления Булгакова в государственную службу. В поднесенном адресе по сему очень важному для любого чиновника событию подчиненные Александра Александровича выразили ему действительно искреннюю признательность:

«Не нам, конечно, входить в оценку Ваших служебных достоинств и той пользы, которую Вы принесли и приносите Отечеству: мы вправе лишь гордиться, что имеем счастие служить под руководством человека, который в течение целой четверти века с честию и достоинством несет тяжелое бремя государственной службы, внося в нее и богатый жизненный опыт, и глубокое понимание дела, и чуждое холодного формализма отношение к подчиненным, исполненное сердечного участия к их многочисленным нуждам, служебному положению и работе.

Мы гордимся тем, что наша служба под Вашим руководством – не отсиживание в канцелярии определенного времени, не составление формальных отписок, а серьезное общественное дело, освещенное ясным созиданием его цели и значения».

В этом прочувствованном документе по случаю четвертьвекового служения действительного статского советника Булгакова «Государю и Родине» все чины ведомства Нижегородской казенной палаты без какого-либо преувеличения и юбилейной лести к своему начальнику отметили:

«Мы гордимся, что благодаря Вашему руководству и указаниям мы не “чиновники” в старом смысле этого слова, а чиновники – люди и граждане, исполняющие принятые на себя обязанности государственной службы, по мере своих сил и умения, не за страх, а за совесть.

Мы с гордостью видим, что с того момента, когда Вы встали во главе нас, Ваше разумное и твердое руководство проявило себя в подъеме энергии всех подведомственных Вам чинов и упрочило тот порядок, который установился в настоящее время в нашей среде...

Дай Вам Бог, глубокоуважаемый Александр Александрович, доброго здоровья, сил и благополучия на долгие годы».

Булгаков поблагодарил своих подчиненных, заметив при этом:

«Переживаемое время – не время для личных чествований...».

Вскоре в руководимом Булгаковым ведомстве, как и во всей Российской империи, наступили насыщенные крупными событиями времена.

Отречение Николая II и установление в бывшей Российской империи демократической республики все чины ведомства Нижегородской казенной палаты встретили с воодушевлением. Без колебаний они дружно решили служить новой власти.

В самом начале 1917 года секретарь Нижегородской казенной палаты А.С. Глинка доложил ее управляющему А.А. Булгакову:

«...При малейшей возможности, по достижении некоторого опыта в канцелярском деле, такие лица немедленно меняют службу на более обеспеченную, а потому случаи оставления службы писцами и даже классными чиновниками за последнее время становятся повседневным заурядным явлением, даже предложение женского труда, в значительной степени использованное уже Палатою, сократилось»...

4 марта 1917 года А.А. Булгаков телеграфировал в столицу первому министру финансов Временного правительства М.И. Терещенко:

«Доношу Вашему Превосходительству, что в целях поддержки полного порядка при установлении нового строя мною даны необходимые указания Казенной палате, податным инспекторам и казначеям. Последним предложено беспрепятственно оплачивать ассигнования управляющего губернией».

Еще одной депешей А.А. Булгаков донес в столицу директору Департамента Государственного казначейства П.Н. Кутлеру:

«...Мною даны необходимые указания Казенной палате и казначействам. Приняты меры к снабжению касс фондами».

9 марта Булгаков получил телеграмму:

«Состав нижеподписавшихся служащих Княгининского казначейства поздравляют Вас с зарей новой жизни и увлеченный Вашим примером приложит все свои силы для общей дружной работы на пользу дорогой обновленной Родины.

Акатов, Николаевский, Сидоров, Тихомиров, Рождественская, Ромашев, Быков, Поликарпов, Орлов, Архидиаконский, Владимирский, Тихонов, Балахонов, Долгов, Романов, Мохов, Матвеев, Петров».

Подобного содержания телеграммы поступили изо всех уездных казначейств губернии...

Отдавать высочайшие приказы по империи теперь было уже некому... После отречения Николая II Временное правительство 11 марта 1917 года приняло Постановление «О порядке определения к должности по государственной службе и увольнения от нее» применительно к новым условиям.

Определение к должности первых трех классов совершалось указами Временного правительства Правительствующему сенату.

К должностям IV класса определение совершалось тоже указами Временного правительства, но объявленными в «Вестнике Временного правительства».

Определение к должностям V и VI классов производилось властью министров и главноуправляющих отдельными частями министерств с объявлением о том в приказах по министерству либо его главному управлению.

Тот же порядок действовал при определении к должностям ниже VI класса, которые по еще царских

времен закону замещались властью министров и главноуправляющих отдельными частями.

Определение к должностям, которые раньше замещались властью директоров министерских департаментов либо начальников равных им учреждений, осуществлялось той же властью. О состоявшемся определении объявлялось в приказах по департаменту или учреждению.

Если по закону определение к замещению каких-либо должностей осуществлялось властью губернских установлений, то и в новых условиях оно производилось прежним порядком с объявлением в «Губернских ведомостях».

С наступлением «Весны Свободы» мелкое и среднее чиновничество всех гражданских министерств и ведомств попыталось перейти от *«старых порядков»* к *самоуправлению*. В службе, теперь уже не государевой, наступил неимоверный хаос: чиновники перестали почитать своих начальников. Все они теперь были *равноправными гражданами* свободной России...

Все государственные служащие были приведены к присяге Временному правительству. Новая власть сразу же отменила титулование чиновников любого ранга: все они теперь стали не «благородиями» и «превосходительствами», а просто «гражданами».

Классные чины остались, но награждение орденами производилось теперь только за воинские заслуги.

9 марта 1917 года состоялось первое общее собрание чинов Нижегородской казенной палаты, губернского казначейства, податных инспекторов Нижнего Новгорода и первого участка Балахнинского уезда вместе с делопроизводителями их канцелярий. В протоколе того собрания записано:

«Присоединив свои мысли и чувства к освобождению России от гнета варварского строя, собрание признало, что гражданский долг чиновничества обязывает их всех без изъятия служить новому строю всеми своими силами, всячески содействуя с одной стороны поддержанию полного порядка и процветания свободной Родины.

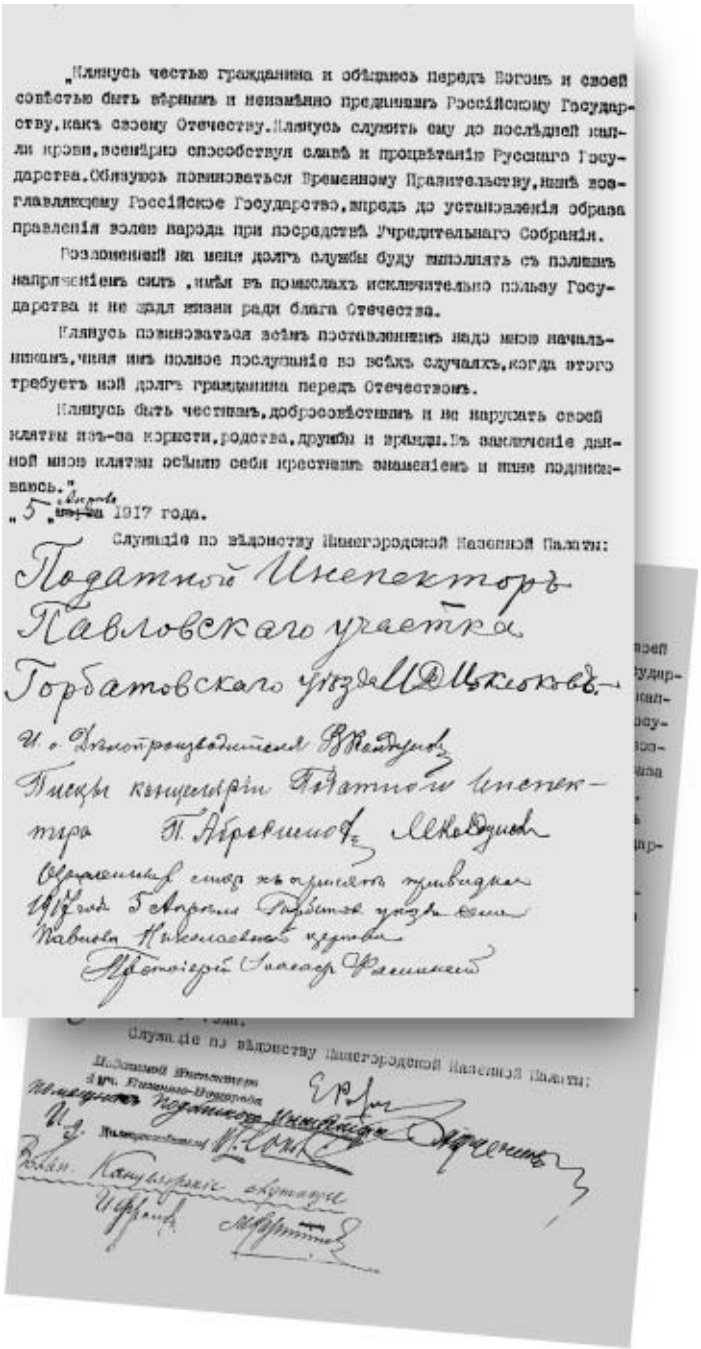
Отныне, считая себя полноправными гражданами, не связанными теми бесчисленными путами, которыми старое правительство старалось обезличить чиновничество, сделать его своим рабом, собрание нашло, что для укрепления нового строя, а также на случай проявления самовластия со стороны отдельных лиц, свойственного отжившему строю и направленного на восстановление его, служащие в правительственных учреждениях должны организовываться и слиться в профессиональном союзе как единственном защитнике их служебно-правовых и материальных нужд.

Вместе с тем собрание признало, что для удовлетворения нужд служащих по ведомству Нижегородской казенной палаты необходимо создать местную ведомственную организацию их, учредив, на выборных началах, исполнительный комитет, на обязанности которого лежали бы: 1) забота о духовном перевоспитании чиновников в соответствии с новым свободным строем, 2) ведение назначений, перемещений и увольнений служащих, 3) создание примирительной камеры, 4) распределение пособий, прибавок и наградных и 5) забота о расходовании хозяйственных сумм на строго общественных началах».

Чиновники приняли эту декларацию единогласно и долго аплодировали ей и своим чаяниям о службе фактически без начальника...

В мае 1917 года союз служащих Балахнинского уездного казначейства обратился к коллегам по ведомству Нижегородской казенной палаты с воззванием:

«Зачем нам старое тяжелое ярмо, хотя бы починенное и подновленное, оно недолго продержится таким, постареет и потяжелеет еще хуже. У нас есть возможность не починять и не класть заплаты на старье, а строить новую жизнь по-новому, чего и кого бояться, неужели себя и своего лучшего будущего? Нечего бояться народовластия и ограничивать себя даже в деле устройства своей жизни!»

Присягу Временному правительству дал каждый служащий ведомства Нижегородской казенной палаты

Балахнинцы единогласно постановили признать желательным и необходимым, чтобы созданные повсеместно комитеты служащих стали не совещательными *(при начальниках учреждения)*, а *решающими* органами.

12 июля 1917 года за подписями временно управляющего Министерством финансов А.Г. Хрущова и директора Департамента Государственного казначейства Г.Д. Дементьева был издан циркуляр № 7605:

«Из поступивших за последнее время в Министерство финансов донесений казенных палат, коллективных и единоличных заявлений и жалоб служащих в палатах и казначействах усматривается, что в некоторых палатах и казначействах расстроился нормальный порядок служебной деятельности учреждений и установившиеся между служащими взаимоотношения грозят подорвать правильное ведение дела.

Большинство сообщений касается смещения старших служащих, назначения на новые должности по выбору служащих, улучшения материального положения, а также вопросов участия служащих в решениях, касающихся их вознаграждения, выдачи пособий, собраний для обсуждения их нужд и т. п.».

В ведомстве Нижегородской казенной палаты, нравы чиновничества которого явно «повредились», тоже кипели страсти. Но ее управляющему действительному статскому советнику А.А. Булгакову и губернскому казначею статскому советнику С.В. Коридалину удалось все-таки удерживать в своих руках бразды правления...

30 октября 1917 года умер балахнинский уездный казначей коллежский советник А.И. Эвергетов. Свою многотрудную должность Александр Иринархович замещал более полутора десятков лет.

Октябрьский переворот нижегородские финансисты восприняли крайне негативно: власть большевиков они считали незаконной. 1 ноября 1917 года Коридалин донес Булгакову:

«...Общим собранием служащих вверенного мне казначейства постановлено в связи с захватом власти большевиками с сего 1 ноября прекратить занятия в казначействе на неопределенное время впредь до восстановления в Н. Новгороде нормального порядка жизни».

Правда, уже через три дня все подчиненные нижегородского губернского казначея приняли решение открыть операции своего казначейства в полном объеме тогда же. Новой власти денег они не давали. Но сила солому ломит...

Вскоре во всем ведомстве Нижегородской казенной палаты начались вызванные действиями большевиков революционные потрясения. 1 ноября 1917 года общее собрание служащих Нижегородской казенной палаты приняло резолюцию:

«В то время как страна, уже давно раздираемая на части классовой враждой, ненавистью, злобой, разоренная и уничтоженная в конец, находится в предсмертной агонии своего государственного бытия, безответственная кучка людей, под священным знаменем свободы, путем дикого насилия и произвола стремится захватить в свои руки верховную власть, ввергнуть страну окончательно в пропасть анархий».

Александр Николаевич Кругликов

Чиновники выразили свой глубокий «протест против узурпации власти большевиками». Их выступление с оружием в руках они признали «государственным преступлением перед настрадавшейся Родиной».

Всякое соглашение с большевиками собрание постановило считать преступным. Оно призвало всех граждан «присоединиться в единодушном протесте против предательства Родины накануне желанного для всех Учредительного собрания».

Через 10 лет после тех событий А.Н. Кругликов в своих воспоминаниях писал:

«Весть о захвате власти в гор. Н. Новгороде большевиками быстро распространилась по городу. На следующий же день в Казенной палате было созвано общее собрание служащих. Предметом обсуждения... был поставлен вопрос об отношении к новому правительству. Надо отметить, что служащие Казенной палаты в то время плохо разбирались в политике. Большинство из них или совершенно не были знакомы с программой партии, или имели о ней самое смутное представление.

По инициативе небольшой группы эсеров, руководимой быв[шим] начальником IV отделения Палаты Поливановым внесено было предложение в виде протеста против новой власти объявить забастовку на 3 дня. Но такое предложение эсеров большинством не было принято.

После долгих дебатов собрание вынесло приблизительно следующее постановление: “Прекратить, в виде протеста, занятия в Казенной палате, за исключением III отделения как непосредственно связанного с операционной работой казначейства”.

Таким образом, операционная работа в Казначействе и Казенной палате даже и после переворота не прекращалась ни на один день.

В конце ноября, вскоре после назначения тов. Акимова комиссаром в Государственный банк, был назначен тов. Воробьев комиссаром Нижегородского казначейства. Вскоре после этого стало известно, что и в Казенную палату будет назначен комиссар.

30 января 1918 года явился в Казенную палату тов. П.Е. Иванов с мандатом от губисполкома о назначении его комиссаром Казенной палаты. Управляющий

Сергей Александрович Акимов

Борис Дмитриевич Покровский

Казенной палатой Булгаков и его помощник Мощанский были устранены от должностей.

Замена руководителей Казенной палаты новыми лицами никакого протеста со стороны служащих не вызвала. Благодаря тактичности и доброжелательного отношения тов. Иванова ко всем служащим Палаты, изъявившим желание работать при новом правительстве, работа Казенной палаты пошла тем же темпом, как она шла и ранее».

Одним из первых шагов нижегородских большевиков после октябрьского переворота в Петрограде стала попытка взять под свой контроль местную контору Государственного банка. Она завершилась успешно.

22 ноября 1917 года с мандатом Нижегородского губернского исполнительного комитета в контору вместе с Я.З. Воробьевым и вооруженными красногвардейцами явился комиссар по банковским делам С.А. Акимов. После многодневного яростного сопротивления госбанковцев Сергею Александровичу удалось поставить это важнейшее кредитно-финансовое учреждение под контроль Нижгубисполкома. Работа конторы пошла своим чередом.

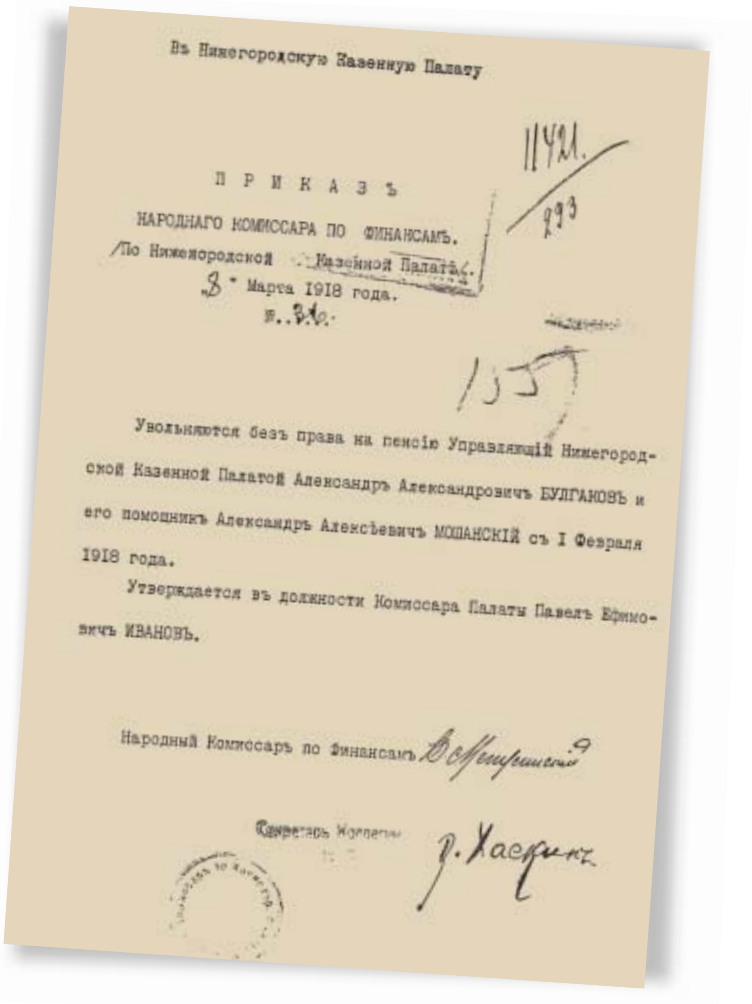
Бывший секретарь Нижегородской казенной палаты Б.Д. Покровский так вспоминал через 10 лет о событиях ноября 1917 года:

«Нам, чиновничеству, в большей массе политически безграмотному (ибо нельзя считать серьезными знаниями отрывочные и скудные обрывки политических знаний, которых мы между делом нахватались после первых “свобод”), особенно тяжело было разобраться в нахлынувшем, как казалось, хаосе, уничтожившем всякие грани между фантастикой и действительностью...

Конечно, как и всех, нас занимал главный вопрос: надолго ли? Кто – кого? Все растерялись. Наконец, “ручательство”, что все кончится через 2–3 недели, определило нашу позицию – мы забастовали. Беспримерный случай: машина, которая веками шла по рельсам, сошла с них.

Было и жутко и интересно: мы в первый раз играли в “большинство”, а потому забастовка началась дружно, с большим подъемом. В нашей Казенной палате... были оставлены на работе казначейство и бухгалтерское отделение для денежных операций и я – для принятия и отправки срочной почты.

Конец этой забастовке наступил скорее, чем мы ожидали: когда пришло время платить жалованье, комиссар Нижегородской конторы Государственного банка тов. Акимов распорядился выдать жалованье Казначейству и банку, где операции не прерывались, и сверх того – нагрузку (если не ошибаюсь, по 500 руб. каждому служащему...).

Въ Нижегородскую Казенную Палату

11421.
293

ПРИКАЗЪ

НАРОДНАГО КОМИССАРА ПО ФИНАНСАМЪ.

По Нижегородской Казенной Палатѣ.

3 Марта 1918 года.

№ 3.6.

135

Увольняются безъ права на пенсію Управляющій Нижегородской Казенной Палатой Александръ Александровичъ БУЛГАКОВЪ и его помощникъ Александръ Алексѣевичъ МОЩАНСКІЙ съ 1 Февраля 1918 года.

Утверждается въ должности Комиссара Палаты Павелъ Ефимовичъ ИВАНОВЪ.

Народный Комиссаръ по Финансамъ

Секретарь Коллегіи

Из фондов Центрального архива Нижегородской области

Яков Зиновьевич Воробьев

Нина Георгиевна Остроумова

Яблоко раздора было брошено и сейчас же принесло свои плоды – после общего собрания было принято решение отправить к тов. Акимову депутацию – и забастовка наша закончилась.

Первым комиссаром в Казенной палате был П.Е. Иванов. Я по своей должности попал в "первый огонь" и очутился между Сциллой и Харибдой: с одной стороны – требования управляющего, всеми корнями оставшегося в прошлом, с другой – горячий, убежденный комиссар П.Е. Иванов.

Прежде всего возник вопрос: кому из этих двух лиц нужно делать личный доклад? Кто из них старший по службе? Управляет комиссар или только присутствует "при докладе" и наблюдает?

Не забыто было и чисто канцелярское "местничество": "чья подпись ставится впереди на бумаге?". Все эти недоразумения разрешились сразу: тов. Иванов собрал служащих Казенной палаты и на этом собрании произнес речь, в которой ознакомил нас с природой новой власти, ее требованиями к нам как служащим и в меру пригрозил всем карами за нерадение по службе и саботаж, если таковые будет обнаружены.

Как мы стали работать при новой власти? Да так же, как и прежде: каждый делал свое дело по мере своих сил. Мало-помалу П.Е. Иванов приглядывался к нам, узнал, что мы, рядовые труженики, не саботируем. Даже перестал выкладывать револьвер на стол»...

Комиссарами Нижегородского губернского казначейства губисполком назначил сначала Я.З. Воробьева, а затем Н.Г. Остроумову. Однако уже вскоре должность комиссара в казначействе была упразднена: комиссар Иванов уверенно контролировал все ведомство Нижегородской казенной палаты.

Без Казенной палаты и казначейств

19 февраля 1918 года на заседании Нижегородского губернского исполнительного комитета (НГИК) для решения текущих вопросов была образована финансовая комиссия. В нее вошли С.А. Акимов, П.Е. Иванов, М.М. Карклин, П.П. Белов и В.И. Сибиряков. Губисполком постановил, что всем им необходимо «немедленно приступить к отправлению своих обязанностей». Однако *самостоятельно существующим органом* финансовая комиссия НГИК не стала.

Это было время полной неразберихи в организации нового государственного устройства. 16 марта 1918 года помощник начальника Главного управления неокладных сборов В. Новожилов в доверительном письме помощнику наркома финансов РСФСР Д.П. Боголепову отметил:

«Высший совет народного хозяйства очевидно уже узурпировал и использует во всю полноту власть. Фактически Высший совет народного хозяйства взял на себя законодательную власть. Кажется, младенцу должно быть понятно, что многовластие ведет к анархии... И, конечно, в области финансов результаты будут скорее всего видны.

Если народное правительство серьезно желает приступить к созданию хотя бы признака порядка, если оно действительно хочет упрочения финансов, то ясно, что не цифровые материалы следует представлять Высшему совету народного хозяйства, а прежде всего "взять быка за рога" – решить кардинальный вопрос о допустимости узурпирования власти в области финансового управления какими-либо органами.

Поэтому мне думается, что необходимо: или доложить на съезде Советов или Совете народных комиссаров о самочинно изданных Высшим советом народного хозяйства "постановлениях" (по существу они декреты) и настоять на немедленной их отмене с запрещением подобного "озорства" на будущее время... Иначе нас обкорнают и пообщипают так, что и в сущности нечего [будет] делать Комиссариату по финансовым делам»...

Подобное стремление хозяйственников подчинить себе все существующие финансовые учреждения имело место и во всех губерниях. 17 апреля 1918 года президиум Нижегородского губернского совета народного хозяйства (НГСНХ) уведомил президиум Нижегородского губернского исполкома во главе с И.Р. Романовым:

«На основании декрета Совета народных комиссаров, утвержденного 7-го декабря 1917 г., и телеграмм Высшего совета народного хозяйства для управления всеми учреждениями Комиссариата финансов в пределах Нижегородской губернии Советом народного хозяйства 16 сего апреля избрана коллегия из трех лиц в составе товарищей Германа Самуиловича Биткера, Петра Поликарповича Белова, Николая Георгиевича Ветошникова, о чем согласно постановления того же Совета доводится до Вашего сведения».

Одновременно президиум НГСНХ отправил депешу в Петроград народному комиссару по финансовым делам РСФСР В.Р. Менжинскому и главному комиссару-управляющему Народным банком РСФСР А.П. Спунде. В ней сообщалось, что избранная коллегия является ответственной перед Наркомфином и Высшим советом народного хозяйства РСФСР.

Так возник финансово-контрольный отдел НГСНХ во главе с Беловым, которого уже вскоре сменил Мелешко.

Нижегородскому губисполкому новый орган подотчетен не был. Естественно, властям губернии, с первых дней большевистского переворота озабоченных поиском финансовых средств, терпеть подобное учреждение, стоявшее фактически наравне с губисполкомом, явно не захотелось.

В протоколе заседания расширенного президиума Нижгубисполкома от 22 апреля 1918 года записано:

«Товарищем Романовым было указано много примеров, из которых видно, что Совет народного хозяйства во многом расходится с исполкомом и даже игнорирует таковой...».

Поддержавшие Ивана Романовича ораторы привели конкретные примеры многочисленных случаев неподчинения хозяйственников решениям губисполкома. Поэтому было решено:

«Отменить постановление Совета народного хозяйства о создании коллегии по управлению всеми учреждениями Комиссариата финансов в пределах Нижегородской губернии, о чем телеграфно от исполкома сообщить во все высшие учреждения, в которые Совет народного хозяйства обратился за утверждением этой коллегии».

16 мая Романов уведомил президиум НГСНХ:

«...Избранная Советом народного хозяйства коллегия для управления всеми учреждениями Комиссариата финансов в пределах Нижегородской губ. в силу постановления исполнительного комитета от 22 апреля с. г. подлежит аннулированию».

Хозяйственники попытались возражать и сопротивляться, настаивая на своем решении проблемы руководства финансовыми учреждениями. Однако губисполком оказался сильнее.

В мае 1918 года состоялся Всероссийский съезд представителей финансовых отделов местных Советов. Собравшиеся в Москве делегаты (среди них были нижегородцы Акимов и Иванов) приняли проект декрета о реорганизации финансово-налоговых учреждений:

«Казенные палаты и губернские акцизные управления как самостоятельные губернские финансовые

Члены Нижегородского губисполкома. Лето 1918 года. Фото М.П. Дмитриева.
Первый ряд: П.К. Васильев, Д.М. Данилов.
Второй ряд: Я.З. Воробьев, К.Г. Хахарев, В.И. Сибиряков, С.М. Кузнецов, И.Р. Романов, С.А. Левит, А.С. Самохвалов.
Третий ряд: М.М. Красовский, А.Д. Костин, И.Л. Коган, М.А. Воробьев, С.А. Акимов, Е.А. Дунаев, П.А. Комаров, М.М. Карклин

учреждения упраздняются и переходят в ведение финансовых отделов».

Согласно господствовавшему среди участников того съезда настроению, казенные палаты должны были реорганизоваться в отделы государственных доходов и расходов финансового отдела губернского исполкома.

Проект этого декрета Совет народных комиссаров РСФСР не утвердил. Однако многие его положения уже вскоре были претворены в жизнь.

9 июня 1918 года президиум НГИК заслушал вопрос «Об организации финансового отдела». Член президиума большевик Карклин в своем докладе отметил:

«Финансовая политика, какая велась раньше, т. е. полная бессистемность, дальше продолжаться не может. Нужно в этой области раз [и] навсегда поставить точную и определенную политику».

Товарищи Мартына Мартыновича по его докладу постановили:

«Поручить президиуму, чтобы он наметил лиц для финансовой комиссии, которых представить на утверждение исполкома».

Еще через два дня президиум НГИК заслушал вопрос об организации своего отдела финансов. Докладчиком выступил комиссар Акимов. Сергей Александрович резюмировал:

«Финансовый отдел должен взять все руководство финансовой политикой в губернии, цель этого отдела – улучшение финансового дела, налогового аппарата, единство управления финансами. Отдел этот должен быть в ответе перед [губернским] исполкомом».

Тут же была избрана комиссия в составе С.А. Акимова, П.Е. Иванова и Е.М. Канторовича. Ей поручалось разработать проект положения о финансовом отделе Нижегородского губернского исполнительного комитета.

15 июля президиум НГИК заслушал сделанный Акимовым доклад. Предложенный возглавляемой им комиссией проект положения о губернском финотделе был принят с незначительными поправками. В принятом решении специально отмечено:

«Правление финансового отдела должно быть коллегиальное».

Акимов стал первым руководителем (председателем) образованного таким образом Нижегородского губфинотдела. В организации отдела приняли участие личный секретарь Сергея Александровича чиновник Нижегородской казенной палаты Ф.А. Лбов, его коллеги по Палате А.Н. Кругликов и В.В. Дианин.

Созданный во главе с комиссаром Акимовым Нижегородский губернский отдел финансов местным органом Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР не являлся: он лишь *контролировал* деятельность

учреждений НКФ РСФСР, оставшихся от прежних времен, на территории Нижегородской губернии. Состоял тот отдел из коллегии и секретариата, оперативно-распорядительных функций не имевших.

На сей раз Нижгубсовнархозу пришлось сдаться. В своем общем собрании 17 июля по докладу Мелешко хозяйственники постановили:

«...Финансово-контрольный отдел является посторонним в организации Совета народного хозяйства, вызывает лишь обывательский гнев и надлежащее место он может занять лишь в комиссариате финансов».

Поэтому было решено обратиться к Нижгубсовдепу с предложением о передаче этого отдела в ведение комиссариата финансов, делегировав своего представителя.

Местные советские власти всех уровней казенные палаты и уездные казначейства люто ненавидели: функционально эти учреждения *им не подчинялись*. Желанием терпеть на своей территории существование денежных хранилищ, из которых без разрешения Центра нельзя получить ни копейки, губернские и уездные исполкомы явно не горели.

25 марта 1918 года комиссар Нижегородской казенной палаты П.Е. Иванов вынужден был обратиться за помощью к губисполкому:

«...Случаи вмешательства советов во внутренние распорядки в уездных казначействах уже имели место в некоторых казначействах Нижегородской губ. Так, например: 1) совет в селе Городце, Балахнинского уезда, не считаясь с протестом казначея Городецкого казначейства, произвел из казначейства выемку 35 тысяч рублей, принадлежащих частным лицам, 2) бюро труда в Ардатове обязало казначея производить прием и увольнение служащих этого казначейства только с разрешения бюро»...

К лету 1918 года количество пенсионеров, получавших свои пенсии через Нижегородскую казенную палату, превысило 12 тысяч. Ежемесячно к кассовым окошкам губернского и всех уездных казначейств губернии приходили вдовы чиновников, офицеров, погибших нижних чинов, сами отставные чиновники, офицеры и священники.

Сведения о каждом получателе пенсии заносились в особые алфавитные книги, которые велись служащими пенсионного делопроизводства Палаты.

Пенсии по выданным Казенной палатой пенсионным книжкам выплачивались губернским и уездными казначействами. Подобный порядок существовал практически с екатерининских времен.

Согласно одному из декретов, все пенсионное дело подлежало передаче из казенных палат в ведение местных органов Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР. Нижегородским губернским комиссаром социального обеспечения была Н.Г. Остроумова, еще недавно комиссарствовавшая в Нижегородском губернском казначействе.

Советская власть сразу же решила установить в пенсионном деле новый порядок и революционную справедливость. 31 июля 1918 года народный комиссар социального обеспечения РСФСР А. Винокуров спустил циркулярное распоряжение № 42 Остроумовой и ее коллегам из других губерний. Для учета и регулирования пенсий, подготовки передачи всего пенсионного дела в руководимый им наркомат Винокуров предписал местным комиссарам социального обеспечения:

«1) запросить от всех ведомств, казенных палат, пенсионных сберегательно-вспомогательных, эмеритальных и т. п. касс сведения о выдаваемых ими пенсиях.

2) пересмотреть старые пенсии и выдавать их лишь нетрудоспособным и не имеющим средств к существованию.

3) предложить всем ведомствам и учреждениям, а равно пенсионным, сберегательно-вспомогательным, эмеритальным и т. п. кассам представить пенсионные дела на рассмотрение местных комиссариатов социального обеспечения.

4) пенсии назначать лишь нетрудоспособным и не имеющим источников существования.

5) отменить выдачу пенсий за ордена, выслугу лет слугам царского и соглашательского режима, духовенству и т. п. лицам.

6) подготовить на местах аппараты для принятия в комиссариаты социального обеспечения всего пенсионного дела от всех ведомств, учреждений, пенсионных и т. п. касс».

Приближалась ликвидация казенных палат, из которых пенсионное дело в части ассигнований и перевода пенсий предстояло передать губернским финансовым отделам...

В докладе, который комиссар Иванов 6 июня 1918 года представил Нижегородскому губкому РКП(б), комиссар Казенной палаты констатировал:

«Совместная работа комитетом служащих протекает нормально; никаких выступлений, указывающих на стремление противодействовать Советской власти не наблюдалось».

23 сентября «боевого восемнадцатого года» член коллегии губернского отдела финансов Канторович доложил президиуму Нижгубисполкома о выполнении данного ему поручения:

«Несколько месяцев тому назад я был вами делегирован временно для работы в финансовой коллегии... Между тем, образование такого отдела уже требовалось самой жизнью, также в области финансовой политики у нас в губернии был полный развал...

Началось выправление линии по всем пунктам. Советы, до недавнего времени расходовавшие [средства] совершенно бессистемно, знавшие только один источник доходов – контрибуции, не считавшие... нужным вести никаких бухгалтерских записей, стали под нашим давлением и руководством вести свои дела более правильно. В настоящее время у нас уже за некоторым исключением имеются почти все сметы уездных совдепов...

Также вырабатывается под нашим руководством система местного обложения, которая должна окончательно заменить систему контрибуций, к сожалению, пустившую у нас по губернии глубокие ростки. С системой контрибуций мы ведем самую жестокую борьбу, считая ее пагубной во всех отношениях.

Также уездные советы под нашим давлением заводят более или менее правильную бухгалтерию и

отчетность. Нами принимаются меры к соблюдению декрета о единстве кассы, и теперь большинство совдепов держит свои вклады в казначействах...

В смысле правильного и своевременного распределения кредитов отделом достигнуты, в полном смысле этого слова, наилучшие результаты».

Ефим Маркович сказал и о первых шагах организованного отдела финансов Нижегородского губернского исполнительного комитета:

«Кое-как раздобыв ничтожные средства, почти гроши, мы создали этот отдел и приступили к работе. Но уже на первых порах С.А. Акимов вследствие трений, возникших между ним и исполкомом, или вследствие других причин... фактически совершенно отстранился от работы в отделе... Я же был завален текущей работой... Разумеется, для творческой, созидательной работы не оставалось ни времени, ни возможности...».

Остававшиеся на местах старые учреждения местным совдепам не подчинялись. Возникавшие же финансовые отделы губернских и уездных исполкомов не были «введены в сеть» Народного комиссариата финансов РСФСР. Из-за этого часто возникали трения: местные Советы, являвшиеся органами государственной власти, не вмешиваться в деятельность финансовых учреждений на их территориях не могли. Последние же, им не подчиненные, обо всех случаях вмешательства в их деятельность доносили Центру. Там жалобы местных финансовых учреждений (старых) чаще всего признавались справедливыми. Поэтому постановления совдепов Центром обычно объявлялись незаконными и отменялись. Естественно, у местных властей после этого возникало недовольство и недоверие к распоряжениям Центра.

Вместо ушедшего 1 октября 1918 года в отставку Акимова заведующим Нижегородским финансовым отделом был утвержден Канторович.

В истории финансовой системы России начался краткий, но очень бурный «ликвидационный период».

Местные финансовые учреждения требовалось, как тогда говорили, ввести «в общий строй» всех советских учреждений на территории губернии.

31 октября 1918 года Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял декрет «Об организации финансовых отделов губернских и уездных комитетов советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Этим декретом утверждалось Положение о вновь организуемых на местах отделах. С введением его в действие казенные палаты, губернские акцизные управления и финансовые органы местных самоуправлений подлежали упразднению.

Финансовый отдел губернского исполкома состоял из трех подотделов: сметно-кассового, прямых налогов, косвенных налогов – и секретариата.

В уездных финотделах (УФО) подотделов было два: сметно-кассовый и налоговый при общем секретариате. Коллегия им не полагалась.

Губфинотделы подчинялись как своему губисполкому, так и НКФ РСФСР. Они руководили деятельностью уездных финансовых отделов.

Возникать уездные финотделы на территории Нижегородской губернии начали еще раньше. Обычно они организовывались на базе соответствующих подразделений к тому времени уже упраздненных уездных земских управ. Балахнинский уездный финансовый отдел, например, начал функционировать уже 19 сентября 1918 года под председательством А.В. Анисимова. К концу года штат отдела состоял из 15 человек. Почти два года Балахнинский УФО существовал *параллельно* с Балахнинским и Городецким казначействами.

Последний управляющий Нижегородской казенной палатой Павел Петрович Ивашкевич. 1918 год

В августе 1918 года Нижегородскую казенную палату возглавил присланный из Москвы служивший до этого вице-директором Департамента окладных сборов бывший действительный статский советник П.П. Ивашкевич.

Всю основную подготовительную работу по организации Нижегородского губернского финансового отдела (НГФО) провел начальник III отделения Казенной палаты бывший статский советник А.Н. Кругликов. Приказом наркома финансов РСФСР Н.Н. Крестинского № 263 от 16 декабря 1918 года он был назначен заведующим сметно-кассовым подотделом НГФО. В служебной характеристике, данной Александру Николаевичу управляющим Казенной палатой Ивашкевичем, отмечено:

«Исключительная энергия и работоспособность, служебный опыт и знание дела выдвинули его из среды остальных инспекторов Нижегородской губернии... В должности начальника III отделения Кругликов проявил ту же энергию и усердие, которые неизменно отличали его среди других чинов податной инспекции...

Большой служебный опыт, знание дела и интерес к вопросам податного обложения, неослабевающий в г. Кругликове с выходом из состава податной инспекции, делают его ценным участником всех заседаний общего присутствия Палаты и служат гарантиею в том, что во всех случаях, где ему по обязанностям службы пришлось бы замещать управляющего Палатою, он сумеет, с присущим ему служебным тактом, использовать свои полномочия в интересах дела».

Через 9 лет сам Александр Николаевич так вспоминал об образовании Нижегородского губернского финансового отдела:

«Весь этот отдел первое время состоял из нескольких лиц. Сотрудники для него откомандировывались

Нижний Новгород. Улица Сергиевская, 12.
Первое здание (с лета 1918 года)
Нижегородского губернского отдела финансов. Перестроено.
Фото 2002 года

из учреждений приказом тов. Акимова. Помещался этот отдел на углу Сергиевской и Ильинки.

В число этих сотрудников попал и автор воспоминаний, откомандированный из Казенной палаты и занимавший в это время должность начальника III отделения Палаты.

В числе первых сотрудников в финансовом отделе, кроме меня, работали тт. Лбов, Канторович и Дианин».

3 декабря 1918 года «Нижегородская коммуна» опубликовала извещение за подписями заведующего Нижгубфинотделом Е.М. Канторовича и заведующего канцелярией вновь организованного учреждения В.В. Дианина:

«На основании декрета [Совета] народных комиссаров и Положения об организации губернских финансовых отделов совдепов с 1-го декабря сего года III отделение Нижегородской казенной палаты упраздняется и вместе с тем при губернском отделе финансов организуется сметно-кассовый подотдел.

Все лица и учреждения, имеющие сношение с Казенною палатой по кредитам (открытие кредитов, закрытие их и разассигнование их), а также по всем сметным вопросам должны обращаться с указанного времени в этот подотдел, который будет находиться на углу Большой и Малой Печерки в здании Казенной палаты, ход с Большой Печерки (телефон 60)».

В этот же подотдел со следующего года нужно было обращаться и по делам о назначении пенсий.

На базе всех остальных отделений Нижегородской казенной палаты в составе Нижгубфинотдела был организован подотдел прямых налогов и пошлин во главе с бывшим управляющим Палатой Ивашкевичем. Руководимый Павлом Петровичем подотдел размещался в здании, в котором еще совсем недавно находилась Казенная палата.

С нового года Нижегородской казенной палаты уже не существовало. Так завершилась, *день в день*, ее 138-летняя история. Павел Петрович стал *последним* управляющим этим учреждением.

1 января 1919 года было упразднено и Нижегородское губернское акцизное управление. Вместо него в составе Нижгубфинотдела появился руководимый Н.Ф. Тимоновым подотдел косвенных налогов. Находился он в здании казенного винного склада на Острожной площади.

После упразднения Казенной палаты все ее чиновники перешли на службу в Нижегородский губфинотдел. А.Н. Есин стал помощником заведующего сметно-кассовым подотделом по кассовой секции. П.В. Голованов, возвратившийся из полевого казначейства при Управлении начальника тяжелой артиллерии особого назначения Красной армии, служил теперь инструктором-ревизором по казначейской части. Канцелярией подотдела заведовал бывший податной инспектор В.М. Рубинский.

Общего присутствия, как прежде в Казенной палате, у Нижегородского губфинотдела не было – его функции перешли к коллегии под председательством Канторовича. Членами коллегии стали А.Н. Кругликов, П.П. Ивашкевич, Н.Ф. Тимонов и представитель Нижегородской губернской учетно-контрольной коллегии бывший чиновник Казенной палаты В.А. Коневский.

Объявленное слияние казначейств с местными учреждениями Народного банка РСФСР затянулось.

Управляющие Нижегородской казенной палатой (1866—1918 годы)

Ф.И.О.	Классный чин	Годы руководства Палатой
Василий Евграфович Вердеревский	Действительный статский советник	1866—1867
Петр Петрович Иванов*	»	1867—1872
Николай Моисеевич Зайцев	»	1872—1878
Александр Иванович Лебедев	»	1878—1898
Николай Николаевич Нечаев	»	1898—1912
Александр Александрович Булгаков	»	1912—1918
Павел Ефимович Иванов**	—	1918
Павел Петрович Ивашкевич	Действительный статский советник	1918

* *П.П. Иванов возглавлял Нижегородское губернское акцизное управление. После отстранения от должности В.Е. Вердеревского управлял и Нижегородской казенной палатой.*
** *Комиссар-управляющий.*

Владимир Михайлович Рубинский

Василий Алексеевич Коневский

3 января 1919 года «Нижегородская коммуна» поместила информацию:

«Губотфином получен циркуляр с требованием представить свои соображения по вопросам о помещении, личном составе, расходах и др. для будущих учреждений, составляющихся из казначейств и учреждений Народного банка.

Общая работа по слиянию и установлению единообразного плана производства операций, в исполнение декрета от 31 октября, идет в Центре, который надеется ее окончить в первой половине января».

В условиях охватившего всю страну послереволюционного хаоса грабежи стали повальными. В самом конце 1918 года на выходе из здания Нижегородской конторы Народного банка РСФСР, в котором размещалось и губернское казначейство, двое налетчиков ударили по голове кассира Нижегородского военно-морского порта Сергея Крамма. Они выхватили у него портфель с только что полученными в казначействе 28 тысячами рублей и скрылись...

Губернское и уездное казначейства пока что оставались неупраздненными, продолжая функционировать в прежнем режиме и со старой структурой. Да и люди их возглавляли в основном те же, что и до переворота. Теперь казначейства подчинялись уже НГФО.

10 января 1919 года коллегия Нижгубфинотдела утвердила в занимаемых должностях руководителей подведомственных казначейств.

Старших бухгалтеров Ардатовского уездного казначейства А.В. Васина и Городецкого казначейства И.В. Токарева коллегия постановила, «не утверждая в должности, допустить к исправлению таковой». Вопрос об утверждении старшего бухгалтера Починковского уездного казначейства Л.Д. Куликова решено было оставить открытым – «впредь до окончания о нем следствия»...

20 августа коллегия утвердила в должности заведующего сметно-кассовым подотделом НГФО бывшего помощника управляющего Нижегородской казенной палатой А.А. Мощанского.

Эпидемии свирепствовали повальные. 13 октября 1919 года умер васильский казначей Сулямин, 8 ноября – семеновский казначей Гуляев. В том же году не стало и павловского казначея Пошина...

Руководящий состав казначейств (начало 1919 года)

Казначейство	Должность	Ф.И.О.
Нижегородское губернское	Казначей Старший бухгалтер	С.В. Коридалин И.Г. Балахонов
Ардатовское уездное	Казначей	Н.А. Фаминский
Арзамасское уездное	Казначей Старший бухгалтер	Н.И. Петров П.А. Шишкин
Балахнинское уездное	Казначей Старший бухгалтер	П.А. Вакулин С.М. Болеславский
Васильское уездное	Казначей Старший бухгалтер	Н.С. Сулямин С.П. Гуляев
Горбатовское в Павловском уезде	Казначей Старший бухгалтер	Н.В. Симаков Н.М. Воскресенский
Городецкое в Балахнинском уезде	Казначей	А.Е. Сабуров
Княгининское уездное	Казначей Старший бухгалтер	А.Е. Акатов А.Л. Славницкий
Лукояновское уездное	Казначей Старший бухгалтер	А.Н. Засыпкин В.И. Кузнецов-Агапов
Павловское уездное	Казначей Старший бухгалтер	И.М. Пошин И.И. Серебренников
Починковское уездное	Казначей	С.А. Знаменский
Семеновское уездное	Казначей Старший бухгалтер	Я.С. Гуляев А.А. Соболев
Сергачское уездное	Казначей Старший бухгалтер	А.И. Николаевский Н.Н. Веселитский

На состоявшемся в конце января 1919 года третьем губернском съезде Советов Канторович выступил с докладом о деятельности руководимого им отдела. Ефим Маркович сказал:

«Финансовый отдел губернского исполкома был уже сконструирован в июне месяце прошлого года, что было [вызвано] самой жизнью советской власти Нижегородской губернии.

На первое время финансовый отдел ставил своей задачей только следить за тем, чтобы местные органы, бывшие Министерства финансов, не нарушали декретов и распоряжений Советского правительства. Самое главное внимание было тогда обращено на Народный банк...

Между тем, нельзя было фактически доверять расходование государственных денег архаичным учреждениям вроде бывшей Казенной палаты. Также окончательно отжили и оказались совершенно непригодными и системы прежних налогов...

Государству же нужны были такие органы на местах, которые, с одной стороны, следили бы за разумным и правильным расходованием народных денег, и, с другой стороны, добывали бы своему государству средства, так как увеличение, все возрастающее, расхода по сравнению с приходом, угрожало привести к катастрофическим результатам.

Для того, чтобы эти задачи разрешить и разрешить их правильно, Совнаркомом был принят декрет как о финансовых отделах губисполкома, так и уездных советов».

В своем докладе президиуму Нижгубисполкома 25 января 1919 года Канторович рассказал о реализации основных положений декрета СНК РСФСР от 31 октября прошлого года:

«...Финансовый отдел при исполкоме является как бы техническим аппаратом, выполняющим как задания самого исполкома, так и предписания центральной власти Комиссариата финансов, осуществляя государственную финансовую политику у себя в губернии...

Мы являемся отделом исполкома и наравне с прочими отделами одинаково подчинены исполкому, поскольку это не идет вразрез с директивами центральной власти. Наша обязанность это снабжение финансами и распределение финансов между отделами и только»...

9 февраля 1919 года «Нижегородская коммуна» опубликовала объявление:

«Губ. отдел финансов просит нас напомнить всем гражданам, что с организацией подотделов его, на Сергиевской улице, № 10, остался лишь секретариат отдела финансов, ведающий общие вопросы финансовой политики, налогового обложения и т. п.

При секретариате же сосредоточены – бюро по управлению банками и делопроизводство комиссии по ликвидации аннулированных государственных займов».

По вопросам ассигновок, смет и бюджетных кредитов заинтересованным организациям предлагалось обращаться к товарищу Кругликову в здание *бывшей* уже Казенной палаты...

24 февраля 1919 года президиум Нижегородского губернского исполнительного комитета назначил члена городского исполкома П.Е. Иванова заместителем заведующего НГФО. 29 сентября 1919 года коллегия НКФ РСФСР утвердила проект нового «Положения о губернских и уездных финансовых органах». Теперь губфинотдел состоял из секретариата, налогового и сметно-расчетного управлений. Последнее же включало сметно-бухгалтерский и расчетно-кассовый подотделы. На эту структуру перешел впоследствии и НГФО. По-прежнему его возглавляли Канторович и Иванов.

Все финансовые учреждения и органы стали перемещаться в роскошное здание Нижегородской конторы Народного (бывшего Государственного) банка РСФСР на углу Большой Покровской улицы и Грузинского переулка. Летом 1919 года сюда было переведено и губернское казначейство, которым по-прежнему руководил С.В. Коридалин. Теперь оно подчинялось губфинотделу. Однако денежные кладовые казначейства оставались под специальным караулом в бывшем вице-губернаторском дворце и только летом 1919 года были переданы военному ведомству...

Во втором номере «Вестника Нижегородского губернского исполнительного комитета» от 10 мая 1919 года была помещена информация о деятельности Нижгубфинотдела:

«Отдел организован согласно декрета от 31 октября 1918 года, распубликованного гораздо позже, так что отдел существует всего 3 ½ месяца. При отделе имеется коллегия, в которую входят лица, специально знающие финансовое дело. Эта коллегия имеет как бы совещательное право ибо заведующий финотделом, ответственный за все финансовое дело, может и имеет право изменять и отменять все постановления коллегии. Этот отдел в настоящее время всегда находится в процессе организации.

Работа отдела заключается в снабжении всех отделов финансами и распределении их между [всеми остальными] отделами и наблюдении за точным соблюдением всех декретов, циркуляров и постановлений по финансовому вопросу центра[льной] власти.

Работа финансового отдела проходила и проходит в тесном контакте со всеми отделами... В отделе имеется секретариат, где находятся заведующий и его канцелярия. При отделе имеются подотделы: сметно-кассовый, прямых, косвенных налогов и отдел банковский».

В здании на Большой Покровской улице размещалось и эвакуированное из столицы в Нижний Новгород отделение Петроградского казначейства.

В самом конце 1890-х годов сверхштатным чиновником особых поручений Нижегородской казенной палаты, а затем податным инспектором Арзамасского уезда служил Л.Л. Оболенский. Затем Леонид Леонидович был назначен непременным членом Нижегородского отделения Государственного крестьянского поземельного банка. Позже служил на Урале. Стал большевиком, членом коллегии НКФ РСФСР, главным редактором «Известий Народного комиссариата финансов».

21 декабря 1919 года Оболенский выступил на страницах редактируемого им периодического издания со статьей «Банк или казначейство?». В ней Леонид Леонидович изложил суть грядущих уже вскоре изменений организационной структуры финансового ведомства Советской России:

«Народный банк перестал существовать в качестве банка с того момента, когда отпала необходимость в нем, как в учреждении кредитном. Но этот же банк продолжал существовать еще и в роли кассового аппарата. Наряду с ним существовал другой, старинный кассовый аппарат – Государственное казначейство. С отпадением кредитных функций банка аппарат его по необходимости должен был либо ликвидироваться, передав небольшую часть своих специальных функций Казначейству, либо поглотить это последнее целиком со всеми функциями кассовой работы.

Решение самое простое и ясное. Два параллельных кассовых аппарата вовсе были не нужны».

Как отметил Оболенский, наступает последний фазис развития аппарата – «объединение всех и старых, и новых функций, не двух даже, а трех старых финансовых органов (отделения банка, казначейства и бухгалтерского отделения Казенной палаты) в одно новое учреждение: сметно-расчетное управление губфинотдела».

Согласно декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 19 января 1920 года Народный банк подлежал упразднению «за ненадобностью». Вместо бывшей его Нижегородской конторы было организовано Сметно-расчетное управление Нижегородского губфинотдела. 1 августа 1920 года в него влилось и официально упраздненное с того числа Нижегородское губернское казначейство. Так Коридалин стал *последним* нижегородским губернским казначеем.

На сметно-бухгалтерский подотдел Сметно-расчетного управления НГФО возлагалось составление общегубернской отчетности не только по приходу, расходу, передвижению сметных доходов, расходов и местных средств, но и по всем прочим операциям сметно-расчетных и кассовых учреждений НКФ. Этот же подотдел составлял общегубернский баланс по системе двойной бухгалтерии.

10 августа 1920 года в помещении бывшего Нижегородского отделения Волжско-Камского коммерческого банка на улице Рождественской, 17 открыл свои операции вновь организованный Нижегородский уездный финансовый отдел во главе с Т.С. Карташевым.

Сдав все дела, документы и ценности, 12 августа Коридалин переместился на должность заведующего сметно-кассовым подотделом Нижегородского УФО. Некоторое время заведовал этим отделом.

Нижегородские губернские казначеи (22 декабря 1779 года – 1 августа 1920 года)

Ф.И.О.	Классный чин	Годы пребывания в должности
Иван Петрович Володимеров	Секунд-майор	1780–1781
Иван Федорович Харитонов	Коллежский асессор	1781–1784
Николай Иванович Протопопов	Секунд-майор	1784–1788
Егор Алексеевич Аверкиев	Статский советник	1788–1819
Петр Михайлович Стремоухов	Коллежский советник	1819
Иван Николаевич Николаев	»	1819–1823
Ермил Костров	Титулярный советник	1823–1826
Степан Ильич Теселкин	Коллежский советник	1826–1839
Сергей Николаевич Гроздовский	Статский советник	1839–1848
Петр Прокофьевич Гущин	Надворный советник	1848–1853
Георгий Григорьевич Бовин	Статский советник	1853–1864
Петр Алексеевич Вавойский	Надворный советник	1864–1866
Игнатий Федорович Бонч-Осмоловский	Статский советник	1866–1897
Владимир Николаевич Лебединский (исправляющий должность)	Коллежский асессор	1897–1898
Сергей Васильевич Коридалин	Статский советник	1898–1920

В начале 1922 года Нижегородский УФО был ликвидирован. Сергей Васильевич стал служить старшим кассиром приходорасходной кассы (бывшего Сметно-расчетного управления) Нижегородского губфинотдела.

15 марта 1922 года в здании бывшего отделения Волжско-Камского коммерческого банка на Рождественской улице начало операции Нижегородское отделение Государственного банка РСФСР. Коридалин был назначен его старшим кассиром. Служил отлично, добросовестно, без каких-либо упущений.

В автобиографии, написанной Сергеем Васильевичем 19 октября 1925 года, говорится:

«Род моей служебной постоянной деятельности, крайне ответственной, тяготить меня не может из-за моей многолетней привычки к трудной кассовой работе».

В ходе начавшихся процессов «окоммунизирования» и рационализации аппарата главного банка Нижнего Новгорода многие опытнейшие его старые специалисты подверглись сокращению. Одним из них оказался и 62-летний бывший статский советник Коридалин. 9 декабря 1928 года Сергей Васильевич покинул службу в системе Госбанка СССР. После этого недолго работал в Нижегородском губфинотделе старшим бухгалтером его бюджетного отдела.

Умер последний нижегородский губернский казначей в 1934 году.

Дочь Сергея Васильевича Ольга долгое время работала в Горьковской областной конторе Госбанка СССР. Сын Сергей был главным бухгалтером Горьковского областного управления государственного страхования. Еще до революции бухгалтером Нижегородского губернского казначейства служил один из братьев Коридалиных Павел...

Уездные казначейства вошли в состав уездных финансовых отделов как их счетно-кассовые подотделы.

После упразднения Народного банка РСФСР и казначейств возникла новая структура, аналогов которой в России прежде не было. В августе 1920 года редактируемые Оболенским «Известия Народного комиссариата финансов» высказали позицию на сей счет руководителей финансового ведомства Республики:

«...Финотдел не должен быть ни банком, ни казначейством, а совершенно самобытным новообразованием, приспособленным к выполнению совершенно особых от тех, что стояли перед старыми финансовыми органами заданий».

Из бывшей Нижегородской конторы упраздненного Народного банка РСФСР, сберегательной кассы № 93 при ней, сметно-бухгалтерского и налогового

Ольга Сергеевна Коридалина

подотделов НГФО, губернского казначейства, сберкассы № 975 при нем было образовано новое учреждение – Нижегородский губернский отдел финансов. Он состоял из сметно-бухгалтерского и налогового управлений при общем секретариате.

Объединить казначейства, местные учреждения бывшего Народного банка РСФСР и состоявшие при них сберегательные кассы в одну новую финансовую структуру оказалось делом очень непростым.

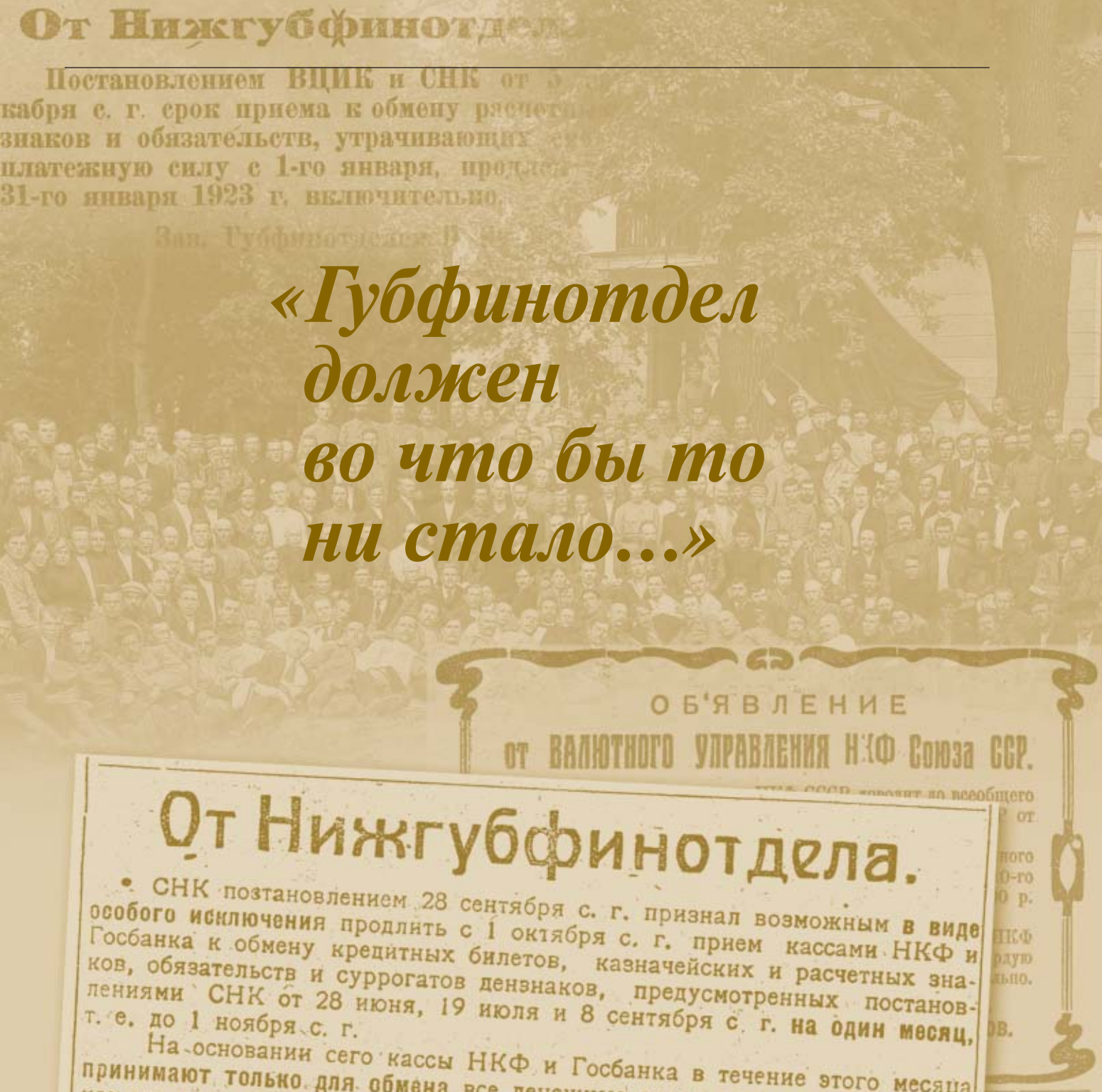
Банковские счетоводство и отчетность производились всегда по двойной системе. Имелась система строгого внутрибанковского контроля: контролеры стояли выше бухгалтеров. Каждый из них действовал самостоятельно.

В казначействах же счетоводство при осуществлении как собственно казначейских (сметных), так и простейших банковских операций осуществлялось по простой системе. Особого внутреннего контроля в казначействах не было: последующий контроль производили чины госбанковских учреждений при обработке присланных из казначейств приходорасходных документов и выписок из кассовых книг.

Счетоводство и отчетность центральных сберкасс велись по особо установленной для них двойной системе, которая существенно отличалась от банковской.

В сберегательных кассах производство текущих операций распределялось между кассирами и контролерами. Последние же исполняли одновременно и обязанности бухгалтеров. Теперь же все операции финансовых отделов требовалось унифицировать. Это и определило операционную структуру новых органов.

«Губфинотдел должен во что бы то ни стало...»

ОБ'ЯВЛЕНИЕ
от ВАЛЮТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НКФ Союза ССР.

От Нижгубфинотдела.

СНК постановлением 28 сентября с. г. признал возможным **в виде особого исключения** продлить с 1 октября с. г. прием кассами НКФ и Госбанка к обмену кредитных билетов, казначейских и расчетных знаков, обязательств и суррогатов денэнаков, предусмотренных постановлениями СНК от 28 июня, 19 июля и 8 сентября с. г. **на один месяц**, т. е. до 1 ноября с. г.

На основании сего кассы НКФ и Госбанка в течение этого месяца **принимают только для обмена** все денежные знаки выпусков до 1922 г., как-то: кредитные билеты бывшего царского правительства (от 1 р. до 500 р. включительно), казначейские знаки (20 р. и 40 р.) и кредитные билеты (250 р. и 1000 р.) временного правительства, суррогаты, выпущенные взамен денежных знаков, кредитные билеты образца 1918 г., расчетные знаки и обязательства всех достоинств и образцов 1919, 1920 и 1921 г.г. и обязательства РСФСР в 5000 р. образца 1922 г. (на белой бумаге).

По истечении указанного месяца обмен перечисленных денежных знаков не допускается, за исключением обязательств 1921 г. в 1, 5 и 10 миллионов рублей и расчетных знаков в 50 и 100 тысяч рублей, которые в силу постановления СНК от 28 июня и 19 июля с. г. имеют платежную силу и принимаются к обмену до 1 января 1923 г.

В платежи безпрепятственно принимаются:

1) Все государственные денежные знаки образца 1922 г. (от 1 руб. до 10.000 р. включительно).

2) Обязательства РСФСР образца 1922 года в 10.000 руб. (серо-сиреневые).

В годы «военного коммунизма» сметно-кассовый подотдел Нижегородского губернского финансового отдела (НГФО) под руководством А.Н. Кругликова фактически исполнял функции III отделения к тому времени уже упраздненной Нижегородской казенной палаты: разассигновывал кредиты, открываемые за государственный счет учреждениям на территории губернии. Эти кредиты Центр ассигновывал на все учреждения без учета их подведомственности.

Подотдел ведал также широким кругом других вопросов: отчетностью по государственным доходам и расходам, рассмотрением смет уездных исполкомов, содержавшихся на общегосударственные и местные средства учреждений, счетоводством по местным налогам и сборам.

Он же ассигновывал по уездным казначействам назначенные к получению пенсии, вел снабжение всех учреждений на территории своей губернии гербовыми знаками.

Подотдел руководил подведомственными НГФО уездными казначействами: осуществлял надзор за их деятельностью, производил внезапные ревизии денежных сумм, счетоводства и делопроизводства. Вдобавок вел счетоводство и самого Нижегородского губисполкома.

В докладе, который заведующий Нижгубфинотделом Е.М. Канторович 6 февраля 1919 года представил президиуму Нижгубисполкома под председательством Л.М. Кагановича, говорилось:

«Все финансовое дело в губернии должно быть сосредоточено в губ[ернском] финансовом отделе, необходимо положить конец бесконтрольному хозяйничанью и принудить отделы проводить все приходо-расходные сметы через финансовый отдел, также [требуется] и своевременное представление этих смет».

Весной 1919 года расходная часть губернского бюджета составляла примерно 100 млн рублей в месяц. На IV губернском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 26 июля 1919 года Каганович отметил:

«Одно время у нас оказалось отсутствие денежных знаков, тогда губисполкому пришлось активно вмешиваться в дело и своим авторитетным словом устранить это явление».

Основная часть предназначенных к расходу средств поступала в губернию из Центра. Печатать потребное их количество работавшие в три смены без выходных предприятия бывшей Экспедиции заготовления государственных бумаг (тогда – Управления фабриками заготовления государственных знаков) в Москве, Пензе и Перми не успевали.

Члены президиума Нижегородского губисполкома. В центре — Л.М. Каганович. 1918 год. Фото М.П. Дмитриева

Как говорили тогда, «свеча горела с двух концов»: товаров и услуг производилось все меньше, денег же в каналы обращения каждый день впрыскивалось все больше.

В обращении находились царские и думские деньги, керенки, денежные купюры послереволюционных выпусков, купоны низкономинальных облигаций «Займа Свободы», местные суррогаты, деньги антисоветских правительств отдельных регионов бывшей Российской империи...

Согласно декрету СНК РСФСР от 15 мая 1919 года выпуск дензнаков должен был осуществляться «в пределах действительной потребности народного хозяйства». Отныне *даже формально* эмиссия не ограничивалась ничем. Лимитировали же ее только технические возможности печатания бумажных денег.

Отсылкой на места затребованной продукции фабрик Гознака ведал руководимый Н.Д. Рождественским отдел кредитных билетов (Кребиль) Народного банка РСФСР.

По выражению заместителя наркома финансов РСФСР того бурного времени А.О. Альского, вся работа финансового ведомства измерялась «только тем, насколько Наркомфин справлялся с печатанием денег в Гознаке и выпуском их через Кребиль в кассы и оттуда в народное обращение».

Распределение денег по регионам Республики производилось на основании ежемесячных заявок губфинотделов либо центральных финансовых органов республик в составе РСФСР. Заявки мест на дензнаки удовлетворялись не полностью, а пропорционально месячной выработке их гознаковскими фабриками.

До Первой мировой войны у Госбанка Российской империи имелся крупный запасной фонд его кредитных билетов: он превышал всю находившуюся в обращении бумажно-денежную массу.

У Советского государства периода «военного коммунизма» подобного фонда не было: вся продукция фабрик Гознака тут же шла в дело. Однако наличных денег для удовлетворения поступивших заявок все равно не хватало...

6 декабря 1919 года управляющий Нижегородской конторой Народного банка РСФСР В.В. Столбовский телефонограммой донес в Нижгубфинотдел:

«...За недостаточностью денежных знаков с 3 декабря все выдачи сокращены до 50 и 25% требований. Вчера и сегодня полностью удовлетворяются только требования красноармейских частей, отправляющихся на фронт. Выплаты по другим учрежден[иям] и организациям отложены до понедельника. К таковому времени ожидается прибытие вагона с денежными знаками из Кребиля.

Волгопрод удовлетворен на общих основаниях в размере 50% предъявленного требования. Вследствие распоряжения губисполкома об удовлетворении Волгопрода ему сообщено о присылке артельщика за получением требуемой суммы».

В конце октября 1919 года Нижегородская контора Народного банка РСФСР указала всем подведомственным уездным казначействам и своим отделениям на необходимость регулярно доставлять по почте сведения о сумме нужных им на двухнедельный период каждого месяца денежных знаков. Но почта работала уже очень плохо: письма из уездов в губернский центр порою шли неделями, часто утрачивались при пересылке...

Всеволод Владимирович Столбовский

Формально Народный банк РСФСР со всеми своими конторами и отделениями был упразднен декретом Совнаркома от 19 января 1920 года. На местах процесс ликвидации филиалов банка надолго затянулся. Поэтому и после того декрета Нижегородская контора Народного банка РСФСР продолжала функционировать в прежнем режиме, оперативно подчиняясь, правда, уже руководству Нижгубфинотдела.

Изданным 4 мая 1919 года декретом Департамент Государственного казначейства был слит с Народным банком РСФСР. Существовавшая при департаменте Центральная расходная касса (бывшее Государственное казначейство) после преобразования стала особым отделением Народного банка.

После упразднения банка отделение прекратило свое существование. Взамен него 18 марта 1920 года была образована Центральная приходорасходная касса Центрального бюджетно-расчетного управления НКФ РСФСР. Ее функции мало чем отличались от таковых Главного казначейства. Разве что, к ним добавились некоторые традиционно банковские операции.

31 января 1920 года директор кладовых Нижегородской конторы Народного банка РСФСР В.П. Альбицкий, контролер А.И. Михеев-Сойко и бухгалтер С.В. Алемасов направили циркулярное указание всем казначействам Нижегородской губернии, Курмышскому, Варнавинскому и Ядринскому уездным казначействам соседних губерний:

«Ввиду того, что указанные сведения очень часто приходят в к[онто]ру уже по истечении того срока, на который сообщается казначейством сумма необходимых ему денежных знаков, Нижегородская контора просит присылать ей эти данные не почтой, а телеграфом... причем отсутствие данных от учреждений не должно задерживать отсылку телеграммы о подкреплении, сумма которого в таком случае должна быть установлена сообразно с практикой предыдущего месяца. Телеграммы о подкреплении должны даваться к[азначейст]вом 10 и 25 числа каждого месяца неукоснительно...

Пример: на вторую половину февраля требуется двадцать миллионов рублей»...

К началу 1920 года на территории РСФСР обращалось 225 млрд рублей денежных знаков. По своей же покупательной способности они равнялись *65 млн* довоенных (золотых) рублей. За год бумажно-денежная масса возросла еще на 995 млрд рублей...

13 февраля 1920 года Столбовский и Альбицкий направили циркулярное указание № 2023 всем руководителям своих отделений и подчиненных уездных казначейств:

«Ввиду полного истощения в конторе укупорочного материала и крайней трудности получить его в настоящее время, Нижегородская контора предлагает... по получении сего неукоснительно высылать в контору, один раз в месяц, все спорки (оболочки) с поступающих... из конторы ценных посылок, предупреждая, что неисполнение сего может затормозить дело правильной и своевременной рассылки разменного капитала...».

Еще через 10 дней Столбовский выехал в столицу для сдачи очередного транспорта эвакуируемого из Нижнего Новгорода золота и «выяснения некоторых вопросов, связанных с преобразованием Народного банка».

Бывшая контора Народного банка РСФСР реорганизовывалась в Сметно-расчетное управление Нижегородского губфинотдела. Всеволод Владимирович был назначен исполняющим обязанности заведующего им. 13 марта 1920 года Столбовский снова отправляется в Москву. На сей раз – «для выяснения вопросов, связанных с организацией охраны кладовых финансовых учреждений Нижнего Новгорода, и о снабжении Нижегородского района денежными знаками».

Денег требовалось все больше и больше. 5 мая 1920 года директор бывшей Нижегородской конторы Народного банка РСФСР В.А. Мейер предписал нижегородскому губернскому казначею С.В. Коридалину:

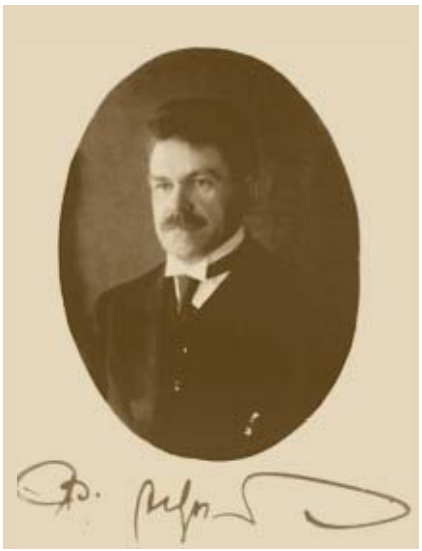
«Ввиду критического состояния кассы контора банка предлагает Казначейству выдаваемые ассигновки не оплачивать, а выписывать ордера на контору».

В своем докладе на V губернском съезде Советов (июнь1920 года) новый председатель Нижгубисполкома В.М. Молотов о работе губернского отдела финансов сказал:

«Раньше в этом отделе наблюдалось ненормальное явление в деле смет, сейчас количество смет, поданных в течение первой недели нового года, увеличилось в несколько раз, советские органы более правильно начинают подавать сметы и привыкают вести дело в сметном порядке».

С исполнением же расходных смет ситуация с каждым днем ухудшалась: присылаемых денег катастрофически не хватало. Поэтому весной 1920 года один из уездных финотделов Нижегородской губернии решил напечатать и выпустить в обращение *собственные денежные суррогаты*. Губфинотделу пришлось «приостановить» реализацию сего незаконного мероприятия...

С упразднением Народного банка РСФСР его известный по всей стране отдел кредитных билетов 29 января 1920 года был преобразован в отдел денежных и расчетных знаков Центрального бюджетно-расчетного управления НКФ РСФСР. Однако его условный телеграфный адрес остался прежним. Поэтому все продолжали использовать старое название – «Кребиль».

Вячеслав Павлович Альбицкий

Летом 1920 года НКФ РСФСР получил право «в особо важных случаях» производить бронировку денежных знаков. Она осуществлялась в соответствии с постановлениями ВЦИК, СНК и СТО РСФСР.

По соглашениям с отдельными учреждениями и ведомствами Наркомфин мог и самостоятельно бронировать отсылаемые на места денежные знаки.

Для местных органов власти производимые Центром бронировки считались обязательными. За допущенную разбронировку (кроме вызванной экстренной необходимостью) члены губернского исполкома подлежали коллективной судебной ответственности.

Наиболее важные в тот или иной момент отрасли народного хозяйства и государственного управления объявлялись «ударными»: они обеспечивались всем им необходимым для выполнения заданий Центра в первую очередь. Деньги же для «ударных» структур бронировались. Все высылавшиеся Центром на места дензнаки полностью или частично закреплялись за «ударными» предприятиями и учреждениями. В течение срока бронировки (обычно двухнедельного) полученные на местах забронированные суммы могли выдаваться исключительно «ударным» структурам. После этого они поступали в общую наличность, распределявшуюся местным финансовым органом.

Бронирование дензнаков производилось на основании решений особой комиссии из представителей центральных наркоматов и ведомств. Эта комиссия и распределяла весь наличный месячный запас изготовленных денежных знаков.

Со временем в высылаемых Центром на места дензнаках девять из десяти рублей считались забронированными за конкретными «ударными» получателями бюджетных средств...

17 июня 1920 года заведующий Нижегородским губернским финансовым отделом Канторович обратился в губисполком:

«...Разбронирование на месте получаемых из Центра сумм... категорически и строжайше воспрещается, количество же свободных от бронировок сумм крайне

незначительно, т. к. в настоящее время почти все денежные знаки распределяются (бронируются) между отдельными ведомствами и свободных сумм в распоряжении Кребиля почти не остается.

Ввиду изложенного губфинотдел неоднократно уже обращал внимание всех отделов губисполкома, чтобы они через свои центральные органы своевременно возбуждали ходатайства перед особой комиссией Совнаркома о забронировании необходимых для них денежных знаков, т. к. губфинотдел возбуждать подобного рода ходатайство за другие ведомства не может и не имеет права.

Ввиду всего вышеизложенного крайне необходимо, чтобы губиполком на будущее время отклонял все ходатайства своих отделов о выдаче им денежных сумм вне указанного порядка, а также разъяснил бы, что во избежание задержки в получении денежных средств все отделы и ведомства своевременно возбуждали бы ходатайство о забронировании подлежащих кредитов по адресу: Москва, Рыбный пер., 3. Отдел кредитных билетов».

2 июля 1920 года Канторович и Столбовский циркулярно предписали всем заведующим уездными финотделами:

«Нижегородский губфинотдел, получая от Центра подкрепления кассы в весьма незначительных суммах и почти исключительно бронированных, лишен возможности подкреплять кассы уфинотделов за отсутствием незабронированных сумм.

Ввиду вышеизложенного требования о высылке денежных знаков должны быть подробно мотивированы: для кого, для какой цели и в какой сумме, а также следует сообщить остаток кассы уфинотдела».

К голоду продовольственному прибавился голод денежный...

10 августа 1920 года при губфинотделе была организована *своя* комиссия по распределению полученных дензнаков между учреждениями. В нее вошли представители всех отделов НГФО и заинтересованных ведомств.

Решался очень важный вопрос о распределении полученных накануне 200 млн рублей. Из них губвоенкомату и Морскому комитету причиталось более половины: 115 млн рублей были забронированы между ними и перебронировке не подлежали. Распределять пришлось оказавшиеся незабронированными лишь 85 млн рублей. Естественно, каждому другому ведомству досталось отнюдь не по потребностям...

В тот же день президиум Нижгубисполкома поручил своему секретарю Ханову:

«...Ввиду катастрофического положения, в связи с отсутствием денежных знаков в кассе губотфина, обратиться в Наркомфин с ходатайством о немедленном подкреплении кассы Нижегородского губернского финансового отдела в размере до полутора миллиардов рублей».

Ежемесячно из Кребиля на места отправлялось по 50–60 вагонов с только что напечатанными пахнущими типографской краской денежными знаками. Тем не менее денег на всех по-прежнему не хватало.

Комиссия по распределению денежных знаков при Нижегородском губфинотделе экстренно собиралась сразу же после присылки в Нижний очередной партии подкрепления. В протоколе № 2 ее заседаний записано:

«Ввиду того, что имеющихся сумм далеко не хватает на удовлетворение общих нужд всех учреждений и что выйти из положения удовлетворительно почти невозможно, так как ни одно из заинтересованных учреждений не желает поступиться забронированными ему суммами, постановлено: Разбронировать все забронированные суммы за исключением сумм военкомата и Моркома, распределение сумм поручить Нижгубфинотделу совместно с комиссией из представителей Рабкрина, губвоенкомата, губпродкома, губсовнархоза, Наркомпути в лице представителя Реки.

Комиссия заседает ежедневно в определенное время с 11 [до] 1 ч. дня. За Нижгубфинотделом остается право требовать сведений об остатке наличной кассы на данное число, без представления коего комиссия по распределению денежных знаков имеет право не включать данное учреждение в распределение денег».

Особенно много недоразумений возникало с организацией денежного довольствия военных структур. Уходившие на фронт воинские части требовали выдачи наличных денег вне всякой очереди. Случалось, одну и ту же сумму военные получали *в разных кассовых учреждениях*.

14 августа 1920 года заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянский, чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны РСФСР по снабжению Красной армии и флота А.И. Рыков и член коллегии НКФ РСФСР Л.Л. Оболенский издали совместный приказ № 1613:

«Для наблюдения за правильным получением денег из кассовых учреждений и для учета отпускаемых сумм ввести не позже как в течение месяца с получением настоящих [«Правил о порядке ведения контрольных книжек или отметки кассовых выдач кредитными учреждениями и пользования ими во всех частях, управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства] на месте, во всех частях войск, управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства... контрольные книжки для отметки кассовых выдач кредитными учреждениями...».

28 августа Е.М. Канторович и товарищ председателя Нижегородского губисполкома А.М. Барский телеграфировали в Москву наркому финансов РСФСР Н.Н. Крестинскому:

«Кассы уфинотделов и губфинотдела пусты. Задолженность по срочным платежам продовольственных учреждений (Волгопрод, Продпуть, губпродком, Центросоюз, губсоюз и др.) водному транспорту, собесу, Наркомпросу, Наркомздраву, Наркомпочтелю и целому ряду других учреждений, также [и] военных, достигает свыше миллиарда рублей. Положение самое катастрофическое. Необходимо срочно прислать один миллиард без бронировки».

Гиперинфляция и всеобщий дефицит денежных знаков советских выпусков неизбежно породили спрос на старые деньги: их охотно принимали в деревне. В конце августа Нижгубфинотделом было наконец-то получено секретное циркулярное распоряжение

Центральной канцелярии НКФ РСФСР № 4-а. Из столицы оно добиралось более четырех месяцев:

«Ввиду усиливающейся спекуляции с денежными знаками образцов 1917 года и дореволюционными Народный комиссариат финансов предлагает губфинотделам прекратить всякие выплаты означенными знаками и всю имеющуюся их наличность как в оборотном, так и в разменном капитале, выслать немедленно в отдел денежных и расчетных знаков, а равно высылать в конце каждого месяца вновь поступившие знаки старых образцов. Одновременно запрещается производство выплат краткосрочными обязательствами и сериями Государственного казначейства, облигациями "Займа Свободы" и купонами.

Все перечисленные суррогаты должны списываться на счет с банком за Центральное управление (счет с Центральным бюджетным управлением) и высылаться в Центральную приходо-расходную кассу (Москва, Неглинный проезд, 12), без погашения их за исключением знаков, относительно коих сохраняется прежний порядок оплаты...».

Сообщив о полученной директиве Центра, Е.М. Канторович, В.В. Столбовский и заведующий канцелярией НГФО И.М. Страхов секретным циркулярным указанием предписали всем заведующим уездными финотделами принять ее к неукоснительному исполнению...

8 октября 1920 года Канторович был переведен в Москву и назначен временно исполняющим обязанности заведующего инспекторско-инструкторским отделом Центрального бюджетно-расчетного управления. Губфинотдел возглавил бывший заместитель Ефима Марковича Иванов.

Из присланных в Нижний 6 ноября 1920 года 900 млн рублей «твердо бронированными» оказалась почти половина. Распределять оставшуюся сумму пришлось между всеми уездными финотделами и кассами НКФ, а также многочисленными организациями и учреждениями различных ведомств. На всех опять не хватило. Жалобы на губфинотдел сыпались пачками.

В декабре П.Е. Иванов и И.М. Страхов дали ответ на запрос НГИК о причинах отказа в полном удовлетворении заявок целого ряда местных структур:

«...Губфинотдел сообщает, что им неоднократно доводилось до сведения губисполкома о недостаточном подкреплении дензнаками губфинотдела Центром, а потому он по вполне понятной причине не мог и не может удовлетворить в полном объеме денежные потребности учреждений.

В данном случае губфинотдел вновь подтверждает это положение, иллюстрируя его цифрами: в текущем году в среднем губфинотдел получал ежемесячно до 1 700 000 000 р. дензнаков на всю губернию, требование же губотнароба на 400 000 000 р. составляет 34% всего количества знаков, имеющихся ежемесячно в распоряжении губфинотдела. Так как аналогичные требования предъявляются к губфинотделу многими учреждениями, то представляется губисполкому судить, в какие условия поставлен губфинотдел при распределении дензнаков.

При существующем положении губфинотдел не может также согласиться с губотнаробом относительно твердого бронирования ему сумм, так как бронирование вообще вредит делу: часто бывают моменты, когда губфинотдел должен во что бы то ни стало удовлетворить, хотя бы и не в полной мере, денежное требование какого-нибудь ударного предприятия, но не имея в своих кладовых ничего, кроме бронированных сумм советских учреждений, он этого делать не сможет.

В силу указанных соображений губфинотдел возбуждает перед Наркомфином ходатайство о прекращении дальнейшего бронирования, ибо на месте легче можно разобраться, какое учреждение или предприятие должно быть удовлетворено в первую очередь»...

4 января 1921 года комиссия распределяла присланный из Кребиля 1 млрд рублей. Из них 320 320 млн рублей оказались без «бронировки Москвы». Их-то и разделили между подведомственными Нижгубисполкому учреждениями.

Затем присылавшиеся суммы могли измеряться уже *несколькими миллиардами* рублей. 21 марта президиум Нижегородского ГИК постановил:

«Особой комиссии [впредь] не организовывать. Мелкие бронировки распределять губфинотделу совместно с представителями губисполкома и Рабкрина»...

9 февраля 1921 года НКФ РСФСР направил во все губфинотделы циркулярную телеграмму № 7259:

«Согласно постановлению президиума ВЦИК предлагается немедленно приостановить взимание всех налогов общегосударственных и местных, впредь до разрешения вопроса о налогах в мартовской сессии ВЦИК. Подробные указания следуют циркуляром».

На всей территории Советской России наступили «налоговые каникулы»: поступление в казну наличных денег от населения прекратилось полностью. Потребность же в них при каждом витке инфляционной спирали возрастала. Рассчитывать приходилось исключительно на печатный станок Гознака. Трубы всех его объявленных ударными фабрик дымили в три смены. Денег же все больше не хватало...

После октябрьского переворота все выдачи наличных денег для выплаты заработной платы рабочим и служащим допускались только после согласия на это местных органов Государственного контроля (позже – Рабоче-крестьянской инспекции).

22 февраля 1921 года СНК РСФСР постановил отменить существующий порядок: все подобные выплаты разрешалось проводить «под ответственностью соответствующих распорядителей кредитов». Органы Рабоче-крестьянской инспекции проверку правильности выплат производить должны были уже только *«в порядке последующей ревизии»*...

В конце марта 1921 года служащие Нижегородского уездного финотдела обратились к Иванову с просьбой о выдаче им жалованья царскими купюрами, называвшимися в народе «петрами», либо «керенками». На них изголодавшиеся финансисты рассчитывали прикупить себе кое-что из продовольствия в деревне.

В ответ Павел Ефимович смог предложить только совзнаки, что повергло просителей в явное уныние...

Постановлением президиума Нижгубисполкома 16 апреля 1921 года Иванов был утвержден заведующим НГФО, а Столбовский – его заместителем. В подписанном Ивановым «Обзоре деятельности

губфинотдела за время с 1 января по 1 июля 1921 г.» главный финансист губернии отметил условия, в которых приходилось трудиться кассовому аппарату:

«...Грандиозность сумм, проходящих через руки кассиров, разнообразие купюр денежных знаков, одинаковая упаковка разнородных денежных знаков, неодинаковая окраска одних и тех же знаков и неодинаковый их размер страшно усложняют работу кассиров и требуют от них не только обычного навыка в подсчете и проверке денежных знаков, но и особо напряженного внимания, чтобы не принять один знак за другой. Поэтому напряженность в работе и боязнь при ежедневных многомиллионных операциях сделать просчет заставляет людей, работающих по кассе, искать всяческие предлоги, чтобы уйти от кассовой работы»...

6 мая 1921 года Столбовский срочно выехал в Москву «для выяснения вопроса о своевременности и достаточном снабжении Нижегородской губернии [денежными знаками] в весенний период».

За первые 6 месяцев 1921 года Нижгубфинотдел затребовал у Москвы 5,5 млрд рублей. Получил же лишь 40 процентов от этой колоссальной суммы. Из них 90 процентов поступили с «твердой» либо «желательной» бронировкой...

Перераспределение на месте полученных с «желательной» бронировкой денежных знаков доставляло Нижгубфинотделу массу осложнений. Однажды местные чекисты, не получив затребованную сумму дензнаков, усмотрели причиной этого «преступный саботаж» со стороны руководства Нижгубфинотделом и завели соответствующее уголовное дело...

В указанном «Обзоре...» Иванов отметил:

«...Все главки и центральные управления, сделавшие в Кребиль заявки и информированные последними, что такая-то сумма для того или иного предприятия выслана тогда-то, телеграфируют об этом своим нижегородским учреждениям и предлагают им истребовать из губфинотдела высланную сумму. Все это вызвало целый ряд осложнений – письменных и телеграфных объяснений и даже следственное дознание».

22 апреля 1921 года Постановлением СНК РСФСР особая межведомственная комиссия по распределению денежных знаков была упразднена. Ведать их распределением снова стал НФК РСФСР. Но «силовые» и просто «ударные» ведомства привыкли требовать и получать свое без очереди и ограничений:

«Даже с применением за последнее время высылок денежных знаков в порядке постановления Совнаркома от 22 апреля практика главков и центральных управлений осталась той же, т. е. они считают сделанную заявку тождественной с забронированием и в этом смысле информируют свои нижегородские учреждения.

Между тем, оставлять высылаемые в губфинотдел дензнаки без особого распоряжения совершенно невозможно, так как иначе можно бы было остановить жизнь целого ряда предприятий, учреждений и ведомств. Если в первой половине текущего года из-за недостатка денежных знаков создавалось громадное затруднение в губернском центре, то положение в уездах было еще тяжелее, так как при недостаточных высылках денежных знаков уделять в уезды больших сумм губфинотдел не был в состоянии»...

Распределение отосланных из НГФО дензнаков по уездным финансовым отделам и кассам НКФ

Получатель	Общая сумма подкрепления (руб.)	
	За весь 1920 год	За I полугодие 1921 года
Арзамасский уездный финотдел	588 652 500	428 099 000
Ардатовский »	407 185 000	436 496 000
Балахнинский »	289 002 500	448 830 000
Княгининский »	178 950 000	185 729 000
Васильский »	467 410 000	543 929 000
Воскресенский »	215 985 000	227 855 000
Лысковский »	451 755 000	576 911 000
Павловский »	489 320 000	555 626 000
Лукояновский »	313 219 000	400 358 000
Семеновский »	550 745 000	597 110 000
Сергачский »	336 685 000	289 086 000
Нижегородский »	447 348 000	1 033 649 000
Козьмодемьянский »	57 950 000	187 277 000
Выксунский »	—	58 450 000
Муромский »	—	8 100 000
Чебоксарский »	—	7 360 000
Варнавинский »	—	3 000 000
Городецкое казначейство	70 000 000	—
Ядринское »	31 500 000	—
Варнавинское »	136 000 000	—
Спасское отделении Народного банка РСФСР	65 000 000	—
Богородская касса НКФ	174 500 000	123 050 000
Горбатовская »	35 500 000	46 400 000
Лукояновская »	186 250 000	162 828 000
Княгининская »	91 775 000	63 646 192
Касса при Нижгубпродкоме	—	266 500 000
Всего	5 589 732 000	6 650 289 192

За полгода в уезды из НГФО было направлено 6 650 289 192 рубля. Из них 5 952 958 648 рублей с твердой «бронировкой» и лишь 897 330 544 рубля без нее («свободных»).

Отсылка денег на места производилась преимущественно по почте. Часть суммы доставили специально командированные губфинотделом сотрудники кассы, контроля и охраны. Выезжать в командировки им пришлось 5 раз. Для пересылки денежных знаков почтой было заделано 826 тюков общим весом более полутора тысяч пудов.

Еще 562 500 000 рублей места получили напрямую из отдела денежных и расчетных знаков НКФ РСФСР. Всего же за 1921 год уездам досталось дензнаков на общую сумму 7 212 789 192 рубля – более трети присланных в губернию денег.

За первые шесть месяцев 1921 года сотрудники кассы расчетно-кассового подотдела НГФО произвели (кроме отправки дензнаков в уезды) более 23 тысяч операций по приему и выдаче наличных денег на сумму свыше 16 млрд рублей. Они также осуществили и 10 тысяч операций размена и обмена денежных знаков на огромную сумму.

По распоряжению Центра в кассе НГФО было сосредоточено все неизрасходованное к тому времени гербовое имущество (гербовые марки, вексельные бланки, гербовая бумага, бланки промысловых свидетельств, патентов, бандеролей).

Эти огромные по числу листов и общему весу бумажные ценности, оставшиеся от старой власти, свозились в кладовые Нижгубфинотдела изо всех уездных финансовых уездов губернии.

Присылка Центром денежных знаков в Нижегородскую губернию за 1921 год

Месяц	Сумма денежных знаков (млн руб.)		
	Затребованная учреждениями и ведомствами	Полученная	Степень удовлетворения заявок (%)
Январь	6500,0	2665	41,0
Февраль	8500,0	4615	54,3
Март	8500,0	4676	55,0
Апрель	9500,0	3945	41,5
Май	11 500,0	4000	34,8
Июнь	12 000,0	2420	20,2
Июль—сентябрь	73 454,5	27 640	37,6
Октябрь—декабрь	350 845,0	139 470	39,8
Всего за год	480 799,5	189 431	39,4

Каждую полученную посылку с гербовыми знаками приходилось тщательно проверять, рассортировывать по видам ценностей. Труда и времени кассового персонала ушло на это очень много...

Чем больше росла потребность в дензнаках, тем все меньшую долю для ее удовлетворения обеспечивал своими присылками Кребиль. Разрыв начал принимать угрожающий характер.

Полной остановки либо прекращения работ (забастовок) на предприятиях не наблюдалось. Однако *сезонные заготовки* и лесосплав от нехватки дензнаков пострадали очень сильно.

У речников прекратились судоподъемные и многие строительные работы, ремонт судов. Не были погружены и отправлены по Волге баржи с дровами и лесоматериалами. Остались так и не погруженными вагоны со строительными материалами. Счет шел на сотни тысяч пудов и тысячи кубических сажен.

Многие свои сезонные работы по благоустройству и очистке не смогли произвести коммунальщики губернского центра.

Денежные суммы, внесенные наличными в других городах для перевода на НГФО, адресаты получили очень нескоро...

Летом 1921 года начался перевод служащих ряда учреждений с натурального (пайкового) снабжения на денежное. Пайков они уже лишились – денег же еще не получили...

Нижегородский губернский отдел социального обеспечения в своем отчете указал:

«Общая потребность в дензнаках была определена с 1 янв. по 1 июля 1921 г. в сумме 1 000 000 000 р., что сильно тормозило и до сих пор тормозит своевременность выплаты красноармейского пайка на местах, а равно и пенсий».

В тяжелейшем финансовом положении оказался и Нижегородский губернский продкомитет:

«В распоряжение губпродкома за первое полугодие поступило кредитов 2 079 024 943 р., но денежных знаков получено за этот период лишь 600 миллионов.

Если принять во внимание, что денежными знаками губпродком снабжает еще упродгуб, ужпо, губсоюз, профбюро, упродфлот и др. организации, то станет понятно, что снабжение денежными знаками, в силу общих тяжелых условий, было весьма ненормально. И часто ряд мероприятий губпродкома и в особенности губсоюза оставался без выполнения только из-за отсутствия денежных знаков»...

В сентябре 1921 года председатель СНК РСФСР В.И. Ленин пишет Л.Д. Троцкому:

«Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в передачу все возможное и невозможное... Где деньги?»

К 1 октября 1921 года задолженность перед населением различных учреждений на территории, обслуживавшейся Нижегородским губфинотделом, достигла 23 283 000 000 рублей.

Инфляция «пустилась в галоп». Денежная масса в обращении росла с каждым днем. Цены же взлетали еще быстрее. Поэтому нехватка дензнаков ощущалась все острее.

За первую половину 1921 года расчетно-кассовый подотдел Сметно-расчетного управления НГФО осуществил по счету государственных доходов 5485 операций на общую сумму 508 390 713 рублей. По счету же государственных расходов – 17 512 операций на гораздо большую сумму – 7 479 316 804 рубля. Но дефицит наличных денежных знаков приводил к нарастанию задолженности казны по ее обязательствам. 30 августа 1921 года заместитель наркомфина РСФСР А.О. Альский направил по телеграфу циркулярную депешу всем губернским финансовым отделам:

«[В] дополнение телеграмм Кребиля № 1702 и 1918 предлагаю срочно донести сведения [о] задолженности по сметным кредитам и неоплаченным переводам [к] первому сентября по губфинотделу и уфинотделам.

Эти сведения систематически неуклонно сообщайте [к] концу каждого истекающего месяца. Предупреждаю, что недоставление сведений [о] задолженности поставит губфинотдел [в] невыгодное положение относительно снабжения дензнаками»...

1921 год знаменовал эмиссию 12 триллионов совзначных рублей. За них государство смогло извлечь *реальных ценностей* на сумму лишь 200 млн *золотых* рублей...

Восстановление с переходом к новой экономической политике платности оказываемых государством и его местными органами услуг вкупе с введенным 26 июня 1921 года промысловым налогом вызвало, хотя еще и очень слабый, *обратный приток* наличных денег в казну.

В общей сумме бюджетных расходов эти поступления составляли мизерную долю: решающую же роль попрежнему играли дензнаки, присылавшиеся из Центра.

Декретом от 2 августа 1921 года местные власти получили право вводить местные прямые налоги и сборы, используя поступающую от них наличность на собственные нужды. Собранные средства считались «забронированными» за местными органами советской власти.

Сразу же началось местное налоготворчество: какие только налоги и сборы ни вводились тогда в губерниях и уездах. Испрашивать необходимое каждый раз на то разрешение Центра времени и желания у местных властей не было. Как и наличных денег. Летом 1921 года Нижегородский губком РКП(б) направил во все уездные комитеты партии циркулярное указание: тех председателей волостных исполкомов, которые задерживают сдачу совзнаков в кассы НКФ и тем самым наносят «ущерб казенным интересам», *предавать суду*...

Поступление денежных знаков в кассы НГФО и Нижегородского УФО за июль–сентябрь 1921 года

Месяц	Поступление (руб.)
Июль	88 036 997
Август	238 782 227
Сентябрь	482 143 926
Всего за 3 месяца	803 963 150

Нарком финансов РСФСР (1918–1922) Николай Николаевич Крестинский

Выступая на открывшейся 2 сентября 1921 года конференции руководителей финансовых отделов, нарком финансов РСФСР Н.Н. Крестинский сказал собравшимся о вчерашних иллюзиях большевиков:

«Мы думали, что мы сможем достигнуть цели без временного возвращения к формам товарного хозяйства, – этим объясняется наше отношение к проблеме денег. Государственный бюджет строился на выпуске бумажных денег. Деньги падали в цене; но тогда нам казалось, что недалек тот момент, когда мы перейдем к натуральному обмену между городом и деревней; когда деньги станут излишними, рабочие будут получать все натурой за счет натурального налога с крестьян и тех продуктов, которые будут получаться из деревни в обмен на продукты национализированной промышленности.

Крестьяне путем коллективного снабжения их государством и путем товарообмена будут иметь все, что нужно им для хозяйства.

Мы думали, что в конце концов наступит такой период, когда денежные знаки станут ненужными и можно будет от них освободиться без всякого вреда для хозяйства. Из таких перспектив проистекало наше легкое отношение к эмиссионному хозяйству и отсутствие мероприятий к поднятию курса бумажных денег».

Нарком финансов РСФСР, одновременно бывший секретарем ЦК большевистской партии, подтвердил, что подобная финансовая политика всецело соответствовала партийной программе. В конце 1920 года эту политику руководимого Николаем Николаевичем

Участники съезда Советов Нижегородской губернии. 1919 год. Фото М.П. Дмитриева

Павел Ефимович Иванов

наркомата ВЦИК полностью одобрил. Но государство уже тогда оказалось в «экономическом тупике»:

«По мере того, как отмирало налоговое дело, отмирала денежная система, сохранялась только наша бюджетно-сметная и кассовая работа, постолько на местах получился взгляд на финансовые органы как на органы отмирающие, которые будут скоро ликвидированы, которые превратятся в учетно-бухгалтерские органы, находящиеся при других органах, например, ВСНХ или СТО.

Такой взгляд на наши органы находил себе внешнее выражение в том, что многие местные финорганы обезлюживались, многие работники забирались для продовольственной и хозяйственной работы, и количественный и качественный состав финансовых органов становился все слабее.

Мы знали и видели это, но так как и у нас самих в Центре был ликвидационный взгляд на комиссариат финансов, так как мы поставили себе целью, по мере развития коммунистического строительства ликвидировать прежний комиссариат финансов, мы не считали возможным бороться с этими ликвидационными настроениями на местах.

Теперь положение изменилось. Работа комиссариату предстоит огромная и он вновь выдвигается, как в первые дни революции, на одно из первых мест в области советского строительства...

И поэтому здесь, в Центре, уже меняются взгляды на финансовые органы. На местах этого еще не заметно. На местах та растерянность, которая обнаружилась после перехода к новой экономической политике, повела сначала к ухудшению условий работы финансистов. Наше бюджетное дело, наши сметные правила – все это было взято на местах под сомнение. На финансовые органы стали смотреть как на дойную корову, которая обязана давать денежные знаки независимо от того, существуют ли основания для выдачи их, производится ли расход законно или незаконно»...

Местные органы получали из Центра кредиты на содержание всех местных учреждений и выполнение намеченных по сметам «местных начинаний». Однако хронический недостаток денежных знаков не давал возможности полностью использовать эти кредиты.

Общая сумма поданных предприятиями и учреждениями заявок на первый квартал 1922 год составила 825 453 704 000 рубля. Денег же от Кребиля для удовлетворения бюджетных потребностей за это время было получено лишь 603 070 000 000 рублей. Да для операций открывшегося 15 марта того года Нижегородского отделения Госбанка РСФСР из Москвы поступило еще 22 347 000 000 рублей...

Сверхурочные занятия материально ничем не компенсировались. Огромная нагрузка на кассовый аппарат приводила к просчетам и ошибкам. Идти на работу в приходорасходные кассы весной 1922 года никто не соглашался. Создавшаяся ситуация грозила полной остановкой работы кассового аппарата финансовых учреждений.

При почти одинаковом объеме кассовых операций, которые совершали кассиры губфинотдела и Нижегородского отделения Госбанка РСФСР, финансисты получали оклады жалованья в 5–6 раз ниже, чем их коллеги-госбанковцы.

Перегрузки кассиров-финансистов постоянно возрастали. Им приходилось отсылать в Центр огромные партии ранее эвакуированных золота, серебра, меди, гербовой бумаги, архивов. К ним прибавились конфискованные из храмов губернии церковные ценности для оказания помощи голодающим Поволжья...

Ответственные сотрудники Нижгубфинотдела были завалены отчетами, календарными программами для губисполкома, губернского экономического совещания, Совета труда и обороны, НКФ РСФСР... Им приходилось участвовать в многочисленных совещаниях и заседаниях. Зарплата финансистам не выдавалась месяцами. В качестве продовольственного пайка приходилось довольствоваться пшеном и жмыхом: ни промышленных товаров, ни мяса, ни сахара, ни муки они не получали. Не было средств даже на оплату коммунальных услуг...

На открытии 25 января 1922 года съезда финансовых работников Нижегородской губернии Иванов в своей речи отметил:

«Отсутствие денежных налогов и бесплатность всех услуг, оказываемых гражданам местными учреждениями, привели в тому, что местные бюджеты должны были слиться с государственными в бюджет одного народного хозяйства РСФСР в целом, а финансовый аппарат превратился, как в Центре, так и на местах, в центральную бухгалтерию пролетарского государства, а также поставило на очередь задачу установления безденежных расчетов как меру уничтожения денежной системы вообще.

Надо сказать, что это направление финансовой политики, идущее к постепенной ликвидации финансов, привело когда-то сильный и могучий финансовый аппарат страны к полному развалу.

Лучшие финансовые работники побежали с погибающего корабля. В частности, в Нижегородской губернии рядовые работники стали пачками подавать заявления об отпуске их из учреждения. Следствием этого была приостановка работ как в губфинотделе, так и в уездах.

Выйдя из полосы войны в начале 1921 года и подойдя вплотную к вопросу, каким образом мы должны будем строить социализм в условиях мирного времени, мы должны были изменить экономическую политику и взять другой курс».

В стенах здания Нижегородского губернского финансового отдела тем временем кипела невидимая для посторонних глаз напряженнейшая работа. Особые ответственность и нагрузка выпали на главного контролера К.Г. Рейтера и главного кассира В.П. Альбицкого. Об их труде за последние 8 месяцев в одном из отчетных документов 6 июня 1922 года сообщил заместитель заведующего Нижгубфинотделом В.В. Столбовский:

«Во-первых, пришлось заняться сначала приемкой от уходящего в отставку со службы заведующего кладовых быв[шего] Нижегородского губернского и эвакуированного в Нижний из Петрограда Гербового казначейства с гербовым имуществом, вексельной и актовой бумагой, бандеролями и т. п.

Затем – срочной работой по исполнению циркуляра [от] 21 ноября 1921 г. за № 160 о немедленном окончании работ по ликвидации портфелей процентных бумаг частных банков и ценностей и сейфов. Последняя работа, производимая по вечерам, потребовала вскрытия ряда ящиков с ценностями бывш[их] частных банков, составления актов, подробных описей, перевешивания, сортировки и укупорки обезличенных ценностей».

Все эти работы велись с декабря 1921 года по февраль 1922 года. В будние дни – вечером, после окончания обычных занятий с публикой и ценностями. По праздникам работали с утра до ночи.

Сами Альбицкий и Рейтер как ответственные за кладовые и все хранившиеся в них ценности должностные лица НГФО принимали в проведении той операции «ближайшее и главное участие». Столбовский отметил:

«Едва намечался конец этой работы, как новое дело потребовало исключительных и усиленных сверхурочных занятий. Это–реэвакуация из Нижнего в Москву [в] Гохран всех ценностей кладовых (870 ящиков) по предписанию особоуполномоченного Совнаркома по учету и сосредоточению государственных ценностей (Троцкого). Указанная срочная и громоздкая работа производилась под наблюдением представителя Троцкого тов. Каузова в боевом порядке в конце февраля и в начале марта с[его] г[ода].

День отправки этих ценностей в Москву почти совпал с началом нового имеющего важное государственное значение, весьма трудного, требующего колоссальной затраты энергии и труда делом приемки, обработки и отсылки церковных ценностей. Указанная работа по требованию губисполкома производилась также в боевом порядке ежедневно в присутственное время – днем особо выделенным штатом из состава кассы и контроля и кроме того ежедневно по вечерам, за исключением первого дня Пасхи, во все праздничные дни, включая в то число и пролетарский праздник 1 мая.

Работа с церковными ценностями, требующая руководства, наблюдения и непосредственного участия Рейтера и Альбицкого, поглотила весь досуг этих лиц для какой-либо иной работы.

Лишь 26 мая с[его] г[ода] была произведена отправка первой партии церковных ценностей (200 ящиков весом 1000 пуд[ов]) в Москву в Гохран. В настоящее время работы с церковными ценностями продолжаются, хотя и [в] уменьшенном масштабе.

Ко всему изложенному необходимо добавить, что помимо указанных выше экстраординарных работ кассовый состав губфинотдела, в частности, Рейтер, Альбицкий, буквально завалены текущей работой по рассылке разменного капитала в уфинотделы и губфинотдел Поволжской губернии, приемкой громадных подкреплений из Центра, колоссальными поступлениями дензнаков (мелких купюр) как из подотчетных финотделов, так и по разного рода налогам, в частности, общегражданского налога, когда... приходилось отпускать свыше 1000 человек в день и организовывать по 12 приходо-расходных касс, закрывая их для прочих операций.

С 1 июня, когда окончились поступления церковных ценностей и осталась лишь обработка неотосланной

[их] части, равно временно уменьшился поток взносов общегражданского налога, Нижгубфинотделом предложено заняться окончанием работ, требуемых циркуляром № 118.

Если какое-либо дело не встретится на пути, то требуемые ведомости о поступивших и отосланных ценностях будут окончены приблизительно в половине июня и высланы в Москву»...

Основной груз работы «тянули» ветераны, служившие еще с царских времен в казначействах и Нижегородской конторе Государственного банка. Их оставалось уже не более 5–6 человек. Столбовский отметил:

«Все раскопки [архивных документов] по прежнему делопроизводству падают на их плечи, между тем как этот же персонал вынужден и руководить всей работой, и выполнять не прекращающиеся каждый день новые сверхсрочные и боевые задания при ежедневно разбегающемся и меняющемся штате.

Не считаю также возможным умолчать, что вся произведенная уже сверхсрочным порядком работа остается неоплаченной, так как обещанного... кредита на нее Нижегородскому губфинотделу не отпущено»...

В справке о службе Рейтера, составленной после его смерти 19 марта 1924 года, Столбовским отмечены заслуги Константина Георгиевича:

«С начала революции и до самой смерти он бессменно был на посту контролера при кладовых Нижгубфинотдела. При его ближайшем участии происходила эвакуация в кладовые Нижгубфинотдела из С.-Петербурга, Москвы, Симбирска, Сызрани и др. городов золота, серебра и проч. драгоценностей, а также реэвакуация этих ценностей в Москву и Петербург. В частности, в 1918–1921 г. в Нижний были эвакуированы из Петербурга до 3000 ящиков с драгоценностями, из коих 300 ящиков с драгоценностями Аничкова и Мраморного дворцов, 1600 ящиков с серебром и платиной. Монетного двора, остальные – прочих казенных учреждений и лиц. Стоимость эвакуированных вещей колоссальная...

Реэвакуированы же в период 1918–1919 гг. из кладовых Нижгубфинотдела следующие ценности:

9335 золотых слитка на номинальную сумму 198 263 958 руб.,

5442 мешка с серебряной монетой [на сумму] 5 442 000 руб.,

5873 [мешка] с золотой [монетой на сумму] 181 946 518 руб.

Причем ценности, золотая монета и золотые слитки составляли $^1/_2$ всего золотого запаса страны.

Работа по эвакуации и реэвакуации ценностей происходила всегда в боевом порядке, как например, отсылка золотых слитков и монеты в уплату по Брестскому договору, не считаясь со временем, и днем, и ночью и требовала усиленного напряжения сил.

Лично Рейтер неоднократно сопровождал реэвакуированные ценности и сдавал их в Кребиль и Гохран, в последний раз в 1922 г., транспорт ценностей вместе с представителем особоуполномоченного Совнаркома по сосредоточению ценностей т. Каузовым, причем последний устно передавал ему благодарность от тов. Троцкого за быстрое и аккуратно исполнение поручений по отправке ценностей.

При всем этом никаких замечаний Центра о неправильных высылках, неточностях и пропажах ценностей за все время реэвакуации не было»...

С 1 сентября 1922 года в кладовых губернской приходорасходной кассы был образован крупный запасной фонд денежных знаков – аналог прежнего «разменного капитала» Государственного банка Российской империи. Из этого фонда при необходимости осуществлялось подкрепление кассы. В него же должна была перечисляться часть кассовой наличности, превышавшая потребность в ней ближайших нескольких дней. Однако пока что эмиссия дензнаков намного превосходила их обратный приток в кассы НКФ...

Руководители уездных финансовых отделов продолжали бомбардировать Нижегородский губфинотдел телеграммами с просьбами о высылке дензнаков для подкрепления своих оборотных касс.

Острейший дефицит наличности в первую очередь сказывался на работе предприятий и учреждений, финансировавшихся из местного бюджета. Кредиты открывались – наличных денег не было. Поэтому кое-где «из благих побуждений» некоторые чины местной власти занялись самым настоящим фальшивомонетничеством.

В сентябре 1922 года губернский прокурор Лямаев доложил президиуму губисполкома об уголовном деле по обвинению находившихся уже под домашним арестом председателя Лысковского уездного бюро юстиции Гурьева, народного следователя Орлова, начальника местного исправительно-трудового дома Козыро и его помощника Порфеева. Все эти служители Фемиды сбывали изготовлявшиеся заключенным исправтруддома Покровским фальшивые денежные знаки образца 1921 года номиналами 5 млн рублей и выше. Они же оказывали содействие и самой фабрикации их народным умельцем...

Постепенно денежный голод начал стихать. Люди стали получать от государства долги по заработной плате, пенсиям, социальным пособиям. И лишь в глубинке денег по-прежнему не хватало. 10 октября 1922 года сменивший В.В. Столбовского новый заместитель заведующего НГФО Д.В. Ильичев * и заведующий Сметно-бухгалтерским управлением А.Н. Есин издали циркуляр всем уездным финорганам губернии:

«От некоторых финотделов продолжают поступать в губфинотдел ходатайства подкрепления оборотных касс дензнаками.

Признавая подобное явление крайне нежелательным и подлежащим прекращению, губфинотделы ставят в известность уфинотделы губернии, что впредь подкрепление оборотных касс уфинотделов путем высылки губфинотделом дензнаков производиться не будет.

Уфинотделы должны твердо уяснить себе тот факт, что они не должны являться только учреждениями, исполняющими одни лишь функции приходо-расходных касс, но должны помнить, что в них имеются налоговые

---

* *В конце сентября 1922 года Дмитрий Васильевич был прислан из Москвы, где работал заведующим подотделом Валютного управления НКФ РСФСР. До этого Ильичев возглавлял Пермский филиал Кребиля. Успешно руководил его срочной ликвидацией летом 1922 года.*

аппараты, от работы которых в переживаемое время зависит все благополучие страны в смысле укрепления (*так в тексте документа*. – **А.Е.**) дальнейшего падения ценности рубля. Все внимание, все силы должны быть обращены на налоговый аппарат. Уфинотделы должны усилить работу налоговых аппаратов, увеличить сбор поступления оборотных средств».

Согласно декрету СНК РСФСР от 3 ноября 1921 года, в стране была проведена первая деноминация: в обращение выпускались денежные знаки образца 1922 года достоинством 50 копеек, 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 рублей. Они обменивались на кредитные билеты и расчетные знаки всех прежних советских выпусков в соотношении 1:10 000. В обращение новые деньги выпускались «в пределах действительной потребности народного хозяйства Республики».

В ноябре того же года председатель СНК РСФСР В.И. Ленин писал:

«Вчера был триллион, а ныне четыре нуля вычеркиваются, и получается десять миллионов. Государство от этого не богатеет, но... шаг вперед к улучшению денег тут явный».

Прежде ветхие суррогаты и изъятые из обращения денежные знаки уездные финотделы и кассы НКФ пачками по тысяче листов почтой отправляли в столицу. Летом 1921 года все эти бумажные ценности стали высылаться своему губфинотделу. Там дензнаки пересчитывались финансистами и представителями местных органов Рабоче-крестьянской инспекции. Затем тюками отправлялись в НКФ РСФСР. Бывшие деньги перерабатывались на бумажных фабриках в сырье для последующего использования.

Получив переданное по радиотелеграфу распоряжение из Москвы, заведующий НГФО Иванов 15 ноября 1922 года издал приказ об уничтожении всех изъятых из обращения дензнаков, выпущенных по 1921 год включительно. Старые дензнаки было разрешено сжигать на местах также уездным финотделам и кассам НКФ: теперь отсылать их в губфинотдел уже не требовалось.

21 ноября предстояло произвести сжигание первой партии. Как говорилось в приказе, уничтожение последующих партий «будет продолжаться приблизительно около 3-х недель ежедневно с 11 ч. дня». Операция проводилась в котельной здания НГФО. Еще совсем недавно финансисты с нетерпением ждали прихода вагонов с этими денежными знаками из Кребиля, получали присланные в Нижегородскую почтово-телеграфную контору № 1 огромные тюки с подкреплением. Тогда они выпускали их в обращение. Теперь же провожали «в последний путь»...

Вторая деноминация была проведена в соответствии с декретом СНК РСФСР от 24 октября. В обращение выпускались денежные знаки образца 1923 года. 1 новый рубль обменивался на 100 рублей образца 1922 года или 1 млн рублей дензнаков, выпущенных до первой деноминации...

5 октября 1923 года Иванов доложил президиуму Нижегородского губисполкома, что приходорасходные кассы НКФ уже не справляются с приемом налогов:

«Во всех кассах губернии стали появляться "очереди", нередко за несколько часов до открытия касс. Плательщики тратят непроизводительно время в стоянии в "очереди" и, несмотря на долгие ожидания в "очереди", далеко не все могут сдать налоги. В учреждении происходит шум, пререкания, жалобы, давка, прекращение почти всех других операций за невозможностью войти в учреждение другим клиентам. Во многих кассах приходится прибегать к помощи милиции для установления порядка. Даже и такой громадный операционный зал, какой имеется в губфинотделе, и тот не может нередко вместить всей клиентуры.

Результатом таких явлений почти во всех кассах даже в обычные дни получается [нагрузка] кассово-бухгалтерского аппарата сверх положенных 6 часов работы, так как к 4-м часам не удается рассортировать и подсчитать деньги и согласовать кассу с выводами бухгалтерии, не говоря уже о состоянии периодической отчетности».

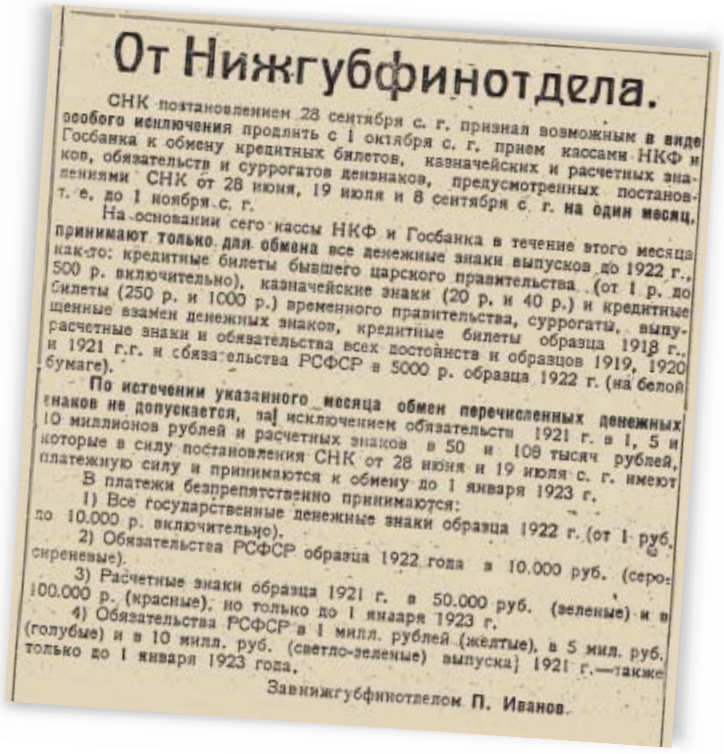
5 февраля 1924 года ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О выпуске государственных казначейских билетов». Такие билеты номиналами 1, 3 и 5 рублей золотом пришли на смену подлежавшим выкупу совзнакам образца 1923 года в соотношении 1:50 000.

От Нижгубфинотдела.

Постановлением ВЦИК и СНК от 5 декабря с. г. срок приема к обмену расчетных знаков и обязательств, утрачивающих свою платежную силу с 1-го января, продлен до 31-го января 1923 г. включительно.

Зав. Губфинотделом П. Иванов.

От Нижгубфинотдела.

СНК постановлением 28 сентября с. г. признал возможным в виде **особого исключения** продлить с 1 октября с. г. прием кассами НКФ и Госбанка к обмену кредитных билетов, казначейских и расчетных знаков, обязательств и суррогатов дензнаков, предусмотренных постановлениями СНК от 28 июня, 19 июля и 8 сентября с. г. **на один месяц**, т. е. до 1 ноября с. г.

На основании сего кассы НКФ и Госбанка в течение этого месяца **принимают только для обмена** все денежные знаки выпусков до 1922 г., как-то: кредитные билеты бывшего царского правительства (от 1 р. до 500 р. включительно), казначейские знаки (20 р. и 40 р.) и кредитные билеты (250 р. и 1000 р.) временного правительства, суррогаты, выпущенные взамен денежных знаков, кредитные билеты образца 1918 г., расчетные знаки и обязательства всех достоинств и образцов 1919, 1920 и 1921 г.г. и обязательства РСФСР в 5000 р. образца 1922 г. (на белой бумаге).

По истечении указанного месяца обмен перечисленных денежных знаков не допускается, за исключением обязательств 1921 г. в 1, 5 и 10 миллионов рублей и расчетных знаков в 50 и 100 тысяч рублей, которые в силу постановления СНК от 28 июня и 19 июля с. г. имеют платежную силу и принимаются к обмену до 1 января 1923 г.

В платежи беспрепятственно принимаются:

1) Все государственные денежные знаки образца 1922 г. (от 1 руб. до 10.000 р. включительно).

2) Обязательства РСФСР образца 1922 года в 10.000 руб. (серо-сиреневые).

3) Расчетные знаки образца 1921 г. в 50.000 руб. (зеленые) и в 100.000 р. (красные), но только до 1 января 1923 г.

4) Обязательства РСФСР в 1 милл. рублей (желтые), в 5 мил. руб. (голубые) и в 10 милл. руб. (светло-зеленые) выпуска 1921 г.—также только до 1 января 1923 года.

Зав. Нижгубфинотделом П. Иванов.

Объявления в «Нижегородской коммуне»

Денежная реформа приближалась к своему завершению. 15 марта 1924 года начальник Валютного управления НКФ СССР профессор Л.Н. Юровский подписал отпечатанное *в единственном экземпляре* совершенно секретное письмо № 013/1741/210. Оно было адресовано заведующим Нижегородским и Казанским губфинотделами:

«Предъявитель сего агент Особой части Валютного управления НКФ СССР Абрам Израилевич Рабинович командируется в Ваши города для реализации золотой монеты.

Вам надлежит оказывать всяческое содействие означенному агенту при выполнении возложенных на него предписаний.

Обращаем Ваше внимание, что настоящая операция, входящая в общий план проведения денежной реформы, не может быть отменена никакими распоряжениями местных властей. В частности, означенная операция проводится по соглашению с ГПУ, коим даны соответствующие указания его местным органам. Вам надлежит наблюдать за тем, чтобы агенту Особой части не чинилось препятствий, и в случае наличия таковых препятствий, принимать соответствующие меры, а также сообщать о сем Особой части».

С 25 марта 1924 года выпуск совзнаков в обращение из касс НКФ и Госбанка СССР был прекращен. 31 мая стало последним днем обмена совзнаков образца 1923 года на казначейские билеты. Так они стали просто «бумагой»...

15 февраля 1924 года Валютное управление НКФ СССР циркулярно предписало губфинотделам и кассам немедленно приступить к списанию со счетов имеющихся на местах запасных фондов совзнаков. Все находившиеся в них денежные знаки образца 1923 года были заделаны в особую тару с наложением печатей и составлением соответствующих актов. При этой процедуре

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

от ВАЛЮТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НКФ Союза ССР.

Валютное Управление НКФ СССР доводит до всеобщего сведения, что согласно постановлению СНК Союза ССР от 22-го сего марта:

1) Дензнаки обр. 1923 г. сохраняют силу законного платежного средства для расчетов среди населения до 10-го мая с. г. включительно по установленному курсу (50.000 р. дензнак. обр. 1923 г. = 1 руб. золот.);

2) Прием означенных дензнаков в платежи кассами НКФ и Госбанка и к обмену их упомянутыми кассами на твердую валюту будет производиться по 31-е мая с. г. включительно.

Начальник Валютного Управления **Л. ЮРОВСКИЙ.**

Управляющий Отделом Дензнаков **ТУГАРИНОВ.**

«Валютное управление НКФ СССР доводит до всеобщего сведения...»

Начальник Валютного управления НКФ СССР профессор Леонид Наумович Юровский

присутствовали и представители местных органов Рабоче-крестьянской инспекции. До получения особых распоряжений от Валютного управления старые деньги хранились в кладовых Нижегородского губернского финансового отдела на Большой Покровской улице.

В конце февраля Валютное управление направило губфинотделам и кассам НКФ радиограмму: приступить к уничтожению запасных совзначных фондов «путем их сожжения».

Запасы совзнаков, имевшиеся в столице, тоже подверглись уничтожению. Однако они не сжигались, а на особой машине изрезались в мельчайшие клочки для изготовления из этой «лапши» бумажной массы.

Летом 1924 года в топке гарнизонных бань на Лыковой дамбе Нижнего Новгорода началось сжигание изъятых из обращения совзнаков. Только в июне их уничтожили на сумму 922 569 700 рублей. Этой же «бумагой» отапливались тогда и Ковалихинские бани.

Осенью совзнаки под присмотром финансистов и чекистов сжигались в помещении Нижегородского губернского отдела ОГПУ.

Процесс физического уничтожения бывших «лимонов» завершился лишь в 1926 году. В конце концов усилиями финансистов и госбанковцев с былым «денежным распутством» удалось покончить. Появились и стали исполняться «твердые» (бездефицитные) бюджеты.

Политики ввергли державу в хаос. Возродили же поверженную в прах ее финансовую систему скромные государственные служащие ведомства НКФ РСФСР и его местных учреждений.

Среди них имелось немало чинов бывшей Нижегородской казенной палаты, губернского и уездных казначейств, губернской конторы Народного банка РСФСР и ее филиалов. Старые профессионалы, они исполнили свой долг. «Во что бы то ни стало...».

Чтобы бюджеты стали «твердыми»…

Октябрьский переворот мгновенно породил в государственных финансах неимоверный хаос. Бывший член коллегии Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР Л.Л. Оболенский 10 лет спустя вспоминал о том времени:

«...Отсутствие всяких смет, не только общих, но и отдельных, нерегулярность расходов, полнейшее пренебрежение учетом и контролем; случайные ассигнования Совнаркома без ведения общего учета расходов и доходов; полнейший упадок кассовых аппаратов всякого рода и стремление всех, даже самых микроскопических единоличных органов администрации держать расходные средства не в государственных кассах, а при себе ("за голенищем", как тогда выражались)...».

2 мая 1918 года Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР под председательством В.И. Ленина принял декрет «О соблюдении единства кассы»:

«1) Все денежные средства (наличные деньги, процентные бумаги) и ценности, находящиеся в заведывании и на хранении советских учреждений или должностных лиц, должны вноситься в кассы Народного банка или Государственного казначейства.

2) Все платежи кредиторам советских учреждений или должностных лиц производятся кассами Народного банка или Государственного казначейства по ассигновкам и чекам.

3) Советские учреждения и должностные лица вправе иметь в своем заведывании и хранении лишь авансы, отпускаемые им на мелкие операционные или командировочные расходы».

Принятая 10 июля 1918 года Конституция (Основной закон) РСФСР установила, что все доходы и расходы Республики объединяются в общегосударственный (федеративный) бюджет. От решений Всероссийского съезда советов или ВЦИК зависело, какие конкретно доходы и сборы поступают в общегосударственный бюджет, а какие – в распоряжение местных органов советской власти.

Наладить на местах сметно-бюджетное дело в новых условиях оказалось очень трудно. Еще 30 августа 1918 года на заседании президиума Нижегородского губисполкома (НГИК) комиссар С.А. Акимов в своем докладе о финансировании государственных учреждений губернии вынужден был констатировать:

«Финансовому отделу пока еще не удалось устранить самочинные действия некоторых уездных советов, которые вводят без ведома финансового отдела налоги, контрибуции и т. п.

И все это является потому, что нет еще окончательно выработанных смет, по которым бы могли получать кредит от Центра.

За последнее время смет поступило много, но с этими сметами ничего нельзя предпринять, учреждения должны опять обратиться в Центр за кредитом.

Чтобы эту ненормальность устранить, может быть, придется губернскому исполнительному комитету ходатайствовать перед Центром, чтобы он открыл кредит на определенную сумму в счет будущих смет финансовому отделу, который на очень неотложное [дело] отпустит по ассигнованиям суммы до полного утверждения смет в Центре»...

31 октября 1918 года СНК РСФСР принял декрет «О слиянии казначейств с учреждениями Народного банка»:

«Возложить на отделения (конторы) Народного банка производство операций по приему государственных доходов, специальных средств и депозитов и по производству расходов из сумм государственных доходов, специальных средств и депозитов».

24 мая 1919 года СНК РСФСР утвердил «Сметные правила» на июль–декабрь. Суть их состояла в том, что построение сметных исчислений и финансовых смет производилось местными советскими властями: Центр же лишь согласовывал их и разрешал к проведению в жизнь. Этот порядок, впоследствии еще более либерализированный в отношении запросов ведомств, действовал до середины 1921 года.

Открывавшиеся местным Советам кредиты подлежали расходованию в пределах сметных подразделений (статей и параграфов). Они должны были использоваться исключительно по своему прямому назначению без обращения на удовлетворение каких-либо потребностей. Противное дозволялось лишь при получении специальных каждый раз на то разрешений Центра.

Нижегородский губернский исполнительный комитет утверждал общую смету предстоящих по всей губернии расходов и направлял ее в соответствующие наркоматы, ведомства и центральные управления. Если там ее принимали, губисполкому открывались соответствующие бюджетные кредиты. Бескредитные выдачи полученных средств категорически запрещались. Нарушителям бюджетной дисциплины грозили суровые кары.

В действительности же при нарастании на периферии центробежных тенденций губернские власти эту дисциплину нарушали сплошь и рядом: им было виднее, сколько денег и на какие цели расходовать. Уездные власти сметную дисциплину тоже не жаловали.

В своем докладе (июнь 1920 года) заместитель заведующего НГФО П.П. Ивашкевич отметил:

«...Составление уфинотделами местных смет в течение прошлого года шло крайне медленно: большая часть смет за первую половину 1919 г. была представлена в губфинотдел лишь к концу первого полугодия... а значительная часть уездных смет... была представлена уже во втором полугодии.

Такая же медленность была допущена и в представлении смет на 2-е полугодие 1919 г.: большинство этих смет поступили в губфинотдел в самом конце 1919 г., а часть смет – даже в начале 1920 г. (смета на 2-е полугодие 1919 г. по Макарьевскому уезду была представлена в губфинотдел лишь 16 апреля 1920 г.).

Такое же печальное явление имеет место и в текущем году. Несмотря на ряд напоминаний, сметы представляются уфинотделами весьма несвоевременно. Из 12 уездных смет на 1920 г. были представлены в марте месяце только 2, в апреле 1, в мае 3.

По двум уездам, Павловскому и Воскресенскому, представлены только доходные сметы: по Павловскому в апреле месяце, по Воскресенскому в марте месяце, а расходные сметы, составление коих, казалось бы, должно было предшествовать составлению доходных смет, до сих пор не представлены. По остальным уездам сметы до сих пор не представлены, хотя по этим, особенно неаккуратным, уездам были написаны их уфинотделам особые подтверждения о скорейшем представлении смет, и кроме того губфинотдел обращался к уездным исполкомам этих уездов с просьбой оказать содействие к скорейшему представлению уфинотделами задержанных смет»...

Реалии «военного коммунизма» породили у большевиков иллюзию грядущего уже вскоре отмирания финансов, денег, денежных бюджетов и всех прочих атрибутов «старого строя». В изданном к III конгрессу Коммунистического интернационала сборнике «Социальная революция и финансы» руководители Народного комиссариата финансов РСФСР так и указали:

«...Как бы ни были энергичны усилия к соблюдению правильных начал бюджетного строения, как бы ни были целесообразны предпринимаемые меры к его упорядочению, во всяком случае при социалистическом устремлении всей хозяйственно-экономической жизни и деятельности РСФСР денежные бюджеты должны почитаться обреченными на постепенное умирание. Отсюда, впрочем, отнюдь не следует, что денежные бюджеты не заслуживают особых забот к их упорядочению, напротив того, от упорядоченного денежного бюджета будет легче, конечно, перейти к бюджету, который будет составляться и исполняться без денежных оборотов, по крайней мере, в их нынешней форме.

Неизбежность вырождения денежного бюджета предуказывает лишь на необходимость разработки подготовительных мероприятий, обеспечивающих правильный и планомерный переход от этого бюджета к новой системе бюджетов, которые должны будут представлять собою совокупность оборотов с материальными ценностями, учет их поступления в распоряжение РСФСР и план их распределения между учреждениями, предприятиями, организациями и населением».

Разумеется, составлять и исполнять подобные бюджеты должно было во всяком случае не финансовое ведомство. Всем казалось, что дни последнего сочтены. Как вспоминал народный комиссар финансов СССР Г.Я. Сокольников, над Наркомфином в начале 1921 года была «занесена гильотина»... В тех условиях советское финансовое ведомство считалось самым бесполезным из всех существовавших.

Фактически государство бросило своих местных финансистов на произвол судьбы. 5 марта 1920 года заведующий Воскресенским уездным финотделом (УФО) донес своему губернскому начальству:

«...Отсутствие работников как в финансовом отделе, так и в волисполкомах, работать буквально некому: такие отделы, как лесной, упродком, союз трудовых артелей, выдают служащим достаточный паек и предметы 1-й и 2-й необходимости, остальные же отделы, в том числе и финансовый, кроме 15 фунтов ржи в месяц, да и то не всегда, ничего не получают, а потому в лесном отделе, в упродкоме служащих полный штат, в налоговом же подотделе из сокращенного штата в 17 человек всего лишь четверо; в сметно-кассовом – двое. Такое отсутствие работников [существует и] в волостях, где кроме того нет ни клочка бумаги, почему многие требования у финотдела остаются без исполнения за неимением бумаги и бланков».

Еще более остро стояла проблема перед Нижегородским губернским финансовым отделом (НГФО). 16 апреля 1920 года его заведующий Е.М. Канторович доложил президиуму Нижгубисполкома:

«Бедственное продовольственное положение служащих финотдела в настоящее время достигло необычайных размеров и создает непреодолимые препятствия для правильной работы.

Состав служащих губфинотдела таков, что самый плохой из них представляет собой ценность для всякого

Авторы сборника были убеждены: «...Денежные бюджеты должны почитаться обреченными на постепенное умирание»

учреждения в качестве счетоводов, бухгалтеров и проч., и каждый день ко мне поступает большое количество заявлений о разрешении перехода в водный транспорт, губисполком, ж. д. Нижний – Котельнич, совнархоз и т. д., где служащие обеспечены пайком, иногда весьма солидным.

Отказ в переходе влечет за собой, конечно, слабую интенсивность труда, так как, не преувеличивая, у нас значительная часть в буквальном смысле вымирает с голоду. Последний Вам акт, отбирание 35 пят[ериков] дров, заготовленных собственным трудом самих служащих в самую скверную погоду (причем на этой операции умерло несколько человек от простуды), повлиял на служащих очень плохо, тем более, что по декретному положению было предоставлено всем учреждениям право заготовки и обещана неприкосновенность.

Наши же служащие, могу свидетельствовать, радеют не за страх, а за совесть, как старые испытанные служащие, привыкшие служить...».

В разгар «военного коммунизма» по докладу Народного комиссариата финансов РСФСР 18 июня 1920 года сессия ВЦИК постановила деление бюджетов на общегосударственный и местные отменить. Отныне все доходы поступали в единую (общую) государственную кассу. Из той же кассы производились теперь и все расходы.

Суть происходившего с местными финансами по «горячим следам» в 1922 году очень точно сформулировал профессор К.К. Загорский:

«Когда местные средства были слиты с общегосударственными и каждый рубль, собираемый в данном месте, шел в общегосударственные ресурсы, места для удовлетворения своих собственных чисто местных нужд не были заинтересованы в собирании этих средств. Сознание же того, что в этих средствах нуждается государство в целом, очевидно, слишком слабо. Поэтому всякого рода налоги и сборы не взыскивались, плата за электричество, воду и т. п. не взималась, к изысканию новых источников меры не принимались.

Боевой орган Народного комиссариата финансов РСФСР

Единственным источником средств были ассигнования центральной государственной власти и на их получение и направлялась вся энергия местных финансовых частей и отделов. Вся работа в области финансов на местах сводилась к выторговыванию у центральных учреждений возможно больших кредитов и дележу их затем между различными местными учреждениями и предприятиями. Причем так как получение возможности расходовать большие суммы нисколько не связывалась с возложением каких-либо новых тягот именно на данную местность, то места сплошь и рядом производили расходы на далеко не необходимые цели»...

В номере «Вестника финансов», посвященном десятилетнему юбилею октябрьского переворота, С.Т. Кистенев рассмотрел финансовую политику государства периода «военного коммунизма». Он писал:

«Эта бюджетная политика, единственно в сущности возможная в обстановке гражданской войны, постоянно менявшейся территории и быстро падавшей валюты, при всех ее неудобствах, имела все же то положительное значение, что обеспечивала централизованное регулирование расходов и постепенно насаждала бюджетную дисциплину на местах. Не менее положительное значение имел и строго проводившийся Наркомфином принцип единства кассы для всех государственных учреждений. С нарушителями этого принципа все время велась упорная борьба.

Само собой разумеется, что поскольку Правительство не переходило в бюджетной области на твердый измеритель ценности, бюджета в настоящем смысле слова не существовало, была лишь сметно-бюджетная работа в области расходов, удовлетворявшая практическим запросам дня и стремившаяся восстановить утраченную за время революции бюджетную дисциплину».

22 февраля 1921 года СНК РСФСР рассмотрел вопрос об отмене предварительного контроля выплат всех видов зарплаты рабочим и служащим:

«1) предварительная ревизия Рабоче-крестьянской инспекции на все виды заработной платы рабочим и служащим, как-то: жалованье, сверхурочные, премиальные, сдельные, командировочные и т. д. отменяется.

Примечание: упомянутые выплаты заработка производятся под ответственностью соответственных распорядителей кредитов в точном соответствии с существующими по сему вопросу правилами.

2) проверка правильности выплат заработной платы производится Рабоче-крестьянской инспекцией в порядке последующей ревизии».

Губернский баланс направлялся теперь не Наркомату рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, а в счетный отдел Центрального бюджетно-расчетного управления. Последний же составлял общие сводные баланс и отчет по всей Республике.

С провозглашением в марте 1921 года новой экономической политики (нэпа) из умирающего «за своей полной ненадобностью» НКФ РСФСР мгновенно превратился в главное экономическое ведомство Республики. Одной из важнейших направлений его деятельности закономерно стала работа по составлению и исполнению бюджетов: согласно декрету ВЦИК от 10 августа 1921 года деление бюджета на государственный и местные было восстановлено.

К середине 1921 года на территории Нижегородской губернии функционировали 13 уездных финансовых отделов (УФО): Ардатовский, Арзамасский, Балахнинский, Васильский, Воскресенский, Выксунский, Княгининский (в Большом Мурашкине), Лукояновский (в Починках), Лысковский, Нижегородский, Павловский, Семеновский и Сергачский.

Кроме них существовали также приходорасходные кассы НКФ в бывших уездных центрах: Богородске, Горбатове, Княгинине, Лукоянове и при Нижегородском губернском продовольственном комитете.

Кассы в Богородске, Лукоянове и при губпродкоме имели самостоятельный баланс. Горбатовская и Княгининская кассы с упрощенным счетоводством были подотчетны непосредственно местным УФО.

Действием всех уездных финотделов и приходорасходных касс НКФ руководил Нижегородский губернский финансовый отдел.

Вскоре руководимый А.Н. Сидякиным расчетно-кассовый подотдел Сметно-расчетного управления НГФО будет реорганизован в Нижегородскую губернскую приходорасходную кассу НКФ.

Уездные финотделы организовывались по упрощенному типу. Они состояли из бюджетно-расчетного подотдела, приходорасходной кассы и канцелярии. Большинство УФО и касс располагалось в помещениях бывших уездных казначейств.

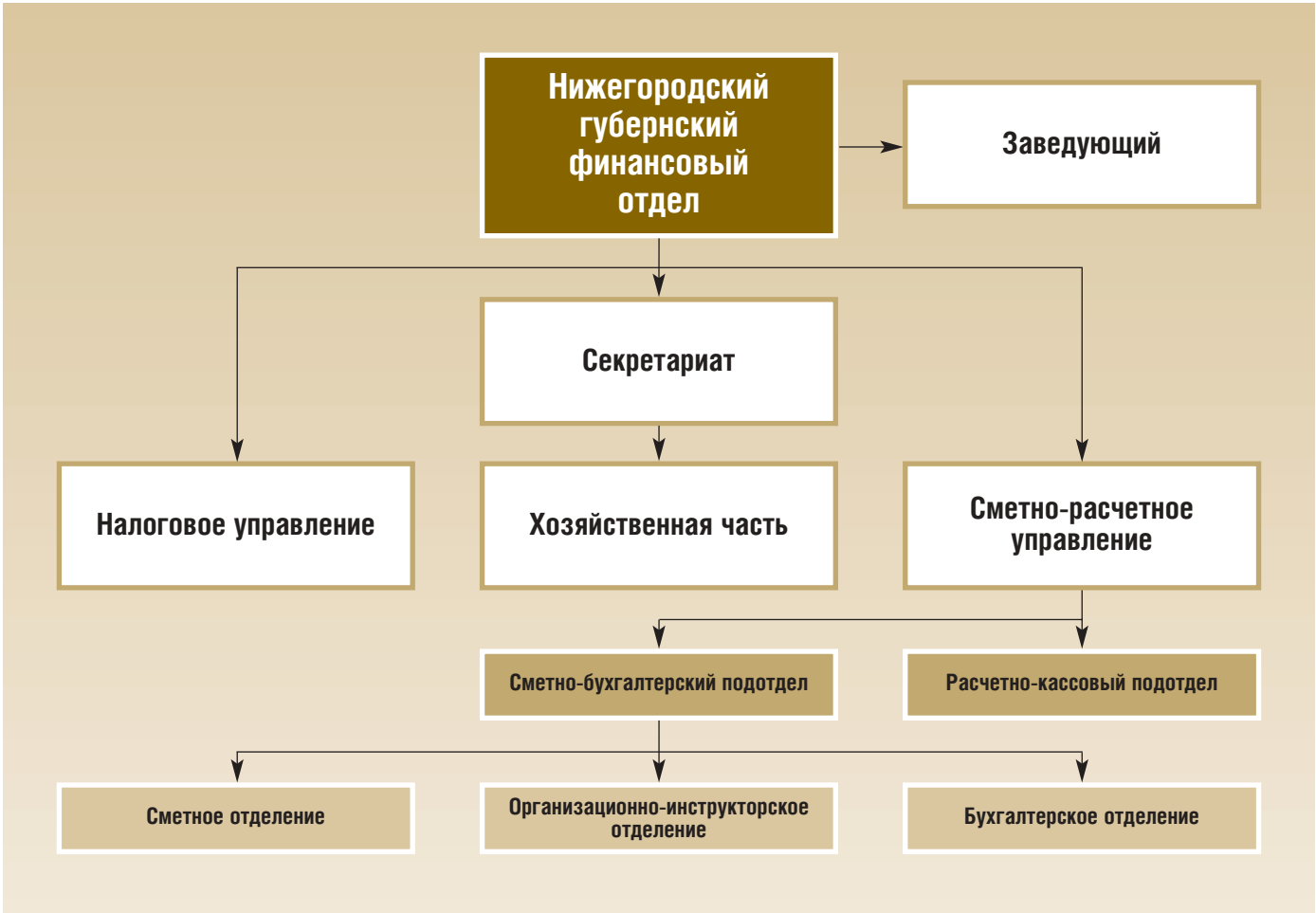
Штат Нижгубфинотдела в 1921 году был заполнен *лишь наполовину*. В уездах же ситуация складывалась еще более удручающе. Из-за болезни немногочисленного наличного аппарата Княгининского уездного финотдела все операции учреждения пришлось закрыть на целую неделю...

После поразившей огромную часть Европейской России засухи в Поволжье начался голод. 3 августа 1921 года на своем общем собрании служащие Нижегородского губфинотдела приняли решение помочь пострадавшим. Они постановили:

«Не имея возможности прийти на помощь реальными благами, при полном отсутствии пайка, отчислять из своих скудных денежных заработков по 10 проц. из всех денежных получений в течение 3-х месяцев и в последующие месяцы по 5%».

Первое полугодие деятельность местных финотделов губернии почти всецело сводилась к финансированию

Структура Нижегородского губернского финансового отдела по состоянию на 1 июля 1921 года

«в порядке сметных назначений» промышленных предприятий и учреждений всех ведомств. Они также регистрировали открываемые Центром кредиты по учрежденческим сметам, для содержания уездных учреждений разассигновывали их на соответствующие УФО и приходорасходные кассы. Рассматривали составленные этими учреждениями сметы, давали по ним свои заключения.

При этом губернский финансовый отдел осуществлял инструктирование уездных финотделов относительно порядка производства операций, ведения счетоводства и отчетности.

Высшие органы власти неоднократно принимали суровые декреты и постановления о необходимости неукоснительного соблюдения кредитной дисциплины и недопущения бескредитных расходов «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах». Нарушителям грозило судебное преследование.

На местах же власти вынуждали руководителей финансовых органов творить многочисленные нарушения. 21 октября 1921 года заведующий Нижгубфинотделом П.Е. Иванов телеграфировал в НКФ РСФСР:

«Постановлением губисполкома от 27 сентября разрешена бескредитная выдача двести девяносто миллионов на удовлетворение содержанием только членов исполкомов ввиду повышения ставок. Новым постановлением от 6 октября разрешена бескредитная выдача для удовлетворения сотрудников отделов управления содержанием, которая выразится согласно дополнительной сметы свыше трех миллиардов. Прошу указаний».

На следующий день заместитель наркома финансов РСФСР А.О. Альский, тоже по телеграфу, предписал П.Е. Иванову:

«...Постановление это как незаконное отменить, необходимые кредиты срочно испросить [в] Центре, о последующем телеграфировать для доклада ВЦИК».

В ответ на это требование президиум Нижегородского губисполкома через три дня постановил:

«1) телеграфно известить Наркомфин, что в связи с повышением [окладов содержания] необходимые дополнительные сметы уже составлены и отправлены в Наркомвнудел. Ввиду неполучения кредитов до настоящего времени жизнь сельсоветов, волисполкома и уисполкома приостанавливается, почему президиум губисполкома и считает свое постановление в силе, тем более, что оно вынесено до решения последней сессии ВЦИК.

2) предложить губфинотделу в зависимости от наличия дензнаков рассигновать разрешенные постановлением губисполкома кредиты по уездам».

Спустя еще полмесяца президиум Нижгубисполкома разрешил новые крупные бескредитные выдачи. На сей раз 300 млн рублей* просил губернский комитет ВКП(б). Еще по 200 млн рублей требовалось губернскому совету профсоюзов и губвоенкомату. Президиум губисполкома постановил:

«Принимая во внимание те ударные работы, кои в данный момент проводятся губкомом ВКП(б) и губпрофсоветом, предложить губфинотделу выдать бескредитно губкому триста миллионов и губпрофсовету двести миллионов»...

14 декабря 1921 года Иванов доложил заведующему губернским отделом юстиции о причинах допущенных им нарушений:

«1) бескредитные выдачи по сметным расходам отдельных ведомств допускались мною исключительно на основании категорических предложений президиума губисполкома, против которых я всегда возражал, но не подчиняться которым не считал себя вправе, и кроме того, выдачи всегда производились только в тех случаях, когда я также находил, что данная бескредитная выдача вызвана необходимостью и что то дело, на которое требуется та или иная сумма к выдаче без кредита, ждать не может...

В период времени с начала августа и до декабря месяца мною было разрешено по требованию президиума губисполкома бескредитных выдач всего на сумму 1 180 335 822 руб. Все эти выдачи в настоящее время уже покрыты за исключением трех, а именно: губюсту – 5 млн руб., отделу управления на содержание уисполкомов 299 204 000 руб. и транспорта губисполкома 70 млн руб. ...

В некоторых случаях, предлагая мне допустить бескредитную выдачу, губисполком делал в своем постановлении приписку о том, что такое распоряжение дается им последний раз, но и после этого мною получались новые выписки из протокола президиума относительно новых бескредитных выдач. В качестве примера такого рода приписки могу сослаться на протокол № 79/10 президиума от 20 сентября, в пункте 2-м которого говорится: “Сообщить всем губотделам, что в дальнейшем никаких бескредитных выдач губисполком не производит”.

Приписка сделана 20 сентября, а после этого последовал новый ряд предложений президиума о бескредитных выдачах».

Объяснил Павел Ефимович и допущенные им расходы со счета «Разные выдачи» на общую сумму 1 622 000 000 рублей:

«Все эти расходы... производились мною исключительно на основании категорических предписаний губисполкома, не подчиниться каковым я не имел возможности.

В силу изложенного и, принимая во внимание, что все допущенные мною отступления от правильного порядка расходования были сделаны не самовольно, а лишь по предложению президиума губисполкома, не подчиниться коим я не имел права, а также принимая во внимание то обстоятельство, что все эти расходы были вызваны экстренными, неотложными надобностями, с чем я также должен был считаться, и, наконец, учитывая, что расходы эти в значительной своей части уже погашены, я полагаю, что как я, так и президиум губисполкоми, не можем и не должны нести какой-либо ответственности за действия, которые не нарушали интересов государства, а послужили на пользу последнему»...

16 декабря 1921 и 20 июля 1922 года ВЦИК снова разразился «антибескредитными» декретами. 12 октября 1922 года Совет народных комиссаров РСФСР

* *В ноябре 1921 года это был эквивалент 5 тысячам довоенных (золотых) рублей.*

признал разрешение каких бы то ни было бескредитных выдач губисполкомами и другими местными властными структурами «тягчайшей виной». Советское правительство просило президиум ВЦИК «в самом срочном порядке» предать суду всех виновников таких выдач.

Приказом № 3453 от 29 ноября 1922 года НКФ РСФСР предложил губернским и областным финотделам «под страхом ответственности» бескредитные выдачи не допускать, в случае же поступления подобных требований – доносить ему по телеграфу не позднее 48 часов.

17 апреля 1923 года подобного содержания издали совместный циркуляр № 346 ВЦИК, СНК и НКФ РСФСР. В нем содержалось предупреждение: при производстве новых бескредитных выдач председатели исполкомов и заведующие финотделами будут нести персональную ответственность. Как материальную, так и уголовную.

Тем не менее «в силу необходимости» незаконные распоряжения со стороны местных властей к финансистам продолжали поступать и впредь...

Финансовому аппарату грозил полный развал. Материальных ресурсов для удержания специалистов у местных властей не было. Поэтому они прибегали к незаконным мерам. 24 марта 1922 года председатель Нижгубисполкома А.И. Муралов секретно предписал губернскому отделу труда:

«Ввиду необеспеченности работников финансовых органов последние стремятся перейти на более обеспеченные места, ослабляя этим финорганы, работа которых в настоящее время, в связи с новой экономической политикой должна считаться ударной, а финорганы и без того далеко не обеспечены в полной мере работниками-специалистами.

Вследствие такого положения дела работа финорганов не только [не] может идти планомерно, но может и приостановиться совсем, а поэтому президиум губисполкома, имея это в виду, предлагает Вам принять меры к тому, чтобы уходящим сотрудникам губфина или совершенно не давались места, или предлагались нижеоплачиваемые, другими словами, поставить их в такие условия, чтобы они при уходе со службы из губфина не только не выигрывали в материальном отношении, но напротив, даже проигрывали, и тем пресечь перебежки финансистов».

Однако и подобные меры удержать специалистов на службе не могли...

По сравнению с некогда отлаженной и четко функционировавшей Нижегородской казенной палатой Нижегородский губернский финансовый отдел ни в какое сравнение идти не мог: хроническая текучка кадров, постоянные вакансии, много случайно принятых на работу неграмотных людей, каких-либо серьезных представлений о финансах, бюджете, деньгах не имевших.

3 сентября 1922 года на пленуме Нижгубисполкома выступил специально приехавший во главе рабочей группы специалистов заместитель народного комиссара финансов РСФСР Альский. В опубликованной через день «Нижегородской коммуной» беседе с ним отмечено:

Председатель Нижегородского губисполкома (1923–1928) Александр Иванович Муралов

«...Т[оварищ] Альский указал на слабость нижегородского аппарата губфинотдела, который может конкурировать разве что с аппаратом Наркомфина Якутской области. Эта причина и вынудила послать [от] Наркомфина комиссию из специалистов для налаживания работоспособности нижегородского филиала. Комиссия намерена перекинуть свою работу не только в местном губфинотделе, но и в уездных, а также в некоторых государственных трестах для налаживания правильной и интенсивной работы финансовых аппаратов».

Губисполком тут же начал подтягивать служебную и отчетную дисциплину, принимая суровые меры, вплоть до ареста заведующих финансовыми отделами...

Вновь назначенный заведующим Сормовским уездным финотделом А.И. Матросов 7 января 1923 года доложил своему губернскому начальству о положении в сметно-кассовом подотделе учреждения:

«Много писать нет смысла. Один ужас. Мученье – не работа. Ни одного квалифицированного сотрудника. Запуски чертовские. Некоторые книги до сих пор не заведены и завести нет возможности, так как документы не составлялись. Стаж следующий: от 5–8 дней до 2 мес[яцев]. Необходимы срочные меры к пополнению – замене штатов»...

29 апреля 1922 года президиум ВЦИК принял Постановление «О замене уездных финансовых отделов казначейскими кассами». Осуществить его практическую реализацию из-за открытого сопротивления местных властей не удалось. Поэтому 28 сентября ВЦИК и СНК РСФСР то постановление отменили:

«Сохранить уездные финансовые отделы и возложить на них работу по подготовке и проведению смет по местному бюджету, наблюдение за взиманием местных сборов и налогов, учет и производство расходов из местных средств и вообще непосредственное руководство финансовым делом в пределах уезда».

В конце мая 1922 года состоялся съезд финансовых работников Нижегородской губернии. Главным обсуждавшимся вопросом на нем стали проблемы бюджета и сбора налогов.

Прежде бюджетный год совпадал с календарным. 30 сентября 1922 года СНК РСФСР принял декрет о переносе начала бюджетного года на 1 октября.

Девятимесячный бюджет Нижегородской губернии на январь – сентябрь 1922 года был единым: на уездные, городские и волостные бюджеты он не подразделялся. Для местных учреждений бюджетное дело тогда являлось совершенно новым, незнакомым. Поэтому Нижегородский губисполком не без оснований опасался, что в уездах и волостях с составлением бюджетов вряд ли кто справится.

Тот единый губернский бюджет составлялся в золотых (довоенных) рублях, но исполнение его осуществлялось в реально обращавшихся советских знаках (совзнаках) образца 1922 года по ежемесячно объявлявшемуся их курсу. Бюджет носил сугубо ориентировочный характер. Его заключение производилось Нижегородским губернским коммунальным отделом (НГКО).

Волею судеб находился этот отдел в том же самом помещении бывшего вице-губернаторского дворца, занимавшемся до своего переезда в здание на Большой Покровской улице Нижегородским губернским казначейством...

3 октября 1922 года в Нижний поступила радиограмма за подписями заместителя наркома финансов РСФСР М.К. Владимирова и заместителя наркома внутренних дел РСФСР Полякова: «в целях сосредоточия работы [и] ответственности за состояние местного бюджета в одном органе» коммунальные налоговые комиссии упразднялись. Их функции передавались губернскому отделу.

К весне 1923 года количество приходорасходных касс на территории губернии увеличилось. Работать при урезанном штате руководимому Ивановым аппарату губернского финансового отдела становилось все труднее. Павел Ефимович обратился в президиум губисполкома:

«Кассово-бухгалтерская работа, сосредотачиваемая в Нижегородском губфинотделе по 23 кассам, конечно, не может выполняться при нормальном штате так же успешно, как и в других губерниях, где число касс не превышает 15.

Но когда даже и этот штат уменьшается на 100 человек против губерний, находящихся в более выгодном положении, то естественно, что Нижегородскому губфинотделу справиться с работой совершенно невозможно, и доведение до такого числа неналоговых работников было бы равносильно приостановлению деятельности кассово-бухгалтерской работы в Нижегородской губернии».

Бюджет 1922/23 года состоял из губернского, уездных и бюджета Нижнего Новгорода. Волостные бюджеты впервые появились только в следующем бюджетном году.

Из-за отсутствия на местах «твердого» годового хозяйственного плана основные сметы в течение года не смогли охватить всех потребностей. Поэтому «на ходу» пришлось составлять более двухсот дополнительных смет. В одной из брошюр 1923 года о бюджете губернии ее авторы образно заметили:

«Ясно, что эти сметы совершенно искажали основные сметы, напоминая множество самых разнообразных пристроек к главному зданию, изменяющих его первоначальный архитектурный стиль...

Нарком финансов РСФСР (1922—1924)
Мирон Константинович Владимиров

Лучше и полнее удовлетворялись не самые важные и настойчивые потребности, а те, на которые было больше запрошено или о которых сумели похлопотать. В общегубернском масштабе эта неравномерность выражалась в том, что потребности одного и того же порядка в одних уездах удовлетворялись, а в других – нет, или удовлетворялись в меньших сравнительно размерах (напр., призрение инвалидов, детдома, библиотеки и пр.)».

Расходы на удовлетворение потребностей исчислялись без какой-либо увязки с хозяйственным планом и возможностями. Поэтому большинство смет оказалось дефицитным: они составлялись в расчете на покрытие дефицита филиалами из губернского фонда. Однако такие дотации давались местам нерегулярно, что лишило те сметы реальности и прочности.

Основным же пороком тех смет было их составление в ежедневно обесценивавшихся из-за гиперинфляции советских денежных знаках (совзнаках).

В июне 1923 года Нижегородский губисполком и губернский отдел финансов предприняли меры к упорядочению бюджетного дела. Сразу же после получения радиотелеграфного распоряжения НКФ РСФСР от 18 июня 1923 года губисполком циркуляром № 33/3337 предписал всем своим отделам, уездным финотделам и исполкомам без промедления приступить к составлению смет на 1923/24 бюджетный год и предоставить их уже к 15 августа.

В то время еще не было ни новой бюджетной номенклатуры, ни указаний о валюте составления смет, ни о ее курсе. Поэтому губисполкомовский циркуляр ограничивался распоряжением: сметные исчисления

составлять в дензнаках 1923 года. Местам предлагалось принять меры к полному учету доходов и такому же, но осторожному, учету расходов и бездефицитному сведению смет.

В июне 1923 года Нижгубисполком провел свой пленум совместно с финансистами. В специально сделанном докладе по бюджету были подробно изложены все выявленные недостатки смет. Внимание собравшихся было обращено на необходимость в следующем бюджетном году безусловно покончить с этим.

Заведующий Нижгубфинотделом Иванов вместе с коллегами объехал почти всю губернию. Павел Ефимович лично проинструктировав всех причастных к бюджетному делу лиц о порядке, правилах и приемах составления смет.

В июне 1923 года были упразднены Ардатовский, Варнавинский, Васильский, Воскресенский, Княгининский, Курмышский и Починковский уезды Нижегородской губернии. После проведения реорганизации их бывшие уездные финотделы стали местными приходорасходными кассами НКФ.

По настоятельному ходатайству Нижгубфинотдела 1 августа 1923 года для предварительной разработки бюджетных вопросов при губисполкоме была создана губернская плановая комиссия. Правда, в том году какой-либо помощи финансистам в их бюджетной работе оказать она не успела.

При составлении смет места еще не могли знать объем своих будущих ресурсов: основной источник их доходов (отчисления от сельскохозяйственного налога) представлял «совершенно неизвестную величину». Телеграмму из столицы о размере этих отчислений нижегородские финансисты получили только 17 сентября. Поэтому местные власти много раз обращались в НГФО с запросами о конкретном размере отчислений.

Разумеется, ответить что-либо определенное руководители губфинотдела не могли. Пришлось им издать циркуляр: бюджетные доходы и расходы балансировать включением отчислений от сельхозналога в размере оказавшегося сметного дефицита. Естественно, почти все сметы после их утверждения вскоре оказались дефицитными: установленный Центром размер отчислений (35%) был явно недостаточен для покрытия дефицита. По сметным заявкам мест общий дефицит бюджета определялся почти в 8 млрд рублей. 35-процентные отчисления от сельхозналога покрыть его не могли...

14 августа 1923 года Советское правительство постановило использовать червонное исчисление не только при составлении, но и при исполнении государственного бюджета СССР. В изданном союзным НКФ циркуляре «О введении червонного исчисления при составлении ассигновок» говорилось:

«Во исполнении постановления Совета Народных Комиссаров от 14-го августа...Народный Комиссар Финансов сообщает всем распорядителям кредитов и всем кассовым учреждениям, оплачивающим ассигновки из кредитов по госбюджету, что со дня получения сего все ассигновки по расходам из кредитов, открываемых по госбюджету на 1923/1924 бюджетный год, должны составляться в червонных рублях (равных $^1/_{10}$ червонца) и червонных копейках».

1 сентября 1923 года в Нижний из столицы пришла депеша: составлять сметы только в червонном исчислении из расчета по 80 совзначных рублей за 1 червонный рубль.

К тому времени местами сметы уже были направлены в Нижгубфинотдел либо заканчивались составлением. Все сметы разрабатывались в дензнаках образца 1923 года по самому разнообразному курсу: 65, 70, 75, 80 и даже 100 совзначных рублей за один довоенный рубль. В некоторых же сметах их разработчики перевод совзначного исчисления на золотое вообще не сделали...

Занятому предварительным рассмотрением смет и подготовкой их для слушаний в губернской бюджетной комиссии техническому аппарату НГФО пришлось провести огромную работу: потребовалось пересчитать десятки тысяч различных чисел по курсу 80 совзначных рублей за 1 червонный рубль...

10 октября 1923 года начала работу очередная сессия НГИК. В своем докладе на ней заведующий губфинотделом Иванов сделал развернутый доклад о местном бюджете. Предварительный подсчет всех местных доходов по губернии на 1923/24 бюджетный год давал примерно 13,75 млн червонных рублей. Рассчитывать на дотации Центра и банковские кредиты не приходилось. Эта величина и была принята за общую сумму местных расходов по Нижегородской губернии в 1923/24 бюджетном году.

Отделы НГФО и уездные исполкомы представленными ранее сметами расходов исчисляли их в 19,9 млн червонных рублей. Бюджет губернии явно не смыкался: дефицит обозначился довольно крупный (44 процента от запланированных доходов).

Для «твердого» бюджета пришлось урезать штаты, оклады заработной платы и нормы хозяйственных расходов содержавшихся на губернские и городские средства учреждений и организаций. В расходовании бюджетных средств всем уездным исполкомам и отделам НГИК предписывалось проявлять «максимальную бережливость и экономию». Сокращаться в первую очередь стал финансовый аппарат губернии...

Однако из-за необходимости крупного дотирования ряда уездных бюджетов даже вновь урезанный консолидированный бюджет Нижегородской губернии на 1923/24 бюджетный год все равно получился не «твердым», а дефицитным

Уже к 10 марта 1924 года оказалось, что полугодовая доходная смета выполнена лишь наполовину. Расходная же смета – на 60 процентов. При этом все *внеочередные* расходы исполнены вообще не были. Поэтому президиуму НГИК пришлось исключить из бюджета по губернской смете 1 386 817 рублей таких расходов. По смете же Нижнего Новгорода президиум секвестрировал *все внеочередные расходы* (432 700 рублей)...

В постановлении, принятом 10 октября 1923 года сессией Нижгубисполкома, наряду с другими моментами специально отмечено:

«Признать целесообразным и необходимым открытие агентств Госбанка в уездах по губернии и поручить президиуму ГИК ускорить это мероприятие...

Поручить президиуму ГИК немедленно разработать порядок учета поступающих доходов в кассы ГФО и производимых расходов их этих касс...

Для проведения волостных бюджетов образовать при волисполкомах кассы, с правом приема в эти кассы всех волостных доходов и производства из касс волостных расходов, с представлением ежемесячных отчислений в финотделы...

Право расходования волостных сумм предоставлять председателю волисполкома, а прием денег и хранение их возложить на одного из членов волисполкома».

В разработку первого годового бюджета губернии огромный вклад внесли многоопытные чины бывшей Нижегородской казенной палаты А.А. Мощанский и А.Н. Кругликов. Оба теперь служили в Нижегородском губернском финансовом отделе на ответственных должностях, непосредственно связанных с бюджетным делом.

24 сентября 1923 года заведующий Сметно-бухгалтерским управлением НГФО А.Н. Кругликов отметил тридцатилетие своей непрерывной службы по ведомству финансов государства Российского. Дореволюционное чиновничество свято чтило столь почтенную юбилейную дату: прежде она давала право на *полную пенсию* в размере получаемого оклада жалованья.

По случаю сего события заведующий Нижегородским губернским финансовым отделом Иванов издал приказ № 205:

«Тов. Кругликов достиг столь ответственного служебного положения исключительно благодаря своим высоким, личным и служебным качествам, неуклонно проявляя во все время своей деятельности самоотверженную любовь к делу, исключительную работоспособность, выдающуюся аккуратность и умение справляться со сложными организационными вопросами в условиях меняющейся обстановки.

Президиум Нижгубисполкома по докладу о том губфо отметил вышеизложенное в постановлении своем... причем признал деятельность Кругликова в условиях переживаемого момента ценною и заслуживающею вознаграждения, что и предложил выполнить губфинотделу. А потому...приветствуя вместе с тем А.Н. Кругликова в сегодняшний день уже 30-летнего юбилея службы его и желая ему в дальнейшем с полным успехом продолжать столь же продуктивно свою выдающуюся работу, я предлагаю выдать ему из суммы премфонда финработников 50 червонцев как вознаграждение за таковую, столь продолжительную и ценную деятельность»...

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР в структуре союзного комиссариата финансов было образовано Финансово-контрольное управление с соответствующим аппаратом на местах.

Для всех учреждений, которые состояли на государственном бюджете, и должностных лиц, имевших в своем распоряжении казенные средства, финансовый контроль был обязателен. Отчеты о расходовании бюджетных средств руководители всех государственных учреждений на территории Нижегородской губернии обязаны были предоставлять в контрольно-бухгалтерский подотдел НГФО.

3 января 1924 года открылся XI Нижегородский губернский съезд Советов. Заведующий НГФО Иванов выступил с докладом «О губернской росписи доходов и расходов Нижгубисполкома на 1923/24 г.». Павел Ефимович отметил: «Наши прошлые бюджеты имели массу недостатков: первый бюджет – это попытка составить нечто похожее на бюджет, второй бюджет – составлен был в падающей валюте и он скоро развалился совсем. Недостатков в бюджетной работе было много – в одних бюджетах на одно и то же предприятие были различные цифры, были пропущены многие основные расходы и т. п. Бюджет прошлого года был кое как сведен без дефицита, несмотря на то, что Центром отпущено было лишь 600 000 п[удов] ржи.

Также одним из недочетов прошлого бюджета была масса дополнительных смет, которые путали и коверкали положение основного бюджета, но так или иначе он закончен и осталась лишь задолженность по зарплате.

Опыт прошлых лет был учтен и при составлении бюджета 1923/24 года принято все во внимание... Также пришлось провести децентрализацию бюджетов, ввести волостной бюджет... В октябре месяце 1923 года создана была бюджетная комиссия...».

На том же съезде Иванов выступил с докладом о работе Нижгубфинотдела за 1922/23 бюджетный год:

«В задачи губфинотдела в настоящее время входит укрепление государственного бюджета путем твердого проведения налоговой политики, улучшения местных средств и упорядочения местных расходов.

До начала новой экономической политики (1 октября 1922 г.) работа губфина ничем особенно не отличалась. Это было время печатного станка в госбюджете, время хаоса в доходах и расходах. Второй этап борьбы с финансовой разрухой – это минувший бюджетный год. Этот год был годом борьбы с самочинными налогами, годом урезки расходных смет местных бюджетов... Всемерное сокращение расходов и изыскание законных доходов – вот взгляд, который проводил губфо в бюджетной комиссии по рассмотрению смет.

Настоящий бюджетный год... является третьим этапом работ в укреплении государственных и местных финансов. Одной из проведенных работ ГФО можно считать сокращение финотделов в связи с новым районированием губернии. Так, вместо 20 прежних УФО в июне 1923 г., они были сокращены до 13».

Структура Нижгубфинотдела была существенно изменена. Его аппарат пришлось урезать до трех сотен человек. Многие из них были непосредственно связаны с бюджетной работой.

Руководимый А.Н. Кругликовым бюджетно-бухгалтерский подотдел производил разассигнование кредитов по госбюджету и расчеты с ведомствами, осуществлял надзор за кредитными учреждениями и работой по государственному кредиту и займам.

Подотдел госдоходов во главе с Н.В. Алексеевым ведал выявлением всех государственных источников неналогового характера, наблюдал за правильным поступлением доходов в кассы НКФ, учитывал государственные имущества, фонды, средства и капиталы, надзирал за эксплуатацией этого имущества и реализацией госфондов.

Подотдел местных финансов, которым заведовал М.И. Дурандин, осуществлял работу по построению и исполнению местных бюджетов, выявлению всех местных источников обложения и неналоговых доходов, руководил политикой местного обложения.

Контрольно-бухгалтерский подотдел, возглавляемый А.М. Начинкиным, отслеживал исполнение единого госбюджета СССР (общесоюзного и республиканского бюджетов) на территории Нижегородской губернии, осуществлял последующий документальный контроль оборотов всех состоявших на госбюджете учреждений.

Общий подотдел (заведующий А.С. Малишевский) ведал в том числе исполнением смет НКФ СССР и РСФСР в губернии.

Возглавляемая В.А. Мейером приходорасходная касса (кассовый подотдел), размещавшаяся на втором этаже здания Нижгубфинотдела, осуществляла кассовое исполнение единого государственного бюджета СССР, губернского, городского бюджетов, а также бюджетов Нижегородского уезда и всех восьми входивших в уезд волостей. Оплачивала обязательства Центрокассы.

В уездах приходорасходные кассы НКФ производили кассовое исполнение единого государственного бюджета СССР и уездных бюджетов. Вот каким к 1 октября 1924 года был аппарат, например, приходорасходной кассы Арзамасского УФО: один заведующий, один старший бухгалтер, семь бухгалтеров, четыре помощника бухгалтера, пять счетоводов, один старший контролер, один контролер, один старший кассир, два кассира и два счетчика.

Кассовое исполнение единого госбюджета СССР производилось на основании кредитов, получаемых из столицы по расходным расписаниям, переводным требованиям и телеграммам. По требованиям распределительных управлений открытые кредиты разассигновывались на соответствующие приходорасходные кассы и уездные финансовые отделы.

Ведавшие отдельными отраслями народного хозяйства (например, транспорта и связи) окружные управления охватывали территории *нескольких губерний*. Поэтому по требованиям окружных распорядителей кредитов Нижгубфинотдел переводил также кредиты и в другие губернии.

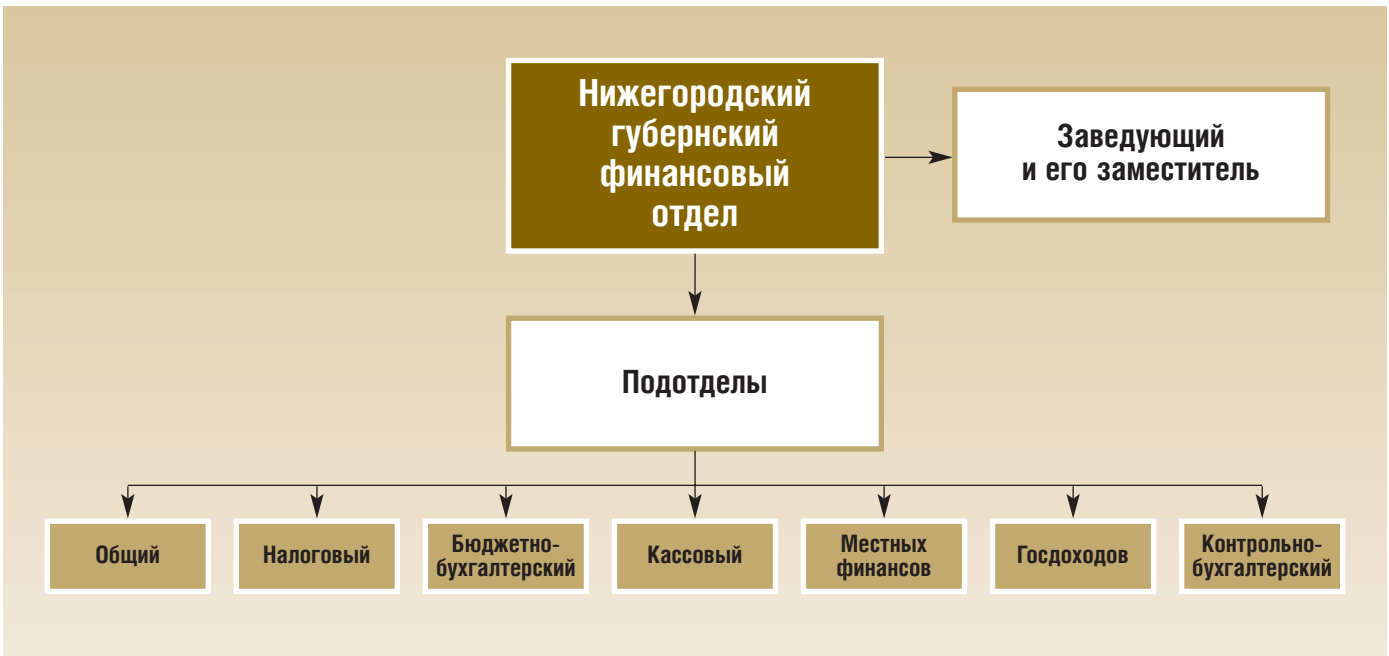
С переходом к нэпу была восстановлена платность услуг почты, телеграфа, транспорта и коммунального хозяйства. В Нижегородской губернии почти все коммунальное хозяйство стало финансироваться в сметном порядке из приходорасходных касс НКФ. В эти же кассы поступали и доходы коммунальных предприятий. Лишь хозрасчетные предприятия и два коммунальных хозяйства в уездах губернии финансировались из касс при общих отделах уездных исполкомов.

Нижегородский губфинотдел признал подобные кассы «нежелательными»: дефицит у местных исполнителей бюджета ясных понятий о сметной дисциплине и правильном учете всех расходов и доходов создавал простор для уклонений от правильного бюджетного порядка. Поэтому к началу 1925/26 бюджетного года подобные кассы при общих отделах уездных исполкомов были упразднены: все коммунальные хозяйства стали вновь финансироваться в сметном порядке из местных приходорасходных касс НКФ. Исключение составил только Нижегородский губернский коммунальный отдел. До конца 1922 года он имел *собственную* приходорасходную кассу.

В своем совершенно секретном циркулярном письме № 3 от 12 сентября 1922 года руководители НКФ РСФСР М.К. Владимиров, А.О. Альский и Р.Я. Левин предписали всем начальникам местных финорганов Республики:

«Недостаточностью авторитетности и настойчивости со стороны губфинотделов приходится объяснять и то крайне вредное обстоятельство, что во многих губерниях... до сих пор дело ведения местного бюджета, взимания местных налогов, составления местного бюджета, его исполнение сосредоточено в руках коммунальных отделов, в то время как *отношение к*

Структура Нижегородского губернского финансового отдела (начало 1924 года)

местному бюджету коммунальных отделов должно быть таким же, как и всех *других отделов (наробраз, здравотдел и т. д.)*.

Вести местный бюджет должны губфинотделы и уфинотделы. Это необходимо по соображениям принципиального свойства (коммунотделы не есть то же самое, что б[ывшее] земство), а также по соображениям практического свойства.

В условиях советского строя местный бюджет является неразрывной частью государственного бюджета. В соответствии с этим его организация, составление, исполнение и отчетность по нему должны быть почти такими же, как и по государственному.

Если в пределах Вашей губернии до сих пор коммунальные отделы имеют свои кассы (как, напр[имер], в Нижнем), сосредотачивают у себя взимание местных налогов, то непременно войдите в губисполком, а если нужно, и в губком, с настоятельным предложением дело местного бюджета целиком, полностью передать Вам. С этим нужно поспешить, чтобы с нового бюджетного года повести нормально местные финансы...».

В ответном конфиденциальном письме заведующий Нижгубфинотделом Иванов донес:

«Обращаясь засим к вопросу о единстве кассы, на что мною также было обращено внимание в заседании пленума губисполкома, я должен сказать, что особая касса губкоммунотдела в г. Н. Новгороде уже давно ликвидирована и заменена приписной кассой Наркомфина...

В Канавинском районе... на этих днях также открывается такая же касса, дабы устранить поступление денежных сумм в кассу Канавинского райотдела коммунотдела».

Приходорасходная касса НКФ при Канавинском райисполкоме открыла свои действия по всем операциям 16 сентября 1922 года.

По инициативе Нижгубфинотдела «в порядке опыта» был организован Нижегородский *городской* финансовый отдел. Вместо кассы Нижегородского ГКО появилась приходорасходная касса НКФ при губфинотделе. Она использовалась для обслуживания нужд городского хозяйства Нижнего Новгорода.

Нижегородский городской финансовый отдел НКФ РСФСР тут же признал незаконным и вызывающим излишние расходы на содержание своего аппарата. Горфинотдельская приходорасходная касса НКФ оказалась «неудобной» для ГФО, «стеснительной» для ГКО и вообще «излишней при системе правильной и постоянной отчетности».

Вскоре Нижегородский городской финансовый отдел со своей приходорасходной кассой был упразднен. Финансирование большого и сложного коммунального хозяйства губернского центра из губкассы НКФ на Большой Покровской улице местные власти посчитали «вредным». Поэтому пришлось возвратиться к прежнему порядку: при Нижегородском ГКО 1 июня 1924 года появилась особая касса для приема и расходования коммунальных сумм.

На состоявшемся 16 мая 1925 года очередном совещании финансовых работников Нижегородской губернии заведующий Управлением местных финансов НГФО М.И. Дурандин в своем докладе сказал:

«Финорганы должны наблюдать за соблюдением строжайшей бюджетной дисциплины и единства кассы, за недопущением бескредитных расходов, самовольного изменения сети учреждений, штатов личного состава, тарификации служащих, ставок зарплаты и норм различных расходов.

Совершенно недопустимы особые кассы по приему доходов и производству расходов при общих отделах [исполкомов] и других учреждениях, где они не положены по закону, или [не образованы] особым постановлением ГИК».

Коммунальщикам новый порядок явно не понравился. В середине 1925 года заведующий финансовой частью Нижегородского губкоммунотдела И.С. Литвиненко об этом заявил:

«...Одним из мероприятий к извлечению отчислений из коммунального бюджета в 1 236 398 р. ГФО выдвигает учреждение при коммунотделе приписной кассы. Мера, надо сказать, самая неудачная. Опыт с приписной кассой был в коммунальном отделе не так давно — два года назад. Результаты оказались отрицательные.

Коммунальное хозяйство в это время походило не на жизнедействующий хозяйственный орган, а на “ликвидационную комиссию”.

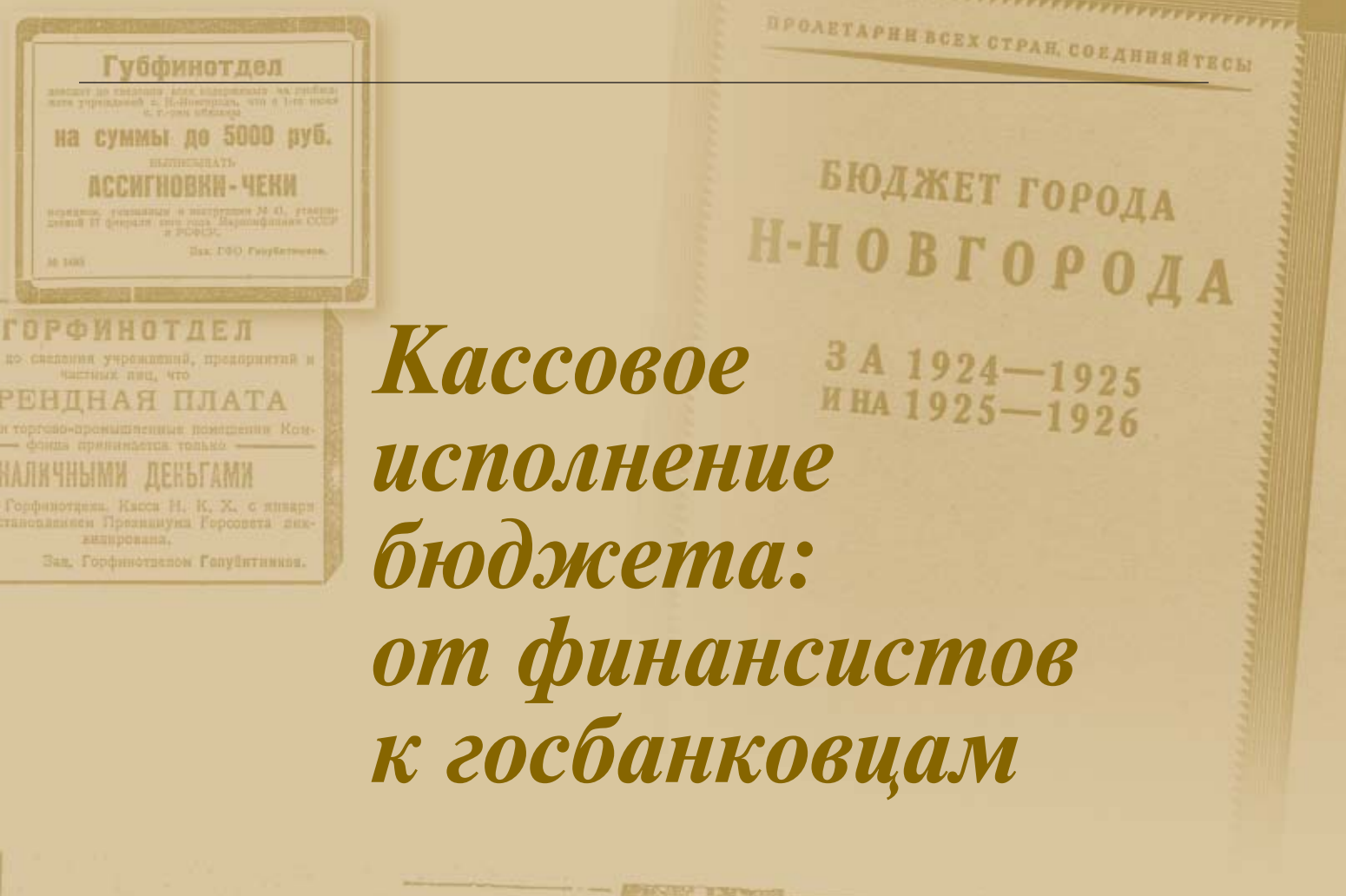
Никого не интересовал вопрос об интенсивности поступления доходов. Предполагалось, что дело можно улучшить, переведя приписную кассу в ГФО и образовав райфинотдел. Но и эта реформа не поправила дела. Пришлось переломать несколько раз счетный аппарат коммунотдела, растеряв опытных работников и понеся не один десяток тысяч [рублей] убытков и недоборов в доходах, отказываться от дальнейшей мысли “медленного умерщвления” коммунального хозяйства и предоставить ему право снова иметь свою кассу и вести самостоятельное хозяйство».

Все коммунальные предприятия губернского центра финансировались в общем сметном порядке с предоставлением ими периодической отчетности Нижгубфинотделу. На основании ее последний проводил все доходы и расходы ГКО по своим книгам.

С июля 1925 года в структуре коммунального хозяйства Нижнего Новгорода начали действовать хозрасчетные комбинаты: механического транспорта (трамвай и местное пароходство), водопроводно-канализационный и коммерческо-хозяйственный. При каждом из них были созданы специальные кассы со своим особым счетоводством.

В том же году началась реформа организации кассового исполнения союзного и республиканских бюджетов...

Кассовое исполнение бюджета: от финансистов к госбанковцам

После ликвидации казначейств как специальных кассовых учреждений Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР *де факто* они все равно существовали. Правда, назывались теперь иначе*.

Бывший Департамент Государственного казначейства со временем превратился в Бюджетное управление Наркомфина.

Функции прежнего Главного казначейства стала выполнять Центральная приходо-расходная касса при Бюджетном управлении НКФ РСФСР (с лета 1923 года – СССР). Вместо губернских казначейств (после их слияния с бывшими местными учреждениями упраздненного Народного банка РСФСР) были образованы сметно-расчетные управления губфинотделов. При переходе к нэпу их расчетно-кассовые подотделы стали губернскими приходо-расходными кассами. На базе бывших уездных казначейств функционировали приходорасходные кассы сметно-кассовых подотделов уездных финансовых отделов.

Сам термин «казначейство» продолжал вполне официально использоваться для обозначения учреждений финансового ведомства, осуществлявших кассовое исполнение общесоюзных, республиканских и местных бюджетов.

Понятие «наличность казначейства» применялось для обозначения *бюджетных* (в противоположность *госбанковским*) средств. Да и начавшие выпускаться в 1924 году привязанные к червонцу денежные знаки достоинством 1, 3, 5 рублей официально назывались *казначейскими* билетами. Первоначально их эмитировал не Госбанк СССР, а союзный Народный комиссариат финансов.

По завершении денежной реформы 1922—1924 годов, давшей стране устойчивую валюту (червонец) и способствовавшей отказу государства от эмиссии как средства покрытия дефицита своего бюджета, закономерно встал вопрос о необходимости объединить временно свободную казначейскую наличность с оборотными средствами Госбанка СССР.

На смену совзнакам начали приходить «твердые» деньги

Подобное слияние предполагало соответствующее кассовое устройство. Требовалось создать такой механизм, чтобы поступающие от налогоплательщиков в доход казны суммы безо всяких промедлений и дополнительных издержек зачислялись в учреждения Госбанка СССР на текущий счет Казначейства. Тем самым увеличивались бы оборотные средства главного банка страны, которые он мог бы использовать для краткосрочного кредитования.

Первым поставил проблему начальник Валютного управления Народного комиссариата финансов СССР профессор Л.Н. Юровский. В своей статье «Новые казначейские задачи в связи с денежной реформой», опубликованной «Финансовой газетой» 23 июня 1924 года, Леонид Наумович проанализировал ситуацию и пришел к выводу:

«Из сказанного следует, что правила ведения наших кассовых операций должны быть пересмотрены, что кассы НКФ должны перейти к помещению своих свободных средств на текущие счета в Госбанк, что установление этой связи между кассами НКФ и Госбанком выдвигает в перспективе возможность новой организации дела в виде передачи основных казначейских функций Госбанку.

Последний вопрос в наших условиях представляется очень сложным, и его нельзя разрешить с плеча. Но объективные условия развития нашего финансового хозяйства подталкивают нас в этом направлении. Отмеченную перспективу необходимо иметь в виду и надо постепенно приближаться к ней.

Осуществление этой задачи потребует разрешения многих технических затруднений».

Реформа кассового устройства имела целью решение трех основных задач.

Во-первых, осуществить аккумуляцию всех бюджетных и связанных с бюджетом денежных средств в одном месте «для наилучшего использования их в интересах народного хозяйства». Таким местом и явились кассы Государственного банка СССР.

Во-вторых, предстояло максимально ускорить прохождение всех вносимых в доход казны сумм от момента их уплаты до фактического поступления на централизованный текущий счет общесоюзного Народного комиссариата финансов в Правлении Государственного банка СССР.

В-третьих, государству нужно было упростить и удешевить свой кассовый аппарат путем концентрации всей работы «по возможности в одном месте и уничтожения параллелизма».

* *Поэтому сплошь и рядом имеющие сегодня место утверждения, будто казначейская система в нашей стране была ликвидирована в 1919 году, несостоятельны. Дело ведь не в названии учреждений, кассовое исполнение госбюджета осуществляющих, а в их функциях.*

Через свои казначейские и налоговые органы финансовое ведомство помимо кассовых функций выполняло и другие. Оно производило расчет платежей по налогам отдельных плательщиков, наблюдало за своевременностью и исправностью поступления этих платежей в государственные кассы, производило взыскание налогов и сборов с наросшими на них пенями и недоимками.

Для выполнения этих функций требовалось обеспечить ведение правильного налогового счетоводства. Кроме того, финансовое ведомство осуществляло сметное счетоводство – учет поступающих государственных доходов и произведенных казной расходов.

Поэтому слияние казначейской и банковской наличностей было связано с *иной* организацией сметного и налогового счетоводств и соответствующей постановкой дела раскладки и взимания налогов.

По окончании денежной реформы на ведомство Госбанка СССР был возложен прием ряда государственных доходов, а также прием от волостных приходорасходных касс сумм в уплату сельскохозяйственного налога.

Наркомфиновские же приходорасходные кассы обязывались держать свободные остатки поступавших по государственным доходам сумм на текущих счетах в учреждениях Госбанка СССР. Поэтому теперь оплата крупных бюджетных ассигновок могла производиться также и путем выписки чеков на Государственный банк Союза ССР.

Госбанк СССР получил крупные суммы бюджетных средств. Однако наличность, находившаяся в приходорасходных кассах НКФ, какое-то время продолжала лежать втуне и для производства госбанковцами операций по краткосрочному кредитованию советского народного хозяйства не использовалась.

Специально организованная особая комиссия при Бюджетном управлении НКФ СССР определила два варианта проведения реформы кассового устройства.

По первому варианту слияние наличностей казначейства и Госбанка СССР осуществлялось бы при сохранении наркомфиновских приходорасходных касс с существующим кругом их обязанностей и прежней подведомственностью. В таком случае объединение наличностей происходило бы путем зачисления кассами НКФ всех поступивших к ним за день государственных доходов на текущий счет Бюджетного управления НКФ СССР в Госбанке СССР и списания госрасходов с этого же счета. При данном варианте реформы сметное и налоговое счетоводства по-прежнему велись бы кассами НКФ.

Передвижение денежных сумм и обеспечение касс НКФ наличными деньгами для производства ими любых операций возлагались бы на Госбанк СССР. Если в отдельных районах предвиделось превышение казенных расходов над доходами, Госбанк СССР обеспечивал бы кассы необходимым подкреплением.

При втором варианте реформы кассы НКФ подлежали упразднению: все кассовые функции передавались Госбанку СССР, принимающему через свои учреждения государственные доходы и производящему все государственные расходы.

Сметное и налоговое счетоводства предполагалось организовать также двух видов. По первому из них состоящие при кассах НКФ части, ведающие сметное счетоводство и составление отчетов по кассовому исполнению госбюджета, образовывали бы при учреждениях Госбанка СССР сметную бухгалтерию. Последней и поручалось бы сметное счетоводство.

Окладное же счетоводство вместе с функциями по взиманию налогов передавалось бы из касс НКФ в налоговые управления местных финансовых органов, при которых создавался институт сборщиков.

Второй вид предусматривал передачу в ведение Госбанка СССР окладного и сметного счетоводств. В таком случае при госбанковских учреждениях для этого организовывались бы казначейские части с подчинением их Бюджетному и Налоговому управлениям НКФ СССР.

Первый вариант реформы при любом виде организации сметного и налогового счетоводств был наиболее простым, испытанным мировой практикой и легче осуществимым без серьезной ломки существовавшего механизма.

Второй же вариант обеспечивал бы более полное использование Госбанком СССР средств казны для производства операций краткосрочного кредитования народного хозяйства. Естественно, реализовать его было намного сложнее.

При втором варианте реформы предполагалось полное упразднение наркомфиновских приходорасходных касс. Взамен их Госбанку СССР потребовалось бы дополнительно открыть свои новые филиалы (агентства) там, где их еще не было.

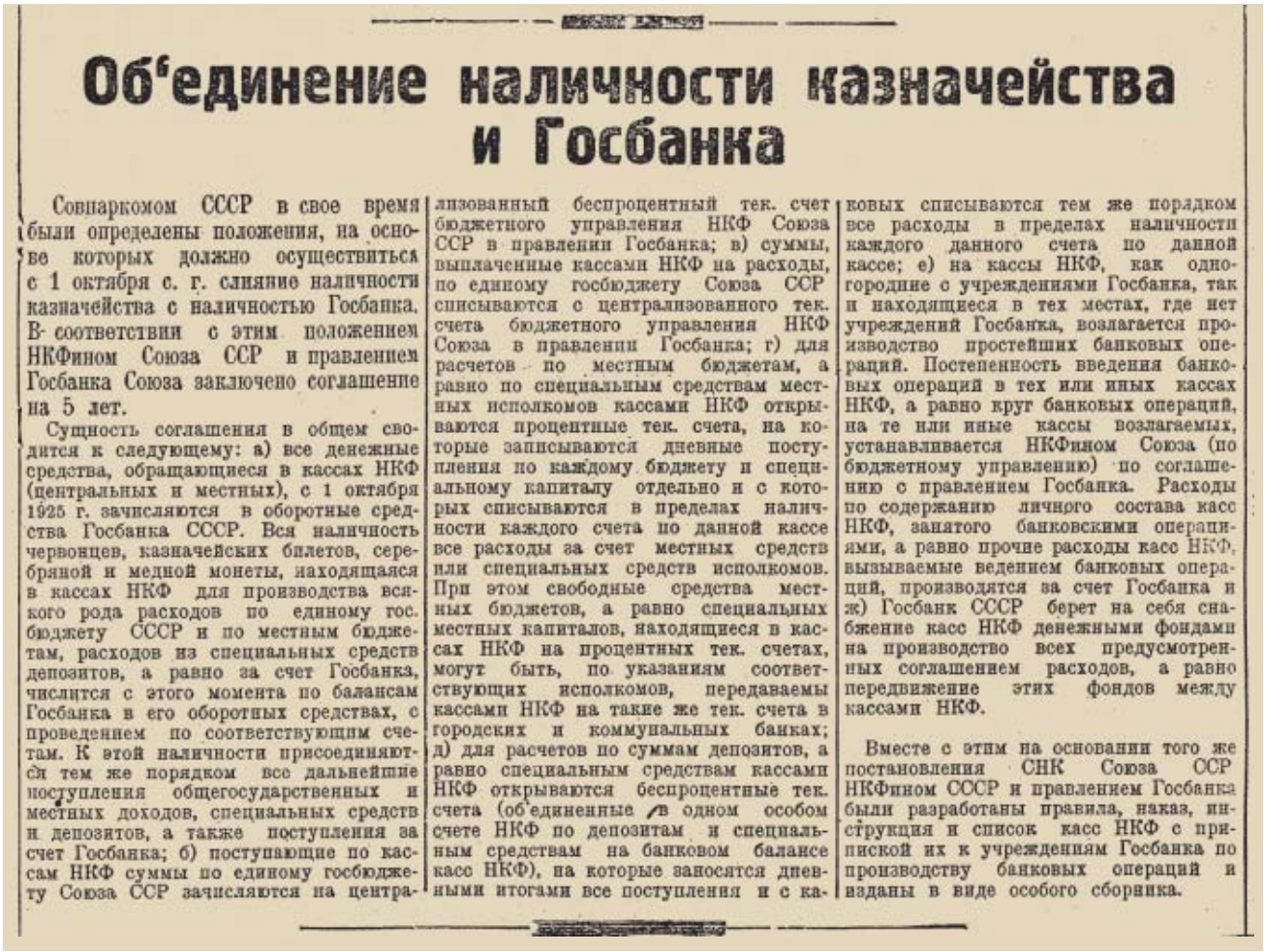
Произведенные специалистами расчеты показали: для этого Госбанку СССР придется понести крупные расходы, значительно превосходящие затраты НКФ СССР на содержание собственных приходорасходных касс.

После обсуждения всех «за» и «против» особая комиссия при Бюджетном управлении НКФ СССР сочла целесообразным проводить реформу по первому варианту.

22 июня 1925 года в Москве открылось Второе всесоюзное финансовое совещание. На нем обсуждалась и проблема реформы кассового устройства. В своем докладе «Об объединении наличности Госказначейства с наличностью Госбанка» заместитель начальника Бюджетного управления НКФ Союза ССР Р.М. Лидеман отметил:

«...Одною из главных задач при выборе системы реформы должно являться не только максимальное использование казначейской наличности Госбанком, а задача организации кассового устройства, при котором государству было бы обеспечено своевременное и бесперебойное исполнение государственного и местных бюджетов, точный учет этих бюджетов, сохранение на надлежащей высоте окладного счетоводства и организация для взимания налогов и сборов от местных плательщиков. Все эти функции несвойственны духу работы Госбанка».

В том совещании приняли участие также заместитель заведующего Нижегородским губернским финансовым отделом Г.А. Голубятников и заведующий Налоговым управлением губфинотдела Н.Ф. Батырев. Вместе с другими финансистами со всех концов

Об'единение наличности казначейства и Госбанка

Совнаркомом СССР в свое время были определены положения, на основе которых должно осуществиться с 1 октября с. г. слияние наличности казначейства с наличностью Госбанка. В соответствии с этим положением НКФином Союза ССР и правлением Госбанка Союза заключено соглашение на 5 лет.

Сущность соглашения в общем сводится к следующему: а) все денежные средства, обращающиеся в кассах НКФ (центральных и местных), с 1 октября 1925 г. зачисляются в оборотные средства Госбанка СССР. Вся наличность червонцев, казначейских билетов, серебряной и медной монеты, находящаяся в кассах НКФ для производства всякого рода расходов по единому гос. бюджету СССР и по местным бюджетам, расходов из специальных средств депозитов, а равно за счет Госбанка, числится с этого момента по балансам Госбанка в его оборотных средствах, с проведением по соответствующим счетам. К этой наличности присоединяются тем же порядком все дальнейшие поступления общегосударственных и местных доходов, специальных средств и депозитов, а также поступления за счет Госбанка; б) поступающие по кассам НКФ суммы по единому госбюджету Союза ССР зачисляются на централизованный беспроцентный тек. счет бюджетного управления НКФ Союза ССР в правлении Госбанка; в) суммы, выплаченные кассами НКФ на расходы, по единому госбюджету Союза ССР списываются с централизованного тек. счета бюджетного управления НКФ Союза в правлении Госбанка; г) для расчетов по местным бюджетам, а равно по специальным средствам местных исполкомов кассами НКФ открываются процентные тек. счета, на которые записываются дневные поступления по каждому бюджету и специальному капиталу отдельно и с которых списываются в пределах наличности каждого счета по данной кассе все расходы за счет местных средств или специальных средств исполкомов. При этом свободные средства местных бюджетов, а равно специальных местных капиталов, находящиеся в кассах НКФ на процентных тек. счетах, могут быть, по указаниям соответствующих исполкомов, передаваемы кассами НКФ на такие же тек. счета в городских и коммунальных банках; д) для расчетов по суммам депозитов, а равно специальным средствам кассами НКФ открываются беспроцентные тек. счета (об'единенные в одном особом счете НКФ по депозитам и специальным средствам на банковом балансе касс НКФ), на которые заносятся дневными итогами все поступления и с каковых списываются тем же порядком все расходы в пределах наличности каждого данного счета по данной кассе; е) на кассы НКФ, как однородние с учреждениями Госбанка, так и находящиеся в тех местах, где нет учреждений Госбанка, возлагается производство простейших банковых операций. Постепенность введения банковых операций в тех или иных кассах НКФ, а равно круг банковых операций, на те или иные кассы возлагаемых, устанавливается НКФином Союза (по бюджетному управлению) по соглашению с правлением Госбанка. Расходы по содержанию личного состава касс НКФ, занятого банковскими операциями, а равно прочие расходы касс НКФ, вызываемые ведением банковых операций, производятся за счет Госбанка и ж) Госбанк СССР берет на себя снабжение касс НКФ денежными фондами на производство всех предусмотренных соглашением расходов, а равно передвижение этих фондов между кассами НКФ.

Вместе с этим на основании того же постановления СНК Союза ССР НКФином СССР и правлением Госбанка были разработаны правила, наказ, инструкция и список касс НКФ с приписной их к учреждениям Госбанка по производству банковых операций и изданы в виде особого сборника.

Статья в «Финансовой газете» от 27 сентября 1925 года

Советского Союза Георгий Андреевич и Николай Федорович тоже проголосовали за резолюцию по докладу Лидемана:

«1) наличность госказначейства с 1-го октября текущего года сливается с оборотной наличностью Госбанка.

2) кассы НКФ сохраняются с кругом функций, ныне ими осуществляемых.

3) на кассы НКФ, по особому их списку, установленному по соглашению Бюджетного управления с Правлением Госбанка, возлагается осуществление простейших банковских операций.

4) снабжение касс НКФ наличностью осуществляется Госбанком».

16 октября 1925 года ЦИК и СНК СССР приняли совместное Постановление «О единстве кассы Союза ССР». В основу его были положены решения Второго всесоюзного финансового совещания:

«1. Все общегосударственные (общесоюзные и республиканские) доходы... сосредотачиваются в приходо-расходных кассах Народного комиссариата финансов Союза ССР и народных комиссариатов финансов союзных республик (касса НКФ) и в учреждениях Государственного банка Союза ССР.

2. Все учреждения и предприятия, в том числе все кассы специальных сборщиков, обязаны отдавать полностью поступающие к ним суммы общегосударственных доходов в кассы НКФ или в учреждения Государственного банка не позже следующего дня накопления суммы, достигающей предельного размера, установленного Народным комиссариатом Союза ССР или народными комиссариатами финансов союзной республики по соглашению с подлежащим ведомством, и во всяком случае, не реже одного раза в две недели.

3. Все расходы учреждений и предприятий, состоящих на общегосударственном бюджете, производятся из касс НКФ посредством ассигновок, выписываемых распорядителем кредитов...

4. Все расчеты с прямыми кредиторами казны производятся кассами НКФ по прямым ассигновкам, выписываемым на имя указанных прямых кредиторов».

Расходование сумм, поступивших в доход государства по Народному комиссариату путей сообщения СССР, Народному комиссариату почт и телеграфов СССР и кассам лесничих республиканских наркоматов земледелия, осуществлялось особым порядком.

Между Правлением Госбанка и НКФ СССР было заключено соглашение о взаимодействии обоих ведомств на ближайшие 5 лет.

Все денежные средства в центральных и местных кассах НКФ с 1 октября 1925 года зачислялись в оборотные средства Государственного банка СССР. Наличные червонцы, казначейские билеты, серебряная и медная монета в кассах НКФ с того времени числились уже на его балансе.

К этой наличности присоединялись все дальнейшие поступления общегосударственных и местных доходов, специальных средств и депозитов, а также поступления за счет Госбанка СССР.

Поступившие в кассы НКФ суммы по единому госбюджету Союза ССР зачислялись на централизованный беспроцентный текущий счет Бюджетного управления НКФ СССР в Правлении Госбанка СССР.

Выплачиваемые кассами НКФ суммы по единому госбюджету Советского Союза списывались с централизованного текущего счета Бюджетного управления НКФ СССР в Правлении Государственного банка.

Для расчетов по местным бюджетам и специальным средствам исполкомов кассы НКФ открывали *процентные текущие счета*. На них зачислялись раздельно дневные поступления по каждому бюджету и специальному капиталу. С этих же счетов списывались (в пределах наличности каждого счета в данной кассе) все расходы за счет местных средств или специальных средств исполкомов.

Свободные средства местных бюджетов и специальных местных капиталов, находившиеся в кассах НКФ на процентных текущих счетах, по указаниям соответствующих исполкомов могли передаваться на те же счета в городские и коммунальные банки.

Каждая приходорасходная касса НКФ по производству простейших банковских операций была приписана к местному учреждению Госбанка СССР. В Нижегородской губернии такими учреждениями были губернская контора с сетью подотчетных ей уездных агентств.

Объединение наличности касс НКФ с оборотными средствами Госбанка СССР явилось лишь началом реформы: вопрос стоял о полной вскоре ликвидации наркомфиновских касс и передаче учреждениям Госбанка СССР всего обслуживания государства «в кассовом отношении». Для этого в первую очередь требовалось передать госбанковцам от финансистов операции по приему *всех государственных доходов и расходов*.

На кассы НКФ возлагалось проведение некоторых (преимущественно пассивных) банковских операций. Однако уже вскоре их круг заметно расширился: кассы стали осуществлять также покупку и продажу процентных бумаг, переводные операции, инкассирование векселей.

В учреждениях же Госбанка СССР были введены операции, традиционно выполнявшиеся органами финансового ведомства: прием налогов и сборов, продажа гербовых знаков и облигаций государственных займов.

От подобной полумеры в работе госбанковских учреждений и касс НКФ возник явный параллелизм. Он заметно усложнял их деятельность, вызывая дополнительную нагрузку на сотрудников. Это приводило к увеличению штатов либо сверхурочным занятиям...

Вскоре порядок ведения окладного счетоводства был изменен. Кассы НКФ перестали вести окладные книги и перечни поступлений, причислений и исключений, выписывать недоимочные карточки на городских налогоплательщиков, выдавать квитанции на поступившие от плательщиков деньги. Всем этим занимались уже налоговики.

Изменился и порядок выдачи промысловых патентов: кассы НКФ теперь лишь продавали их бланки. Сами же патенты оформлялись непосредственно финансовыми (налоговыми) инспекторами.

Слияние временно свободной наличности касс НКФ СССР с оборотными средствами Государственного банка СССР лишило крупных ресурсов открытый 23 апреля 1923 года в доме № 19 по Рождественской улице и без того маломощный Нижегородский городской банк.

В начале октября 1925 года заведующий Нижегородским губфинотделом Я.Е. Абрамович, заведующий сметно-кассовым подотделом А.Н. Кругликов и заведующий подотделом местных финансов М.И. Дурандин направили циркулярное указание всем уездным и районным финансовым отделам и губернской приходорасходной кассе:

«С проведением в жизнь реформы по объединению наличности Госказначейства с наличностью Госбанка вся денежная наличность по всем видам налогов и сборов и других поступлений как по госбюджету, так и по местным бюджетам, поступает в банковскую наличность касс НКФ, для чего на балансе по госбюджету открыты счета: счет Государственного банка по расчетам внесметным № 10 и по местным бюджетам – текущий счет в Госбанке.

В отношении сумм государственного бюджета никаких сомнений в правильности такого порядка и удобств по хранению и, главное, их распоряжению вызывать не может; что же касается сумм местных бюджетов, для которых в приходо-расходной кассе НКФ

Считалось, что ничего общего казна советская с казной царской уже не имеет...

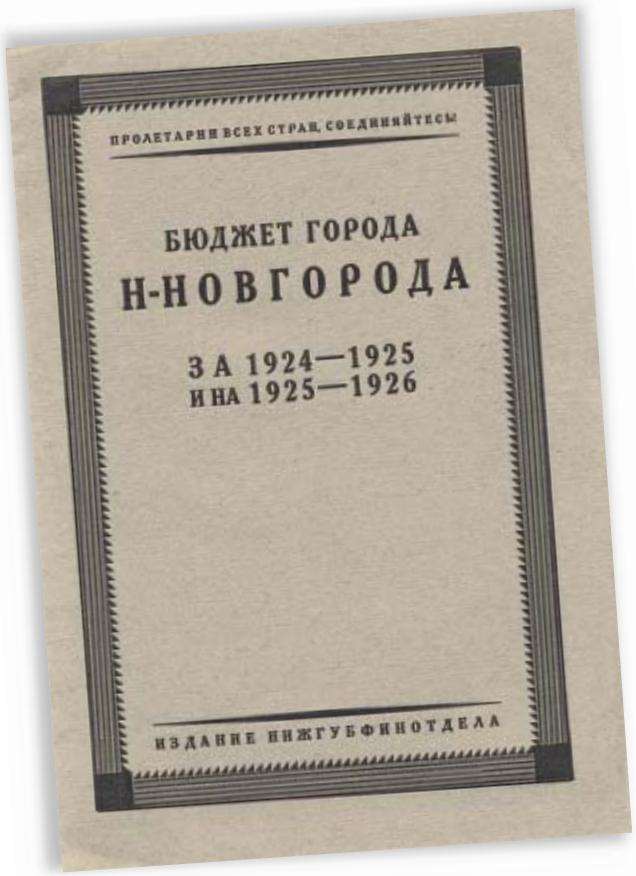
открыт текущий счет НКФ по местным бюджетам, то, на практике, благодаря указанной реформы, может возникнуть ряд неудобств.

В практике исполнения местных бюджетов Горбанк здесь (в Н. Новгороде) и филиалы Горбанка на местах (там, где они имеются) до 1-го октября являлись исключительным местом хранения на их текущих счетах излишков денежной наличности местных бюджетов и это потому, что НГИК является учредителем и его главным пайщиком.

Другим необходимым стимулом к тому, чтоб хранить излишки денежных средств по местным бюджетам на текущих счетах Горбанка, служит и то обстоятельство, что как ГИК, так равно и уики и рики на местах пользуются широким кредитом со стороны Горбанка и его филиалов, осуществляющих право кредитования в порядке декрета ВЦИК от 25/ I 1923 года...

По имеющимся в губфо сведениям, некоторые УФО и райфо с переходом с 1-го октября с. г. на новое счетоводство совершенно прекратили сдачу излишков денежных средств на текущие счета Горбанка и его филиалов и тем самым поставили Горбанк, а также местные бюджеты в исключительно неблагоприятные условия в части кредитования ГИК, УИК и РИК в Горбанке и его филиалах.

Считая в дальнейшем такой порядок недопустимым, губфо предлагает все излишки денежных средств по местным бюджетам неукоснительно на следующий операционный день... передавать с текущих счетов Госбанка (по приходо-расходным кассам НКФ) на текущие счета Горбанка и его филиалов там, где таковые имеются, оставляя на расходы текущего операционного дня в губкассе не свыше 3000 р. для операций городского и губернского бюджетов, а в уездных – не свыше 500 р. ... И одновременно с сим посылается в Госбанк или его агентство уведомление с просьбой зачислить на текущий счет Госбанка или его филиалов передаваемую с местного бюджета сумму, а копия уведомления посылается в Горбанк или его филиал».

Эти бюджеты были уже «твердыми»...

Подобный порядок хранения средств местных бюджетов не противоречил установленным Управлением местных финансов НКФ СССР правилам. Эти средства могли храниться также в государственных трудовых сберегательных кассах.

В глубинке действовали также многочисленные кассы НКФ «низшего разряда» – районные и волостные. Они являлись кассами *специальных сборщиков*.

Накануне начала 1925/26 бюджетного года Нижегородская контора Госбанка СССР установила для каждой из 16 приходорасходных касс НКФ лимит («норму») оборотной наличности. В губернской кассе он был максимальным – 15 тысяч рублей. В Сормовской и Балахнинской – минимальным (3 тысячи рублей). Все остальные наличные деньги кассы обязаны были передавать учреждениям Госбанка СССР.

Финансисты оказались стесненными при производстве своих расходов. 16 июля 1927 года Нижегородский губфинотдел совместно с губернской конторой Госбанка СССР изданным циркуляром отменил установленный лимит оборотной наличности для всех приходорасходных касс НКФ на территории губернии. Однако уже вскоре Инспекция Правления Госбанка СССР признала действия нижегородцев незаконными: изданные НКФ СССР 3 августа 1925 года «Правила по банковским операциям касс НКФ» такого права ни у губфинотдела, ни у какого-либо местного учреждения Госбанка СССР не предусматривали...

Финансисты обеспечивали казне поступление в бюджет огромных доходов. Но государство их по-прежнему своим вниманием явно не жаловало. На открытом партсобрании 9 сентября 1926 года заведующий НГФО Абрамович в своем докладе о работе учреждения отметил:

«В дореволюционное время текучесть финработников совершенно не наблюдалась, в настоящее время эта текучесть чрезвычайна... В среднем по губернии не больше 50% постоянного состава финработников. При таком состоянии нужной квалификации работников недостаточно.

Одной из главных причин являются материальная необеспеченность, конкуренция других учреждений, особенно хозяйственных, имеющих возможность лучше оплачивать сотрудников»...

1 декабря 1926 года была ликвидирована приходорасходная касса НКФ при Нижегородском уездном финансовом отделе. Ее ценности и дела приняла губкасса.

С 1 января 1927 года Центральная приходорасходная НКФ СССР была упразднена. Вместо нее появилась Центральная казначейская часть Бюджетного управления союзного Наркомфина при Правлении Государственного банка Союза ССР.

Курировал Бюджетное управление бывший нижегородец – заместитель наркома финансов СССР С.М. Кузнецов. Первые годы после октябрьского

Степан Матвеевич Кузнецов

Александр Иванович Морин

переворота Степан Матвеевич был заместителем председателя Нижегородского губисполкома.

Членом Правления Госбанка СССР во второй половине двадцатых годов работал еще один бывший нижегородец – А.И. Морин. До своего перевода в Москву Александр Иванович последовательно возглавлял Нижегородский городской банк и Нижегородскую контору Госбанка СССР.

Многие руководящие документы, связанные с реформой кассового исполнения госбюджета, подписаны либо утверждены Кузнецовым и Мориным. Некоторые же из них имеют подписи обоих бывших нижегородцев.

31 марта 1927 года из Правления Госбанка СССР его Нижегородской конторе было направлено письмо:

«НКФ Союза ССР и Правление Госбанка пришли к соглашению, что слияние учреждений банка и находящихся в одном городе с ними касс НКФ представляется целесообразным и могло бы быть проведено теперь же, где это позволяют помещение филиала и другие местные условия.

Слияние намечено провести на нижеследующих главных основаниях:

1) касса НКФ как самостоятельное учреждение упраздняется и взамен ее при учреждениях Госбанка учреждается казначейская часть без отдельного кассового аппарата.

2) казначейская часть ведет счетоводство, отчетность и делопроизводство по госбюджету, по местным налогам, по специальным средствам и депозитам и по окладному счетоводству на тех же основаниях и в том же объеме, как касса НКФ.

3) казчасть состоит в ведении данного финотдела и все распоряжения по линии НКФ получает от него в порядке прямой подчиненности. Филиалы банка ответственности по операциям казчасти не несут.

4) казчасть возглавляется заведывающим казчастью, который несет полную ответственность за всю работу казчасти.

5) все кассовые функции, в том числе выдача патентов, продажа гербовых знаков, бланков, игральных карт и т. п., а равно хранение ценностей, принадлежащих казчасти, производятся Госбанком, его персоналом и на его средства.

6) казчасть находится в помещении Госбанка, все расходы по содержанию помещения казчасти... а равно все расходы, связанные с кассовыми функциями (кладовые, охрана и т. п.), относятся на средства Госбанка.

7) назначение, перемещение, увольнение личного состава казчасти, операционные расходы... а равно зарплата сотрудников казчасти производятся по линии НКФ и за его счет».

19 мая 1927 года между Нижгубфинотделом и Нижегородской конторой Госбанка СССР был заключен договор о передаче учреждениям последнего всех кассовых операций:

«...Соответствующие приходо-расходные кассы НКФ закрываются и для бухгалтерского учета этих операций образуются при учреждениях Государственного банка казначейские части, находящиеся в ведении соответствующих финорганов, участвующих в местах расположения учреждений Государственного банка».

Не позднее 1 июля 1927 года контора Госбанка СССР обязывалась открыть в здании Нижегородского губернского финансового отдела свое городское агентство. При нем и должна была находиться казначейская часть. Открываемому агентству передавался весь наличный кассовый аппарат Нижегородской губернской приходорасходной кассы.

Нижегородское городское агентство Госбанка СССР разместилось в главном операционном зале Нижгубфинотдела. За левым его барьером работали госбанковцы, за правым – финансисты.

В уездных и районных центрах кассовые операции от местных приходорасходных касс передавались уже действовавшим там агентствам Госбанка СССР.

В Балахне, Красных Баках и Лукоянове помещения, занимавшиеся агентствами Госбанка СССР и казначейскими частями в зданиях уездных финотделов, переходили в ведение госбанковцев.

В Арзамасе агентство Госбанка СССР и казначейская часть при нем перемещались в здание к тому времени уже закрытого филиала Нижегородского городского банка.

В Канавине и Ветлуге казначейские части перебирались в помещения, занимавшиеся прежде агентствами Госбанка СССР.

Коллектив Городецкого агентства Государственного банка СССР. 1927 год

В Семенове предстояла «рокировка»: местные госбанковцы и финансисты менялись помещениями.

Лысковское агентство Госбанка СССР переезжало в здание уездного финотдела, из которого предварительно предстояло выселить почтово-телеграфное отделение.

Городецкое, Сергачское и Сормовское агентства Госбанка СССР переезжали в здания местных финансовых отделов, которые передавали им свои денежные кладовые и другие необходимые помещения.

Произвести слияние агентств Госбанка СССР с приходорасходными кассами НКФ в Павлове и Выксе предстояло лишь после подыскания подходящего здания либо строительства нового...

15 мая 1927 года ЦИК и СНК СССР приняли совместное Постановление «О принципах построения кредитной системы»:

«Средства единого государственного бюджета Союза ССР, а также средства государственных трудовых сберегательных касс, органов государственного и социального страхования, центрального правления государственной спиртовой монополии и управления государственной карточной монополии за исключением случаев, предусмотренных специальным постановлением правительства Союза ССР или Народного Комиссариата Финансов Союза ССР, – сосредотачиваются в Государственном Банке Союза ССР».

1 июня 1927 года пленум губисполкома принял резолюцию по докладу о существующей системе банков на территории губернии:

«...Считать правильным и целесообразным осуществляемое НКФ и Госбанком слияние касс первого с филиалами второго в Нижегородской губернии и при наличии во всех административных и крупных экономических центрах Нижегородской губернии филиалов Госбанка считать в дальнейшем излишним существование филиалов других банков в этих районах...

Ввиду сосредоточения доходных поступлений местных бюджетов Нижегородской губернии в агентствах Госбанка, поручить Президиуму ГИК проработать вопрос об обеспечении со стороны Госбанка кредитной помощи бюджетам»...

Ликвидация касс НКФ на территории Нижегородской губернии была осуществлена с 1 июня по 1 октября 1927 года. Одна губернская, десять уездных и четыре районные приходорасходные кассы передали весь свой кассовый аппарат агентствам Госбанка СССР.

Для ведения счетоводства по кассовому исполнению союзного, республиканского и местных бюджетов при госбанковских агентствах функционировали казначейские части.

Одновременно с упразднением приходорасходных касс НКФ ведение окладного счетоводства перешло к налоговым подотделам местных финансовых органов.

В Нижегородской губернии казначейские части при агентствах Госбанка СССР просуществовали недолго: с 1 октября 1927 года они были ликвидированы. Прежние их функции разделили местные учреждения

Госбанка СССР и соответствующие финансовые органы. В тех же местах губернии, где имелись только приходорасходные кассы НКФ, последние были реорганизованы в агентства Госбанка СССР.

В опубликованном «Отчете о работе Нижегородской губернской контрольной комиссии ВКП(б) и рабоче-крестьянской инспекции (с 1/X. 27 г. по 1/X. 28 г.)» отмечено, что в результате слияния касс НКФ с учреждениями Госбанка СССР налицо определенные достижения. По всей губернии наметилась экономия более 50 тысяч рублей. Выявили контролеры и проблемы:

«К числу недочетов нужно отнести излишнюю формальность органов Госбанка в деле кассового исполнения бюджетов и отсутствие необходимой живой связи с подотделами; формализм при оплате ассигновок, в связи с чем наблюдается задержка клиентуры; наличие параллелизма в работе подотделов [местных финорганов] с органами Госбанка, главным образом, в области учета гербового имущества и госзаймов.

Губ. РКИ предложила добиться улучшения информации Госбанка филиалами в области выполнения государственного и местного бюджета и точно соблюдать порядок расходования открываемых по местному бюджету кредитов».

До ликвидации приходорасходных касс в них (кроме занятых окладным счетоводством сотрудников, перешедших в финотделы) работали 284 человека. После возложения на ведомство Госбанка СССР функций по кассовому исполнению госбюджета штаты 10 уездных и 3 районных госбанковских агентств увеличились всего на 67 человек.

Кроме того были вновь организованы Растяпинское (12 человек) и Нижегородское городское (37 человек) агентства Госбанка СССР.

В итоге реформа привела к сокращению аппарата занятых исполнением бюджетов финансистов на 168 человек и ежемесячной экономии фонда их зарплаты, составившей 3844 рубля.

Функции, прежде осуществлявшиеся приходорасходными кассами НКФ, теперь перешли к бюджетному подотделу Нижегородского губфинотдела и соответствующим частям уездных и районных финансовых отделов. Их сотрудники вели детализированный учет выполнения государственного и местных бюджетов, связанные с ним разборку и детализацию подлинных доходных и расходных документов, составление оборотных ведомостей и балансов.

Бюджетные учреждения стали прибегать к всевозможным ухищрениям, пытаясь использовать казенные средства *по своему собственному разумению*. 28 декабря 1927 года председатель СНК СССР А.И. Рыков вынужден был направить союзным наркомам циркулярное письмо № УС-660 «О недопустимости перечисления сумм из сметных кредитов по госбюджету на текущие счета ведомств и учреждений»:

«Проведенное в текущем месяце Главным управлением Государственного финансового контроля специальное обследование показало, что на текущих счетах Государственного и других банков числятся внесенными разными состоящими на госбюджете учреждениями весьма крупные суммы, полученные ведомствами и учреждениями за счет сметных ассигнований, предоставленных им по государственному бюджету. Таким образом, ведомствами и учреждениями преждевременно изъемлются из государственного казначейства крупные суммы, и затем уже за счет этих преждевременно изъятых сумм производятся постепенно расходы по чекам непосредственно с текущего счета на расплату с кредиторами казны. При этом, ввиду смешения на текущих счетах сумм, снятых с различных сметных подразделений, возможны случаи обращения назначенных по сметам кредитов не по прямому их назначению...

Незаконными являются и те случаи, когда суммы специальных средств хранятся вместо текущих счетов Государственного банка – на текущих счетах других банковских учреждений».

Все нарушения главным распорядителям кредитов предписывалось устранить в десятидневный срок. Однако добиться этого оказалось очень трудно...

Основным руководящим документом для учреждений Госбанка СССР по бюджетным операциям стали «Временные правила по приему, расходованию и учету государственных, местных и специальных средств и депозитов». Они были утверждены НКФ СССР и Правлением Госбанка СССР 6 сентября 1927 года.

Однако «Временные правила...» не охватывали всех операций по учету государственных и местных доходов, а также взаимоотношений госбанковцев с органами финансового ведомства. Поэтому в дополнение к ним были изданы соответствующие инструкции. Некоторые из них НКФ РСФСР выпустил без согласования с Правлением Госбанка СССР. Поэтому госбанковцы не считали их для себя обязательными. Да и противоречий в инструкциях хватало.

На практике возникла масса проблем сугубо технического характера. Агентства Госбанка СССР губфинотделу не подчинялись. Поэтому разрешение всех возникавших в ходе работы недоразумений, неточностей и сомнений приходилось осуществлять через губернскую контору Госбанка СССР. На это тратилось много времени, создавалась излишняя волокита...

Параллельно «в порядке рационализации» была проведена реорганизация аппаратов губернского и уездных финансовых отделов. Бывший контрольно-бухгалтерский подотдел (без сводной бухгалтерии) НГФО стал подотделом финансового контроля.

Впервые появился очень важный *бюджетный подотдел*. Он образовался из бывших подотделов местных финансов и сметно-кассового и переданной из контрольно-бухгалтерского подотдела сводной бухгалтерии.

К бюджетному подотделу перешли функции, прежде осуществлявшиеся кассами НКФ: именно в нем стали вестись детализированный учет выполнения доходной и расходной частей государственного, губернского и городского бюджетов.

Прежде из уездных финотделов в сводную бухгалтерию НГФО ежемесячно поступали оборотные ведомости и балансы. Здесь они лишь сводились воедино. Теперь же порядок изменился: из уездных агентств Госбанка СССР (подекадно) и его Нижегородского городского агентства (ежедневно) подлинные доходные и расходные документы по государственному, губернскому и городскому бюджетам «в сыром виде»

Сотрудники Нижегорожского городского агентства Госбанка СССР в главном операционном зале. 1929 год

направлялись в бюджетный подотдел НГФО. Там они детализировались по параграфам и статьям соответствующих смет наркоматов и балансовым счетам. Затем уже составлялись оборотные ведомости и балансы.

После ликвидации казначейских частей детализированный учет выполнения доходов и расходов госбюджета сосредотачивался в бюджетном подотделе Нижегородского губфинотдела. Поэтому уездные агентства Госбанка СССР вынуждены были подекадно высылать в НГФО подлинные доходные и расходные документы в необработанном виде.

Госбанковские агентства были освобождены от разбора и детализации документов по соответствующим балансовым счетам, параграфам и статьям смет. Поэтому нередко госбанковцы допускали небрежность в составлении и заполнении подлинных документов, особенно – доходных. В результате оказывалось непонятным: за что, кем именно уплачены деньги, какая сумма подлежит зачислению в государственный, а какая – в местный бюджет, по какой ассигновке выдан аванс, остатки от которого приняты на восстановление кредита.

Подобная неполнота документов очень сильно затрудняла приемку и детализацию их. Образовывались крупные суммы «невыясненных доходов». Финансистам приходилось вести интенсивную переписку по всей губернии, чтобы установить *действительных получателей* доходов. Все это требовало много времени, усилий, создавало «ненормальности» в выполнении доходной части госбюджета...

В Нижегородском городском агентстве Госбанка СССР под руководством П.М. Фурина непосредственно кассовым исполнением государственного и местных бюджетов было занято всего 10 сотрудников. Двое из них осуществляли прием государственных и местных налогов и сборов, уплачиваемых совместно. Один госбанковец производил прием исключительно местных налогов, поступавших отдельно от государственных. Еще один сотрудник агентства ведал выдачей патентов, учетом гербового имущества, вел счета (по документам) разных учреждений и граждан.

Трое госбанковцев производили операции по расходной части госбюджета: осуществляли проводки ассигновок, вели личные счета распорядителей кредитов по госбюджету, депозитные счета, выдавали депозиты и пенсии.

Еще три человека были заняты операциями по доходам местных бюджетов. Им приходилось обслуживать бюджеты губернии, Нижнего Новгорода, Нижегородского уезда и всех восьми его волостей.

Работа по кассовому исполнению волостных бюджетов сводилась к зачислению причитавшихся сумм на их текущие счета и выдаче наличных денег по счетам волисполкомов. Гораздо больше операций приходилось производить при исполнении губернского и уездных бюджетов.

На основании доходных документов ежедневно выявлялись общие суммы поступивших доходов в каждый отдельный местный бюджет. После приходования этих сумм (зачисления на текущие счета соответствующих бюджетов) Нижегородское городское агентство Госбанка СССР ежедневно посылало подлинные документы и авизовки в бюджетный подотдел НГФО, в ячейку по бюджету Нижнего Новгорода, в Нижегородский уездный финансовый отдел, уведомления – в соответствующие волостные исполкомы.

Для выполнения расходной части госбюджета требовалось разнести кредиты, открываемые бюджетным подотделом НГФО, по лицевым счетам распорядителей кредитов, по параграфам и статьям. После предъявления бюджетополучателями ассигновок нужно было списать в расход указанные в ассигновках суммы с

соответствующих лицевых счетов, параграфов и статей сметной номенклатуры.

Основное различие в операциях по исполнению расходных частей государственных и местных бюджетов состояло в следующем. Учет открытых кредитов по государственному бюджету производился не только по лицевым счетам распорядителей кредитов, но и по статьям и параграфам сметной номенклатуры.

По местным бюджетам велись только текущие счета распорядителей кредитов без распределения самих кредитов по статьям и параграфам.

При предъявлении к оплате ассигновок-чеков сотрудники агентства Госбанка СССР должны были проверить правильность составления ассигновки, соответствие указанных в ней предмета расхода параграфу и статье сметной номенклатуры. При выдаче авансов предстояло выяснить, не превышают ли они установленных норм. Если же деньги были госбюджетными, то проверялось также, имеется ли в соответствующем сметном подразделении свободный кредит.

Следовательно, учреждения Госбанка СССР не были полностью освобождены от контроля за соблюдением распорядителями кредитов бюджетной дисциплины. Однако сам процесс оплаты ассигновок на практике осложнялся целым рядом отступлений от правильного порядка. Их допускали губернский финансовый отдел и состоявшие на местном бюджете учреждения. Особенно много подобных отступлений возникало при кассовом исполнении бюджета Нижнего Новгорода.

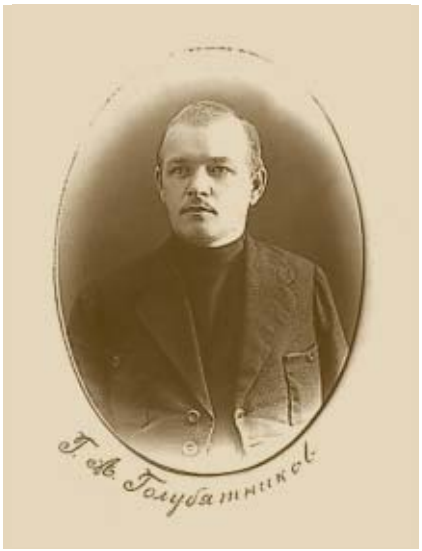
Доходы, поступавшие в кассу Нижегородского городского агентства Госбанка СССР для зачисления в городской бюджет, обычно оказывались недостаточными для удовлетворения текущих расходов. Поэтому состоявшие на городском бюджете учреждения, не дожидаясь извещения от НГФО об открытии им кредитов, выписывали ассигновки. С ними бюджетополучатели отправлялись в городскую часть НГФО и просили открыть им кредиты на оплату выписанных ассигновок. У некоторых таких ассигновок накапливались иногда десятки. Их они и приносили каждый день в НГФО, ожидая благоприятного для себя момента.

По мере поступления доходов в бюджет Нижнего Новгорода городская часть НГФО проверяла подобные ассигновки «на степень важности и срочности». Для удовлетворения наиболее важных и срочных ассигновок кредиты открывались. Городская часть Нижегородского губернского финансового отдела открывала их на лицевые счета соответствующих распорядителей кредитов, не дожидаясь от Нижегородского городского агентства Госбанка СССР извещений-авизовок о поступивших за день в бюджет губернского центра суммах.

Тем самым кредиты открывались под текущие дневные поступления денежных средств, которые даже не были еще оприходованы ни в городской части НГФО, ни в агентстве Госбанка СССР.

Многие кредиты в портфелях бюджетополучателей застревали на довольно длительные сроки. Подобная ситуация неизбежно влекла за собой целый ряд негативных явлений. Сотрудники НГФО и Нижегородского городского агентства Госбанка СССР были вынуждены давать разгневанным клиентам многочисленные справки о ходе поступления доходов в бюджет Нижнего Новгорода.

При открытии кредитов городская часть НГФО передавала уведомления-поручения об этом на руки самим бюджетополучателям. Те же представляли их в агентство Госбанка СССР *одновременно с ассигновками*.

Заведующий Нижегородским губернским финансовым отделом (1927—1929) Георгий Андреевич Голубятников

Губфинотдел

доводит до сведения всех содержимых на госбюджете учреждений г. Н.-Новгорода, что с 1-го июня с. г. они обязаны

на суммы до 5000 руб.

ВЫПИСЫВАТЬ

АССИГНОВКИ-ЧЕКИ

порядком, указанным в инструкции № 41, утвержденной 27 февраля сего года Наркомфинами СССР и РСФСР.

Зав. ГФО **Голубятников.**

№ 3485

ГОРФИНОТДЕЛ

доводит до сведения учреждений, предприятий и частных лиц, что

АРЕНДНАЯ ПЛАТА

за дома и торгово-промышленные помещения Комфонда принимается только

НАЛИЧНЫМИ ДЕНЬГАМИ

в кассу Горфинотдела. Касса Н. К. Х. с января с. г. постановлением Президиума Горсовета ликвидирована.

№ 1569. Зав. Горфинотделом **Голубятников.**

Объявления в «Нижегородской коммуне»

Все это приводило к нарушению правильного хода работ Нижегородского городского агентства Госбанка СССР: возникали длинные очереди, задерживалось обслуживание клиентуры. При одновременном предъявлении бюджетополучателями ассигновок-чеков и уведомлений НГФО об открытии кредитов требовалось тут же приходовать суммы на счета соответствующих распорядителей кредитов и лишь после этого проводить ассигновки, списывая в расход указанные в них суммы.

31 декабря 1927 года было днем выдачи зарплаты сотрудникам учреждений, состоявших на государственном и местных бюджетах. Клиенты предъявили госбанковцам 371 ассигновку. Если бы на заполнение каждой из них затрачивалось всего лишь по одной минуте, на это потребовалось бы больше шести часов.

В Нижегородском городском агентстве Госбанка СССР прием ассигновок осуществляли два сотрудника: каждый из них половину своего времени работы с клиентурой занимался лишь писаниной...

Упразднение приходорасходных касс НКФ и передача кассового исполнения бюджетов системе Госбанка СССР каких-либо возражений или недовольства у руководителей Нижегородского губернского финансового отдела не вызвали. Однако многие финансисты явно «не сочувствовали» нововведению из-за самостоятельности местных госбанковских учреждений и неподчинения их губфинотделу.

В уездных же финансовых отделах реформа кассового устройства была воспринята негативно. Уездные исполкомы и их финотделы расценили упразднение своих приходорасходных касс как явление «ненормальное», открыто высказываясь за возвращение к прежнему порядку организации кассового исполнения бюджета.

Уездные руководители и финансисты считали, что реформа умалила права местных Советов в распоряжении своими денежными средствами и вызвала массу неудобств для бюджетополучателей.

Особенно же возмущала их «бюрократическая» (такой она казалась) постановка бюджетного производства в агентствах Госбанка СССР, лишившая уездные финотделы возможности наблюдать за поступлением в местный бюджеты всех причитавшихся им сумм.

Из-за нечеткого разделения между бюджетами налогов и сборов, централизации отчислений от госдоходов в местные бюджеты в губфинотделе, отсутствия контроля за правильным расходованием распорядителями кредитов средств на первоочередные надобности и целого ряда технических неувязок между госбанковскими агентствами и уездными финотделами руководителям местных финансистов приходилось вступать в обширную переписку с НГФО. Последний же должен был решать возникшие вопросы не самостоятельно, как прежде, а вместе с губернской конторой Госбанка СССР.

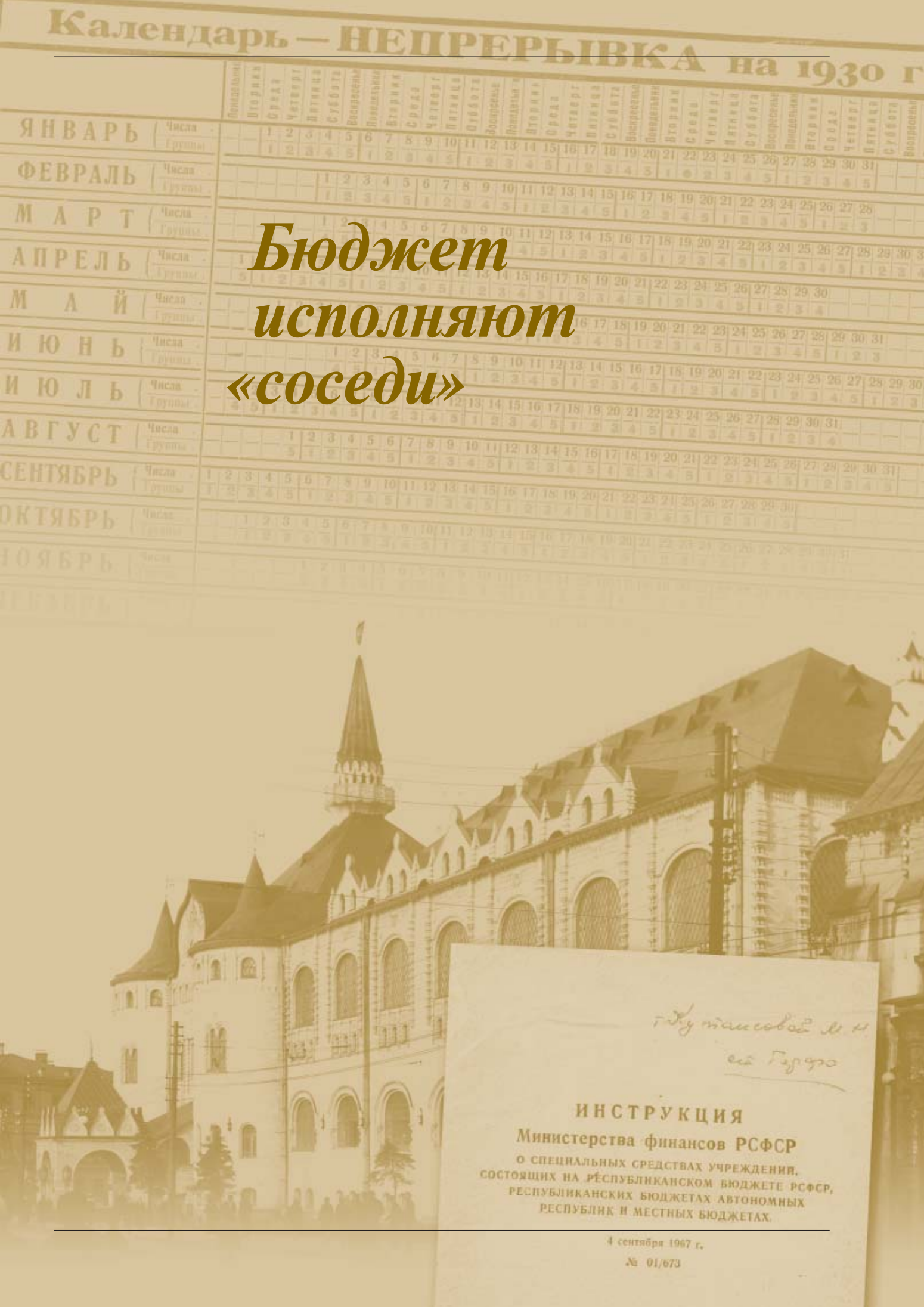
Уездные агентства Госбанка СССР были *его местными учреждениями*, но *не органами местных властей*. Это и являлось основной причиной недовольства последних реформой: «надавить» на управляющих госбанковскими агентствами уездным властям не удавалось.

Когда местные бюджеты исполнялись соответствующими приходорасходными кассами НКФ, председателям уездных исполкомов и секретарям комитетов ВКП(б) осуществлять нужные им решения было намного проще. Зато и нецелевое использование бюджетных средств на местах прежде имело место гораздо чаще.

Ведомство Госбанка СССР становилось «государственным контролером» расходования средств бюджетов всех уровней. Исполнять же местные бюджеты поручалось отныне Нижегородскому городскому банку...

С упразднением приходорасходных касс НКФ в бюджетном подотделе Нижегородского губфинотдела сосредоточился детализированный учет запаса гербового имущества (бандеролей, бланков патентов и прочих знаков оплаты) на территории всей губернии.

Бюджет исполняют «соседи»

Согласно Постановлению президиума ВЦИК от 29 сентября 1930 года Нижкрайфинотдел был переименован в Нижегородское краевое финансовое управление (НКФУ). Оно состояло из секторов: первого, управления делами, кредита, госдоходов, финансирования народного хозяйства, планово-экономического, организационно-инструкторского и кадров.

Через некоторое время управление вновь стало отделом. Изменилась и его структура. Секторы были реорганизованы в управления. Важнейшими из них являлись управление государственных доходов и бюджетное.

В самом конце 1930 года НКФУ и Нижегородская контора Госбанка СССР стали соседями по зданию на улице Я. Свердлова. Госбанковцы возвратились в свое историческое помещение, заняв площади ликвидированного к тому времени городского агентства.

В исполнении бюджета, кроме финансистов, участвовали также система Госбанка СССР, банки долгосрочных вложений, государственные трудовые сберегательные кассы, финансируемые из бюджета учреждения и организации.

Наибольшую нагрузку несли финансовые органы. Им поручалось проведение всех мероприятий, связанных с поступлением доходов в бюджет и финансированием бюджетных организаций и учреждений.

На протяжении всего года финорганы планировали поступление доходов и расходование бюджетных средств. Они же вели наблюдение за ходом выполнения бюджетных планов.

При исполнении расходной части бюджета финансовые органы открывали кредиты и предоставляли средства финансируемым из бюджета организациям и учреждениям. Они осуществляли текущий и последующий контроль за расходованием средств предприятиями и учреждениями, вели наблюдение за правильной постановкой учета и отчетности по исполнению бюджета, инструктировали по всем этим вопросам состоявшие на бюджете организации и учреждения.

Финансовые органы вели также бухгалтерский учет исполнения бюджета и составляли отчеты о его исполнении. Они же наблюдали за работой учреждений Госбанка СССР при выполнении ими бюджетных операций, контролировали работу банков долгосрочных вложений.

Основным органом кассового исполнения государственного бюджета СССР являлся Госбанк Союза ССР: на его учреждения возлагались прием всех платежей и зачисления их на соответствующие бюджетные счета, хранение бюджетных средств и оплата расходов по бюджету в наличной и безналичной формах.

При выполнении кассовых операций по бюджету учреждения Госбанка СССР производили только внутрибанковский контроль: проверяли соблюдение всех правил оформления платежных и расходных документов, следили за наличием свободного остатка открытых бюджетополучателем кредитов и на текущих счетах местных бюджетов и бюджетных учреждений.

Кассовое обслуживание местного бюджета осуществляли также и местные коммунальные банки. В нашем городе таким был существовавший с 1923 по 1959 год Горьковский областной коммунальный банк.

В целях дальнейшего сосредоточения всей работы по кассовому исполнению госбюджета *в одном месте* с 1930 года на Государственный банк СССР было возложено ведение детализированного учета доходов и расходов казны, бухгалтерского учета и составления отчетности об исполнении бюджета Советского Союза. Наблюдение за состоянием всех бюджетных средств осуществлялось теперь по документам оперативного учета *госбанковских учреждений*.

2 марта 1930 года состоялось объединенное заседание коллегии НКФ и Правления Госбанка СССР. По докладу о кассовом исполнении госбюджета было принято соответствующее решение:

«Государственный банк в системе бюджетной работы занимает положение кассового органа, исполняющего государственный и местный бюджет. Вся же руководящая, направляющая и контролирующая это дело функция сохраняется за НКФ и местными его органами. Малейший разрыв в руководстве и исполнении на этом важнейшем участке финансовой работы отражается самым гибельным образом на выполнении финансового плана и на его регулировании. Несогласованные в этой области мероприятия Госбанка и НКФ не могут способствовать успеху планового хозяйства и должны быть в корне пресечены».

На деле же добиться согласованности между финансистами и госбанковцами при исполнении бюджетов оказалось очень трудно: нестыковки действий «соседей» имели место долго. Проблема осложнялась дефицитом квалифицированных кадров как у финансистов, так и у Госбанка.

К концу 1933 года на территории Горьковского края был 91 районный и городской финансовый отдел. Лишь заведующий Свердловским райфо краевого центра М.А. Изотов имел за плечами техникумовское образование. У остальных же оно в лучшем случае сводилось к среднему.

Из 85 управляющих филиалами Госбанка СССР во всем крае высшее образование имелось только у управляющего Первомайским районным отделением А.И. Радаева. Да и обладателей техникумовских дипломов насчитывалось буквально единицы...

С 1 января 1935 года на балансе Госбанка Союза ССР был введен раздельный учет доходов по государственным бюджетам СССР и союзных республик. Взамен действовавших двух балансовых счетов № 8

и 10 (НКФ по госбюджету СССР и союзной республике) открывались четыре счета:

№ 8 «Госрасходы по бюджету СССР (в активе)»,

№ 10 «Госрасходы по бюджету союзной республики (в активе)»,

№12 «Госрасходы по бюджету СССР (в пассиве)»,

№ 13 «Госрасходы по бюджету союзной республики (в пассиве)».

Это было сделано «в целях уточнения учета и отчетности по бюджетным операциям».

Для контроля за правильным учетом движения кредитов по госбюджету СССР тогда же вводился их внебалансовый учет: за балансом появился новый раздел 18. В его составе открывались внебалансовые счета № 475 «Кредиты по госбюджету СССР» и № 476 «Кредиты по госбюджету союзной республики».

Проведенная реформа кассового устройства повлекла за собой много крупных изменений во взаимоотношениях казны Советского государства с его главным банком.

Для усиления контроля за переводом бюджетных кредитов между учреждениями Государственного банка СССР в 1940 году была введена *квитовка* бюджетных поручений. Госбанковское учреждение, которое получало бюджетное поручение или телеграмму о переводе такого кредита, тут же в обязательном порядке подтверждало получение и открытие им кредита путем высылки своему корреспонденту копии бюджетного поручения либо телеграммы.

Финансисты осуществляли систематический контроль за состоянием расчетных счетов предприятий и «современной дачей учреждениям Госбанка поручений на перечисление платежей в бюджет».

Вышестоящие органы – наркоматы (с 15 марта 1946 года министерства) и центральные учреждения СССР, союзных и автономных республик, отделы исполкомов местных Советов осуществляли разассигнование получаемых по бюджету кредитов и средств по подведомственным им учреждениям. Они же производили регулярные проверки хода выполнения смет, правильности и эффективности расходования государственных средств.

Центр всей этой работы на территории нашей области находился в доме № 24 по улице Я. Свердлова (Большой Покровской) города Горького. В нем размещались областные финансовый отдел и контора Госбанка СССР.

23 апреля 1939 года бюро Горьковского обкома ВКП(б) под председательством А.И. Шахурина констатировало явно «прорывную» работу областного финотдела:

«1) бюро обкома ВКП(б) требует от руководства облфо и партийной группы президиума облисполкома решительно покончить с практикой невыполнения плана мобилизации средств и, на основе соцсоревнования, в ближайшее время ликвидировать отставание и обеспечить систематическое выполнение плана мобилизации средств из декады в декаду.

2) обязать партгруппу президиума облисполкома и зав. облфо тов. Комарова коренным образом перестроить работу финансового аппарата, положить конец расхлябанности и безответственности на важнейшем

В этом здании размещались Горьковская областная контора Госбанка СССР и Горьковский областной финансовый отдел. Фото 1930-х годов

участке финансовой работы – мобилизации средств населения, повседневно осуществлять дифференцированное руководство финансовыми органами области...».

В отпущенный срок выправить положение не удалось. Поэтому последовали «оргвыводы».

Заведующий Горьковским облфинотделом К.Х. Комаров «не обеспечил руководства работой финорганов области». Постановлением президиума облисполкома 3 декабря 1939 года он был освобожден от занимаемой должности. Вместо Константина Хрисанфовича главным финансистом области стал бывший председатель Ковернинского районного финансового отдела А.В. Гуляев.

Проблем у исполнявших бюджет финансистов и госбанковцев было много. 30 апреля 1941 года НКФ РСФСР издал приказ «О результатах ревизии работы финорганов Горьковской области по государственным доходам»:

«...Работа большинства финорганов Горьковской области по государственным доходам до настоящего времени постановлено неудовлетворительно.

План госдоходов за 1940 год по налогу с оборота финорганами области не был выполнен. Не выполнен также план по налогу с нетоварных операций...

Финорганы не обеспечили должного контроля за деятельностью хозяйственных организаций и не добились поступления в бюджет возможных к получению доходов...

Выявленные ревизией недостатки в работе финорганов Горьковской области явились результатом неудовлетворительного контроля за данным участком работы со стороны областного финансового отдела, в частности, заместителя завед[ующего] облфо т. Артамонова, а также прямой недооценки значения массовой работы руководителями финорганов».

Начальнику отдела государственных доходов Горьковского областного финансового отдела В.А. Толстоброву было «поставлено на вид».

Вскоре началась Великая Отечественная война. Василий Алексеевич 8 июля ушел на фронт – одним из первых среди горьковских финансистов. В том же месяце он пал смертью храбрых...

9 июня 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение задания правительства по финансированию обороны страны Александр Владимирович Гуляев был награжден орденом Ленина. Высокие награды Родины получил и ряд его подчиненных.

В Фонд обороны СССР жители только областного центра за период с начала Великой Отечественной войны по 1 февраля 1943 года передали 737 тысяч рублей, на 350 рублей инвалюты, 3886 рублей вещей из драгоценных металлов, 1178 грамм золотого лома, 4042 грамма лома серебра, 4 грамма платины. Пожертвования продолжались вплоть до конца войны...

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования на лучшее выполнение государственного бюджета в первом квартале 1944 года финансовым органам города Горького была присуждена третья премия (20 тысяч рублей).

Горьковскую областную контору Госбанка СССР с 1942 по 1950 год возглавляли Н.Н. Гуляев и А.Ф. Сухнев*. С 1950 года ею в течение четверти века руководил знаменитый С.М. Пластинин.

В Горьковском областном финансовом отделе основная бюджетная работа была сосредоточена в его отделе государственных доходов. Именно в этом отделе после окончания Канашского финансового техникума с должности старшего ревизора-инспектора госдоходов 13 марта 1968 года начинал свой трудовой путь нынешний председатель Законодательного собрания Нижегородской области В.Н. Лунин.

Отдел госдоходов Горьковского облфинотдела отвечал за своевременность и полноту поступлений в бюджет доходов от предприятий обобществленного хозяйства: налога с оборота, бюджетных наценок и разниц, налогов с нетоварных операций и кино, отчислений от прибыли государственных учреждений, подоходного налога с кооперативных и общественных организаций, доходов от работы машинно-тракторных станций, эксплуатации лесов и недр, а также *«прочих неналоговых доходов и сборов»*. Он же производил реализацию госфондов.

После окончания войны обеспечивать выполнение плана поступлений в доходную часть госбюджета СССР финансистам стало очень трудно. 21 ноября 1949 года министр финансов Союза ССР А.Г. Зверев издал приказ № 1609 «О ходе выполнения плана и состоянии работы финансовых органов Горьковской области по налогам и государственным доходам». Нарушений в ведомстве Гуляева было вскрыто много:

«Заведующий Горьковским облфинотделом тов. Гуляев не осуществлял должного контроля за исполнением городских, районных и сельских бюджетов, вследствие чего не было обеспечено бесперебойное финансирование бюджетных учреждений и особенно учреждений, состоящих на сельских бюджетах».

И хотя финансисты находились с госбанковцами в одном здании, должного контакта между ними достичь не удалось. Облфинотдел в том числе не обеспечил:

«...В части ежеквартальной сверки взаиморасчетов финорганов с предприятиями и организациями и ежемесячной сверки данных финорганов о поступлении налога с оборота с данными учреждений Госбанка. Так, по состоянию на 1 января 1949 г. были сверены взаиморасчеты с 79% плательщиков налога с оборота, а на 1 апреля лишь с 56% плательщиков. Отчеты финансовых органов области о поступлении налога с оборота в 1949 году не сверялись с данными Госбанка и имели значительные расхождения».

За неудовлетворительное руководство работой финорганов области по государственным доходам и налогам Гуляеву был объявлен строгий выговор с предупреждением:

«...Если в течение ближайшего времени он не обеспечит устранения недостатков, вскрытых Министерством госконтроля СССР, то он будет привлечен к более строгой ответственности».

---

* *До своего назначения управляющим Горьковской областной конторой Госбанка СССР Александр Федорович работал заместителем заведующего Горьковским облфинотделом.*

Суровое на дворе было время, сталинское. Впрочем, сантиментов в отношении своих доходов государство не разводило никогда. Поэтому служба у всех финансистов государства Российского, его бюджет исполнявших, являлась очень опасной: можно было и во «враги народа» запросто угодить...

Вскоре А.В. Гуляев был освобожден от должности и отправлен в Ленинград на двухгодичные Высшие финансовые курсы при Финансовой академии. Горьковский областной финансовый отдел принял П.Е. Охотников.

По окончании учебы Александр Владимирович недолго руководил Ярославским облфинотделом, после чего возвратился в город Горький. В 1953 году он возглавил Управление гострудсберкасс и государственного кредита Горьковской области. С 1955 по 1970 год Гуляев снова руководил Горьковским областным финансовым отделом.

Заведующий Горьковским областным финансовым отделом (1939–1950, 1955–1970) Александр Владимирович Гуляев

Руководители бюджетных учреждений и организаций считались *распорядителями кредитов*. В зависимости от объема предоставленных им прав они подразделялись на *главных распорядителей кредитов*, распорядителей кредитов *второй* и *третьей* степеней.

Союзные и республиканские наркомы (министры) и руководители центральных учреждений, имевших *самостоятельные сметы*, являлись главными распорядителями кредитов по госбюджету СССР и бюджетам союзных республик.

Распорядители кредитов *второй степени* получали кредиты от главных распорядителей на расходы по сметам своих учреждений и для перевода их подведомственным учреждениям, которые непосредственного подчинения главному распорядителю кредитов не имели.

Распорядители кредитов *третьей степени* получали средства для *непосредственного* их расходования от главного распорядителя либо распорядителя кредитов второй степени.

Планы исполнения бюджетов всех уровней составлялись поквартально. Поэтому сами финансисты обычно называли их *бюджетно-кассовыми*.

К началу «ускоренной индустриализации» *свободной* бюджетной наличности уже давно не было. Госбанк СССР действительно получил средства казначейства. Однако из его собственных кредитных ресурсов государство стало *безвозвратно* черпать на нужды исполнения своего бюджета гораздо больше, чем давало. Тем самым значительная часть капитала Госбанка СССР фактически «проедалась» советской казной.

Этот неутешительный процесс удалось «замаскировать» соответствующими бухгалтерскими ухищрениями и появлением в балансе Госбанка СССР совершенно секретных счетов. Однако *обмануть экономику*, пытаясь непомерные расходы советского бюджета выдать за доходы Госбанка СССР, оказалось невозможно. Смешение в крупных масштабах финансовых и кредитных ресурсов, из каких бы самых благих соображений оно ни осуществлялось, неизбежно влечет за собой нарастание новых проблем...

Основными нормативными документами для всех бюджетных работников Советского Союза была некогда знаменитая инструкция Народного комиссариата финансов СССР № 638220 от 21 ноября 1938 года «По бухгалтерскому учету исполнения государственного бюджета СССР в финансовых органах».

8 декабря 1948 года Совет министров Союза ССР принял Постановление «О мерах по улучшению работы Госбанка по кассовому исполнению государственного бюджета СССР». В нем советское правительство констатировало:

«...Организация работы по бюджетным операциям и руководство ею в Госбанке не обеспечивают в настоящее время правильного кассового исполнения государственного бюджета СССР, в результате чего в этой работе имеются серьезные недостатки: допускаются ошибки в учете доходов и расходов по бюджету и в распределении доходов между бюджетами, имеют место неправильные выдачи бюджетных средств по государственной дотации, до сих пор не изжиты выдачи бюджетных средств сверх открытия кредитов и переплаты по пенсиям».

Для исправления столь неудовлетворительного положения со средствами казны Советского государства главному банку страны разрешалось организовать в своем центральном аппарате *самостоятельное* Управление по кассовому исполнению государственного бюджета СССР. На него возлагались организация работы во всем ведомстве, руководство и контроль за ее состоянием в учреждениях Государственного банка Союза ССР, составление сводной отчетности по кассовому исполнению госбюджета СССР, обслуживание союзных и республиканских министерств и центральных учреждений по бюджетным операциям.

В составе контор Госбанка были организованы отделы по кассовому исполнению государственного бюджета СССР. Именно на них возлагались руководство и контроль за кассовым исполнением бюджета в учреждениях Госбанка.

В городских управлениях госбанковских контор создавались отделы по кассовому исполнению государственного бюджета СССР и обслуживанию спецорганизаций. В отделениях Госбанка с большим объемом бюджетной работы вводились должности заместителей главных бухгалтеров по кассовому исполнению государственного бюджета СССР.

Правлению Госбанка Союза ССР предписывалось устранить недостатки в работе его учреждений по бюджетным операциям и обеспечить:

«а) правильное зачисление и учет поступающих в государственный бюджет СССР доходов и распределение их между союзным бюджетом, республиканскими и местными бюджетами;

б) выдачу средств из государственного бюджета в строгом соответствии с открытыми бюджетными кредитами и правильный учет выданных из государственного бюджета средств;

в) улучшение отчетности и внутрибанковского контроля и документации по бюджетным операциям».

В районных отделениях Госбанка СССР за бюджетные операции отвечали их главные бухгалтеры. Время после войны было очень трудным. Поэтому исполнявшие бюджет государства сотрудники банка, особенно в глубинке, жили впроголодь. Бывший главный бухгалтер Бутурлинского отделения Госбанка СССР А.М. Лошкарева вспоминает:

«Большемурашкинскому отделению Госбанка было присвоено первое место по соцсоревнованию, к ним выехала делегация... из Москвы и заехала к нам... Они зашли к управляющему, управляющий сказал уборщице, чтобы она пригласила... меня... Я растерялась: как я пойду, ведь я сижу разутая, у меня не было никакой обуви? Это было... летом, мне было стыдно выйти в зал, где были клиенты. Вот так я и не пошла на встречу с москвичами. Если бы не клиенты, я бы сходила, пусть бы посмотрели, как мы живем: и разутые, и раздетые, и голодные. Если бы посмотреть сейчас, что мы ели...».

Основная же работа по кассовому исполнению государственного бюджета СССР осуществлялась в Городском управлении Горьковской областной конторы Госбанка Союза ССР. Именно с нею на протяжении многих лет была связана судьба М.Н. Кутаисовой.

Мария Николаевна родилась в деревне Елховке Кстовского района 13 ноября 1933 года. Отец, Николай Алексеевич Стеблев, был из местных крестьян. В Первую мировую служил нижним чином в армии, попал в австрийский плен. Домой вернулся инвалидом. Работал в Нижнем по похоронному делу. Семья осталась в деревне.

Когда Маше было 5 лет, Елховка выгорела дотла. В декабре 1938 года мать с детьми перебралась к мужу в город. Здесь девушка закончила школу-семилетку. Учиться дальше возможности не было.

Знакомая посоветовала обратиться к главному бухгалтеру Городского управления Горьковской областной конторы Госбанка СССР Н.Д. Крупину. Она же и «замолвила слово» перед Николаем Дмитриевичем. 28 апреля 1950 года начальник Горуправления Е.К. Карабанова приняла на работу новую сотрудницу. Так началась госбанковская карьера Марии Николаевны, у которой и трудовой книжки-то еще не было. Первая запись в этом документе выглядела очень скромно: «Курьер». До революции, да и первое время после нее, подобная должность называлась иначе: «Мальчик»...

Маша разносила бумаги по операционному залу Городского управления. Вникала в суть разносимых бумаг и порядок их составления: дебет одного счета – кредит другого, проводки, записи, расчеты... Спустя 10 месяцев была назначена бухгалтером в отдел по кассовому исполнению государственного бюджета и обслуживанию спецорганизаций.

В 1952 году упорная девушка поступила во Всесоюзный заочный финансово-кредитный техникум. Через четыре года в руках у Маши Стеблевой был его диплом по специальности «Учет и оперативная техника в Госбанке».

С годами приходил опыт. Все ответственнее становилась работа: контролер, бухгалтер, старший бухгалтер операционного отдела Городского управления Горьковской областной конторы Государственного банка СССР.

Под началом И.М. Смирнова в отделе по кассовому исполнению госбюджета и обслуживанию спецорганизаций работали исключительно представительницы прекраснейшей половины рода человеческого: А.К Киселева, Р.М. Серова, М.П. Зверева, А.Я. Светлицкая, А.А. Поволяева, М.С. Сыроежкина, А.А. Кузнецова, К.А. Котельникова, В.П. Голованова, А.Н. Фесюкова.

Это был новый отдел в структуре Городского управления. 30 декабря 1949 года союзный Совет министров под председательством И.В. Сталина утвердил второй в его истории Устав Государственного банка Союза Советских Социалистических Республик. Как и прежде, на главный банк страны возлагалось осуществление кассового исполнения государственного бюджета СССР. «Бюджетницы», так их все называли в конторе, занимались очень широким кругом операций. В него входили:

«а) прием средств, поступающих в доходы союзного, республиканских и местных бюджетов, и зачисление их на счета соответствующих бюджетов;

б) производство отчислений от государственных налогов и доходов в республиканские и местные бюджеты в установленных размерах;

в) учет кредитов, открытых по союзному и республиканским бюджетам, а также перевод этих кредитов из одного учреждения Госбанка в другое;

г) выдача средств союзного и республиканских бюджетов на расходы учреждений, организаций и предприятий в пределах открытых им кредитов по целевому назначению, а также выдача средств местных бюджетов на расходы учреждений, организаций и предприятий в пределах свободного остатка средств на их счетах;

д) учет доходов и расходов и составление месячных и годовых отчетов по кассовому исполнению союзного и республиканских бюджетов; учет средств местных бюджетов;

е) прием и выдача специальных и внебюджетных средств и депозитных сумм учреждений, состоящих на союзном, республиканском и местном бюджетах;

ж) контроль за расходованием бюджетными учреждениями и организациями средств, полученных на заработную плату;

з) контроль за использованием средств, отпущенных на финансирование машинно-тракторных станций».

После Иосифа Максимовича Смирнова отдел по кассовому исполнению госбюджета и обслуживанию

Сотрудницы отдела по кассовому исполнению госбюджета и обслуживанию спецорганизаций Городского управления Горьковской областной конторы Госбанка СССР. В первом ряду в центре — М.Н. Кутаисова, справа от нее — А.Я. Митлина

спецорганизаций возглавила А.Я. Митлина. Под ее руководством работали А.С. Трифонова, А.К. Малина, Т.А. Ростова, К.С. Горбецкая, А.Т. Митрохина и ряд других сотрудниц.

В августе 1956 года Анна Яковлевна ушла на заслуженный отдых. Отдел приняла Ростова. Таисия Александровна возглавляла коллектив «бюджетниц» вплоть до августа 1965 года. Кутаисова стала заместителем главного бухгалтера по кассовому исполнению госбюджета и обслуживанию спецорганизаций Горьковской областной конторы Госбанка СССР.

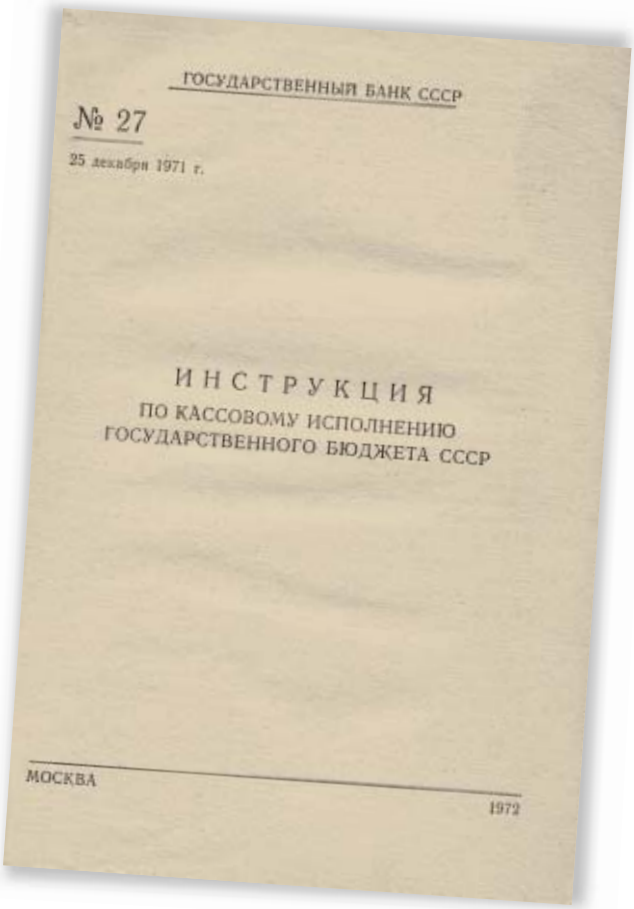
Летом 1955 года скоропостижно скончался Крупин. Главным бухгалтером был назначен И.В. Шалыминов. 23 августа 1965 года у Ивана Васильевича появился новый заместитель – М.Н. Кутаисова. Такую фамилию Мария Николаевна носила после выхода осенью 1955 года замуж за инкассатора Городского управления Ю.И. Кутаисова.

В отдел пришли новые сотрудницы: Л.Е. Москвина, Л.А. Золотова, В.П. Булгыкова, Э.А. Щербакова, В.М. Крюкова, П.М. Блюменталь, Т.А. Егорова, Л. Мазинова.

29 апреля 1971 года председатель Правления Госбанка СССР М.Н. Свешников издал приказ «О мерах по улучшению работы учреждений Государственного банка СССР по кассовому исполнению государственного бюджета СССР». В соответствии с ним во всех учреждениях ведомства были разработаны и проведены соответствующие мероприятия для исправления многочисленных ошибок и недопущения их впредь. Последовали и определенные «оргвыводы». С 10 мая 1971 года отделом по кассовому исполнению государственного бюджета СССР и обслуживанию спецорганизаций Горьковской областной конторы Госбанка Союза ССР стала руководить Кутаисова.

Озабоченных пополнением доходной части госбюджета СССР госбанковцев с их кассовым планом по приходу и финансистов с их планом государственных доходов в трудные минуты издавна выручал любимый народом сорокаградусный напиток. Бюджет Советского государства послевоенного периода был гораздо более «пьяным», чем Государственная роспись доходов Российской империи.

Официальная пропаганда с откровенно лживой либо засекреченной официальной статистикой внушала совершенно противоположное.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК СССР

№ 27

25 декабря 1971 г.

ИНСТРУКЦИЯ
ПО КАССОВОМУ ИСПОЛНЕНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР

МОСКВА
1972

Этот экземпляр знаменитой некогда инструкции № 27 принадлежал М.Н. Кутаисовой

Управляющий Горьковской областной конторой Госбанка СССР (1950—1975) Садофий Миронович Пластинин

Вот лишь один бывший до недавнего времени секретным архивный документ. 26 ноября 1937 года председатель Дивеевского райисполкома Дударев обратился в облисполком, облфинотдел и к прокурору Горьковской области:

«Прошу воздействовать на дирекцию Арзамасского спиртоводочного завода. Дирекция в нашем районе прекратила торговлю спиртоводочными изделиями... Мне кажется подозрительным прекращение торговли спиртоводочными изделиями, ибо это связано с занижением товарооборота и срывом государственного бюджета...

Прошу обязать [дирекцию] приступить к торговле спиртоводочными изделиями и кроме того я считаю необходимым проверить причины прекращения торговли»...

В 1962 году коллектив Горьковского областного финотдела выпустил брошюру «Как мы организуем работу по государственным доходам (Из опыта работы финансовых органов Горьковской области)». Ее открывает статья заведующего Горьковским областным финансовым отделом Гуляева «Государственные доходы — основа бюджета». В ней Александр Владимирович с гордостью констатировал:

«Итоги 1960—1961 гг. показали, что многие финансовые органы хорошо организовали работу по государственным доходам, обеспечили выполнение и перевыполнение планов по налогу с оборота и отчислениям от прибыли и не допустили задолженности по бюджету. Такие результаты достигнуты благодаря тому, что инспекторы и экономисты государственных доходов повседневно знали о работе предприятий и организаций, помогали изыскивать дополнительные ресурсы для увеличения выпуска продукции, принимали меры к своевременному поступлению платежей в бюджет».

Исторически бывшие очень не простыми отношения между «соседями» по зданию на углу улиц Свердлова и Грузинской города Горького в борьбе за «водочные деньги» обострялись еще сильнее. И госбанковцы, и финансисты зорко стояли на страже экономических интересов Советского государства. Однако каждое из двух ведомств решало свои задачи *самостоятельно*.

Финансисты стремились «выбить» для области как можно больше «фондов» на водку. В этом же были заинтересованы и госбанковцы — кассовый план по приходу требовалось выполнять любой ценой. А в символе 16 «злодейка с наклейкой» порою составляла половину. Но чтобы госбанковцам можно было получить эти деньги в свои кассы, водку сначала требовалось продать розничному покупателю.

Для подчиненных многоопытного Гуляева «неуемная тяга к спиртному» заключалась прежде всего в зачислении водочного налога с оборота на соответствующий счет доходной статьи госбюджета. При этом налог филиалами Государственного банка Союза ССР в госбюджет зачислялся не по месту нахождения ликероводочного завода, а по месту оплаты счета, выставленного этим заводом оптовому покупателю. В самом же счете сумма налога с оборота выделялась отдельной строкой и при оплате покупателем счета зачислялась непосредственно в государственный бюджет. Налог с оборота содержался в цене каждой бутылки водки.

Своевременно съездив на ликероводочный завод за соответствующими документами, финансисты представляли в отделения Госбанка СССР платежные извещения на перечисление налога с оборота в бюджет. Сама же водка к тому времени могла все еще находиться на заводском складе. Естественно, от этого символ 16 кассового плана реально ни на копейку не увеличивался.

В результате подобных манипуляций финансистов казна Советского государства действительно пополнялась. Худо-бедно свои планы соседям горьковских госбанковцев выполнять удавалось. И они постоянно прибегали к помощи водочной «палочки-выручалочки». Чего-либо *формально незаконного* в подобных действиях не содержалось.

«Выбив» фонды на водку и представив госбанковцам платежные извещения на перечисление водочного налога с оборота в бюджет, финансисты добивались от них безусловной оплаты выставленных счетов. Однако, если напиток в магазины на территории Горьковской области завезен еще не был или оставался непроданным, торговая выручка продолжала равняться нулю. Поэтому инкассировать госбанковцам оказывалось нечего: их кассовый план по приходу продолжал ярко полыхать синим пламенем.

Возникала явная финансово-экономическая несуразица. Многие управляющие районными отделениями Госбанка СССР понимали это и навстречу своим коллегам-финансистам не спешили. Те же жаловались на них как на «черствых людей», с которыми «очень много нервов приходится тратить». Разумеется, районные инстанции тут же «нажимали» на строптивых подчиненных управляющего Горьковской областной конторой Госбанка СССР Пластинина.

В сложившейся ситуации получалось, что финансисты радеют за наполнение доходной части госбюджета, а непонятно почему упорствующие госбанковцы своим крючкотворством злокозненно расставляют на их пути препоны. Подобное поведение коммунистов, состоявших на партийном учете в организациях на территории *их районов*, первые секретари райкомов

и товарищи из обкома партии явно «не понимали». Впрочем, большинство руководителей просто *не могло* этого понять.

И уж вполне однозначно никто из даже понимавших *не хотел* дозволять сию крамолу: «Район (город, область) не выполнит государственный финансовый план! Да понимаете ли Вы, товарищ госбанковец, это?!» В таком случае принципиальному управляющему отделением не всегда удавалось отделаться «строгачом»: *«Товарищ не понимает»*. Далее следовали всем хорошо известные «оргвыводы»...

В свое время И.В. Сталин пристально допытывался у союзного наркома финансов А.Г. Зверева относительно экономической природы категории, названной после упразднения прежних всем понятных косвенных налогов (акцизов) налогом с оборота. Автору «Экономических вопросов социализма в СССР» очень хотелось представить ее ничего общего с косвенными налогами не имеющей.

Разумеется, компетентный собеседник с подобным теоретическим посылом полностью согласился. Вот так и начал кочевать из одного учебника по теории советских финансов в другой постулат: косвенных налогов в СССР нет и быть не может.

Пластинин умел видеть за цифрами и круговертью казенных бумаг с показателями и процентами выполнения *реально протекающие* экономические процессы. Садофий Миронович прекрасно понимал: «мина», заложенная сталинско-зверевской трактовкой экономической природы «налога с оборота» под реальный сектор экономики, после кончины Вождя и Учителя рванула. Именно поэтому и усиливались противоречия между горьковскими госбанковцами и их соседями по зданию: дело было вовсе не в личностях.

Когда реально либо закамуфлированно налог с оборота поступал в доходную часть государственного бюджета *за счет кредитных ресурсов Госбанка СССР*, то это был явный нонсенс. Своими действиями соседи госбанковцев пытались обойти требования объективных экономических законов. В итоге казна обманывала самое себя: она просто перекладывала ресурсы из одного «кармана» в другой. При этом полагала, что их у нее стало больше.

11 октября 1957 года Гуляев провел крупное совещание работников руководимого им ведомства. Финансисты обсуждали выполнение плана по государственным доходам. Разумеется, немало говорили они и о способах быстрейшего зачисления в бюджет водочного налога с оборота.

На это мероприятие соседи пригласили и главного банкира области, которому в конце совещания было предоставлено слово для выступления. Садофий Миронович тоже остановился на проблемах:

«Особенно ценной является совместная работа финансовых органов и банков. К сожалению, в ряде районов мы этого не замечаем. Это получается почему? Там, где управляющий отделением банка и зав[едующий] райфо грамотные люди, понимают свои задачи, как правило, там никаких недоразумений нет, там работа идет слаженно. Но, к сожалению, у нас есть и такие случаи, когда у нас нет делового контакта. Верно, в этом повинна и та, и другая сторона...

Министр (нарком) финансов СССР (1938–1960) Арсений Григорьевич Зверев

Здесь много вопросов выдвигалось в отношении уплаты налога с оборота. Ведь [это действительно] важное дело – во что бы то ни стало получать деньги, т.е. перечислить деньги со счета хозоргана. План у него есть на это. Товар лежит еще на заводе (я имею в виду водку), платежное извещение привезли и говорят, [что] надо обязательно его оплатить.

Когда налог с оборота будет получен и осядет, к нам ведь предъявят [требования на] наличные деньги, а они будут тогда, когда водка в район будет привезена и продана.

Товарищи, когда вы стоите на позициях, что вам надо выполнить план, а товара еще нет, и т. д., за счет чего же получается платеж? Ведь в данном случае платеж идет за счет кредита Государственного банка. Вы думаете, что от этого Государственный банк выиграет, если мы за счет кредита Госбанка отдадим налог с оборота, а товар [еще] не реализован?

Или часто предъявляют к нам требования на досрочную уплату тех или других налогов, когда на расчетных счетах хозорганов имеются те или иные претензии. Я бы просил с такими просьбами [впредь] не обращаться, это неправильно. Во всех же других случаях, когда действительно это вытекает из экономики данного предприятия, тут, конечно, надо находить правильное решение вопроса. И наши работники должны идти на это.

Мы с облфо в этом отношении никогда не расходимся, хотя у нас и возникает целый ряд противоречий. Так и на местах надо находить правильное решение вопроса и правильное разрешение тех противоречий, которые возникают».

Как говорил финансистам главный госбанковец области, основным средством разрешения противоречий между «соседями» должно стать повышение уровня экономической работы.

«У нас ведь общая беда такая – у нас ведь очень низкий уровень экономической работы. Мы слабо разбираемся в деятельности предприятия и в этом отношении плохо оказываем помощь нашим районным организациям... Надо глубоко разбираться в хозяйстве и решать эти вопросы совместно. Тогда у нас никаких недоразумений не будет...

Мы в дальнейшем постараемся воспитывать наших работников на местах так, чтобы они способствовали

решению задач, которые стоят перед финансовыми органами. В то же время я призываю вас к тому, чтобы вы ответственно подходили к этому вопросу и помогали нам в решении тех специфических задач, которые стоят перед учреждениями Госбанка».

И все же *радикального* улучшения отношений между соседями по зданию так и не произошло. Каждый из них решал свои проблемы самостоятельно...

В пояснительной записке Горьковской областной конторы Государственного банка СССР к сводному годовому отчету о кассовом исполнении госбюджета за 1987 год отмечено:

«Годовые отчеты от всех учреждений Госбанка области получены в установленные сроки. Ошибки, допущенные учреждениями Госбанка при составлении годовых отчетов, устранены в период проверки отчетов и сверки данных отчетности с распорядителями кредитов.

Бескредитных выдач, не погашенных на 11 января 1988 года, не имеется. Справки распорядителей кредитов, сберегательных касс, финансовых органов и других организаций, администрирующих доходы, по учреждениям Госбанка заверены, по союзному бюджету по 650 счетам, что составляет 100%, и республиканскому бюджету по 1860 счетам – 100%»...

Союз Советских Социалистических Республик доживал свои последние времена. «Перестройка» неизбежно захватила и банковскую систему. 6 октября 1987 года председатель Совета министров СССР Н.И. Рыжков подписал печально знаменитое Постановление № 1118 «О перестройке деятельности и организационной структуре банков СССР». Так в Советском Союзе на короткое время появились казенные специализированные банки.

1 января 1988 года Городское управление Горьковской областной конторы Госбанка СССР было реорганизовано в руководимое Б.А. Казариным Горьковское областное оперативное управление Жилсоцбанка СССР. Отныне кассовое исполнение госбюджета и обслуживание спецорганизаций вместе с другими новыми банками осуществлял и этот банк.

Кутаисова по-прежнему руководила своим отделом, хотя и числилась теперь в системе Жилсоцбанка СССР. Даже уйдя по возрасту на заслуженный отдых, она продолжала работать в банковской системе.

Жилсоцбанка СССР с его областными оперативными управлениями вскоре не стало. Кассовое исполнение государственного бюджета вновь стал осуществлять главный банк страны. В Нижнем Новгороде был создан Головной расчетно-кассовый центр (ГРКЦ) при Главном управлении Центрального банка Российской Федерации (ГУ ЦБ РФ) по Нижегородской области. Сотрудники его соответствующего отдела и осуществляли кассовое исполнение госбюджета...

Банковский (другого у нее не было) стаж бывшего курьера – без малого полвека. Он закончился 25 апреля 1996 года: в тот день ведущий экономист отдела по исполнению госбюджета и обслуживанию клиентов ГРКЦ при ГУ ЦБ РФ по Нижегородской области Кутаисова была вынуждена (по семейным обстоятельствам) навсегда оставить работу. Вместе с ней стала достоянием истории и банковская эпоха в кассовом исполнении государственного бюджета на территории нашей области.

29 сентября 2005 года Марии Николаевны не стало. Она ушла из жизни, когда кассовое исполнение госбюджета в Нижегородской области вновь осуществлялось по казначейской системе...

В многотомной «Истории Министерства финансов России» ее авторы отметили:

«С началом рыночных процессов в российской экономике, сопровождавшихся ликвидацией централизованной государственной банковской системы, образованием разрозненной массы коммерческих банков, а также сосредоточением усилий Центрального Банка Российской Федерации на вопросах организации денежно-кредитного обращения значительно снизилась приоритетность вопросов контроля за исполнением бюджетов всех уровней.

К середине 1992 г. система исполнения федерального бюджета практически вышла из-под контроля Правительства Российской Федерации. Несвоевременное зачисление налогов и сборов на счета Министерства финансов и представление отчетности об их поступлении были характерны для многих банков, включая Центральный банк России. Последний, в свою очередь, практически потерял контроль над счетами бюджетных учреждений, которые с его согласия в погоне за прибылью стали переводить счета в коммерческие банки.

Пользуясь отсутствием контроля за движением государственных средств, банки преследовали свои коммерческие интересы, игнорируя и нарушая бюджетный процесс».

Столь плачевную ситуацию, которая угрожала развалом единого федеративного государства, требовалось исправить радикально. Выход из кризиса могло обеспечить только возвращение *к казначейской системе* исполнения государственного бюджета...